

ИСТОРИЯ, ЭТНОГРАФИЯ
И КУЛЬТУРА НАРОДОВ
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР
СЕВЕРО-ОСЕТИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. К. Л. ХЕТАГУРОВА

ИСТОРИЯ, ЭТНОГРАФИЯ И КУЛЬТУРА НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Межвузовский сборник статей

Редакционная коллегия:

доктор ист. наук, проф. Магометов А. Х. (ответ. редактор), канд.
ист. наук, доц. Исаенко А. В., канд. ист. наук Тотоев Ф. В.

В межвузовском сборнике статей рассматриваются отдельные проблемы этногенеза, истории и культуры народов Северного Кавказа. Авторы статей исследуют такие важные вопросы, как влияние русского населения на материальную культуру и хозяйство горских народов, этнические и культурно-исторические связи северокавказских народов, их социальная организация. Сборник предназначен для студентов-историков, научных работников и широкого круга читателей, интересующихся историей.

Лавров Л. И.

КУЛЬТУРА И БЫТ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В XIII—XVI ВЕКАХ

Историческая этнография, с одной стороны, освещает бытовой уклад населения в ту или иную эпоху, а с другой, создает основу для выявления закономерностей эволюции разных сторон этого уклада, что достигается сравнением их с хорошо известными фактами позднейшей истории.

Источники для изучения эволюции культуры и быта народов Кавказа, к сожалению, фрагментарны, но учет их все же позволяет наметить основные линии этой эволюции.

Ниже делается попытка дать суммарный этнографический очерк Северного Кавказа XIII—XVI веков.

В послемонгольское время на Северном Кавказе существовали поселения разных типов. В Дагестане происходил постепенный процесс оставления жителями мелких поселков и образования крупных селений, более приспособленных для обороны¹. В Дагестане же, и отчасти в горах Центрального Кавказа, поселения были скученными и располагались они на горных склонах. Подступы к поселениям укрепляли боевыми башнями или замками, а иногда каменными стенами². Поселение Эль-Журт (Балкария) в XIV—XVII вв. занимало площадь около 8 га и состояло примерно из 50 усадеб, расположенных террасами. В поселении были продольные и поперечные улицы и тупики³. Для горной полосы Северо-Западного Кавказа был характерен усадебный тип неукрепленных поселений. В степях, занятых кочевниками, постоянными населенными пунктами являлись города Тюмень, Маджары, Верхний и Нижний Джулат, Копарио, Матрега и некоторые другие. Город Маджары занимал площадь, превышавшую 8 км.⁴

Жилища также не были однотипными. Строительным материалом в горной полосе Восточного и Центрального Кавказа являлся камень, в предгорьях — преимущественно саман (сырцовый кирпич), а на Западном Кавказе — либо бревна, либо турлук (обмазанный глиной каркас из заплетенного хвороста). У степных кочевников жилищем служили круглые в плане войлочные юрты с каркасом из прутьев. При перекочевках юрту перевозили на двухколесной арбе. Стационарные дома на Северном Кавказе имели прямоугольный план и состояли из одной,

двух или трех комнат. Полы были земляными. Крыши на Восточном и Центральном Кавказе были, надо думать, глиняными и плоскими, а на Западном Кавказе — четырехскатными из соломы, камыша или дранки (деревянных пластин). В полу устраивали ямы для хранения зерна. Жилища в Балкарии имели пристенные каменные лежанки. Посредине или у одной из стен находился очаг. В Дагестане его иногда заменял пристенный камин⁵. В раскопанном жилище на Тлюстенхальском селище в Адыгее обнаружена «глинобитная печка, прямоугольная в плане, вверху полукруглая». Она «была сооружена путем обмазывания глиной каркаса из прутьев. В глину была подмешана солома. Печка опиралась на какие-то деревянные конструкции»⁶. У адыгов в XV в. упоминаются специальные дома для гостей⁷.

Судя по данным археологии и завещанию знатной аварки Кигилай (1523—24 г.), в домах имелись: надочажная цепь, светильник, сундуки, детские колыбели с сосудом для стока мочи, ковры, тюфяки, подушки, одеяла, котлы, посуда (деревянная, медная и керамическая), каменные сковороды и жаровни, ручные мельницы, прясна, ножницы, ножи, большие вилки для вынимания мяса из котла, шампуры, колодки для иглол, четки и т. д.⁸

В Хуламе (Балкария) при раскопках обнаружены остатки водопроводной трубы⁹. Производство таких труб в XIV в. существовало в городе Азове¹⁰. В Верхнем Джулате, недалеко от жилища, была раскопана деревянная кладовая, в которой среди прочего нашли железный замок и кленовую кадушку¹¹. Арабская надпись 1356 г. в сел. Курах в Дагестане упоминает конюшню, водяную мельницу и ток для молотбы, находившиеся за пределами селений¹².

Основными средствами передвижения служили арбы, запряженные, очевидно, волами или буйволами, верховые и вьючные лошади, верблюды, а на морях — парусные баркасы. И. Барбаро в XV в. сообщал, что татары Северного Кавказа и Юго-Восточной Европы пользовались арбами на двух больших колесах. Внутри их устилали цыновками, а сверху натягивали войлочные или суконные тенты¹³. Рисунок на камне, датируемый XVI—XVII вв., из аварского селения Тидиб, изображает арбу с плетеным кузовом и со спицами в колесе¹⁴. Коней татары не подковывали¹⁵. То же, очевидно, имело место и у горцев. Судя по изображению на курахской стеле 1356 г. в Дагестане, седла того времени отличались от позднейших тем, что их передняя лука была выше и шире. Конская упряжь включала подпярсье, подхвостник и наголовье с уздечкой, и трензелями¹⁶. Металлические части упряжи и стремяна того времени часто находят при раскопках. В завещании Кигилай (1523—24 г.) упоминается суконная попона для лошади¹⁷. На Кавказе, как и в сопредельных странах, всадники обычно обходились без шпор. Однако в погребении из пос. Праздничного на Кубани были найдены

железные шпоры¹⁸. Они же упоминаются в эпитафии 1462 г. в гор. Дербенте¹⁹.

Известно, что на важнейших магистралях в Золотой Орде была организована почтовая служба. Северный Кавказ не являлся исключением. Надпись 1301 г. упоминает почтовую станцию в Дербенте²⁰.

На Черном, Азовском и Каспийском морях курсировали парусные суда, принадлежавшие не только иностранцам, но и прибрежным жителям Кавказа. В XIV—XV вв. известны неоднократные случаи нападений адыгейцев на генуэзские корабли на Черном море и морских сражений между ними. Венецианец А. Контарини в 1476 г. зафрахтовал у дербентского жителя парусный баркас, вмещавший около 40 человек пассажиров и команды²¹. Среди наскальных рисунков, относящихся примерно к XIII в., у сел. Лучек в Дагестане, есть изображение парусного баркаса с десятком пар весел²².

Об одежде того времени можно судить по рассказам путешественников, скульптурным памятникам, фрескам и археологическим находкам. Автор XIV в. утверждал, что адыгские мужчины, за исключением благородных, «ходят почти без одежды»²³, и что адыги не носят богатых тканей, если не получают их из других стран²⁴. Но в богатых погребениях около гор. Белореченска обнаружены следы нательного платья из тонкого шелка. Застежками на нем служили мелкие пуговицы и петли из пришивной тесьмы. Такие платья найдены на мужских и женских скелетах. Можно предполагать, что большинство населения обходилось без нательного белья. Поверх нижнего платья на погребенных обоего пола были надеты короткие (выше колен) бешметы, покрой которых почти совпадает с покроем бешметов XIX—XX вв. Но в противоположность последним, бешметы XIV—XV вв. могли быть и парадной одеждой, так как нередко шились из шелковой ткани с золотыми или серебряными пуговицами. Борта бывали украшены рядом горизонтальных нашивок из сложенной вдвое шелковой тесьмы. Длина каждой нашивки равнялась 7—10 см, а интервалы между ними — 3—4 см. Кроме того, борта и подол бешмета окаймлены узорчатой шелковой лентой. Такие же бешметы найдены в кабардинских погребениях XIV—XV вв. у станицы Змейской. Изображение бешмета можно видеть на Этокском памятнике из Кабарды, который относят к XII или XVI в.

Погребенные в белореченских курганах поверх бешмета были иногда одеты в халаты. Один такой халат из женского погребения, реставрированный Е. С. Видоновой, оказался прямого покроя, однобортным, со сходящимися спереди полами, без воротника, с полукруглым вырезом ворота и широкими разрезными рукавами. Спереди от ворота до пояса полы застегивались при помощи серебряных пуговиц и нашивных шелковых петель. Халат был длиной почти до пят²⁵. Г. Интериано в XV в.

писал, что адыги носят «халат с широкими рукавами из холста»²⁶.

Находимые в могилах шаровары скроены из двух половинок. Шили их из кожи, а богатые — из шелка. Носили на очкуре и заправляли в ноговицы. В женском погребении у Белореченска обнаружены остатки шубы из меха дикой козы²⁷. Г. Интериано упоминает у мужчин бурку, «которая носится на одном плече, оставляя на свободе правую руку»²⁸.

В погребении XIII—XIV вв. у сел. Байрым в Балкарии покойница была одета в шерстяной кафтан, под которым находилась шелковая рубашка «покроя кимоно с длинными рукавами, с ластовицей.... Длина рубашки до колен 1 м 20 см. Спереди от горловины разрез до талии. Видны мелкие металлические пуговицы и петли из той же ткани... Внизу у подола пришита тесьма-кружево, так же кружевом отделаны рукава, внизу манжет... На плече и в левом боку у пояса рубашки две петли из рулика. По-видимому, к этим петлям были прикреплены железные ножницы; ... на правом же боку, также на петле, висел мешочек-сумочка из шелковой ткани на подкладке». В сумочке лежал бронзовый наперсток. «Под рубашкой находились широкие, длиной 55 см (до колен), шаровары, сшитые из ластовицы и 4-х прямых равных полотнищ ткани в клетку. Шаровары у талии держались на шнурке»²⁹.

На погребенной была одета войлочная шапочка пятигранной формы с конусообразным верхом. «Сверху войлок покрыт шерстяной тканью, а поверх нее половина шапочки покрыта легкой шелковой тканью в виде газа. На ребре прикреплены тюлевые полоски, связанные узлом, которые, по-видимому, служили украшением и спускались сбоку в виде завязок»³⁰. Подобные островерхие женские шапочки очень часто дополнялись бронзовым или серебряным шишаком, а иногда — такими же пластинками³¹.

Головные уборы мужчин были двух или трех типов. Одним из них являлась тюбетейка. В могиле XIV—XV вв. под гор. Нальчиком отмечены «остатки шелковой шапочки в виде скуфьи с двумя полосками серебряного галуна весьма грубой работы»³². К тому же времени относится найденная у станицы Равеской «ермолка из шелковой ткани коричневого цвета, разделенная на 6 клиньев или частей узеньким позументом, плетеным из серебряных нитей»³³. Более подробное описание мужской тюбетейки приводит В. П. Левашева на основании инвентаря курганов XIV—XV вв. близ гор. Белореченска. «Мужчины носили парчевые или шелковые тюбетейки на подкладке из легкого шелка. Верх шился из четырех клинышков, околыш выкраивался прямой. Часто по швам тюбетейка украшалась нашитым шнурком или позументом, иногда вышивалась шелком. Подкладка выкраивалась с таким же околышем, но с верхушкой в виде круга. К макушке пришивался свободно свисавший шнур с

кисточкой на конце»³⁴. В других случаях к кромке тюбетейки пришивалась полоска материи, закрывавшая лоб и часть шеи³⁵.

Другим типом мужского головного убора был высокий войлочный колпак, о котором Г. Интериано в XV в. писал, что у адыгов «на голове войлочная шапка, острая, будто голова сахара»³⁶. Именно такие колпаки видны на некоторых фигурах, изображенных на каменном кресте 1581 г. из сел. Эльхотово³⁷, и на фресках храма в Балкарии³⁸.

По словам Г. Интериано, адыги носили «сапоги и штиблеты, надевающиеся одни на другие, очень красивые»³⁹. То были кожаные ноговицы и чевяки. Тип их был одинаков у мужчин и женщин⁴⁰. В упомянутом выше погребении из сел. Байрым оказались две пары сапог. «Поверх сапог меньшего размера из мягкой кожи были надеты сапоги большего размера из более грубой кожи»⁴¹.

Пояса встречались кожаные и шелковые с металлическим набросом (пряжки, обоймицы, наконечники, украшения в виде бляшек, колец и пр.). Мужчины подвешивали к поясу оружие и предметы, нужные в походе. В редких случаях употреблялись пояса в виде сплошной бронзовой, а иногда даже золотой цепи⁴².

В Карачае были найдены детские вышитые рукавички XIV—XVI вв.,⁴³ а в Чечне снегоступы того же времени⁴⁴.

Украшениями для женщин служили серебряные и золотые серьги, перстни, браслеты, иногда и шейные бусы. Последние нередко нашивали на детскую и мужскую одежду. Перстни носили и мужчины.

Г. Интериано сообщал, что адыги под буркой «носят кольчугу, спускающуюся от пояса складками на староримский лад»⁴⁵. В разных местах Северного Кавказа найдены кольчуги, полушарные и остроконечные железные шлемы (иногда с персидскими и арабскими надписями), остроконечные изогнутые сабли с крестовиной у эфеса, кинжалы, ножи, деревянные и берестяные колчаны, обтянутые кожей, такие же саадаки и луки со стрелами⁴⁶. Широкое распространение защитного вооружения вызвало необходимость усовершенствования лука и стрел. В послемонгольское время луки стали сложными, с костяными прокладками и тугой тетевой. Получили распространение металлические и сердоликовые кольца, предохраняющие палец при спуске тетевы. Наряду с этим появились и бронебойные наконечники стрел⁴⁷. Среди редко употреблявшегося оружия нужно назвать копья и булавы. При осаде крепостей татары пользовались стенобитными машинами (таран) и керамическими зажигательными бомбами, начиненными нефтью.

Об адыгах известно, что они отпускали длинные усы, а иногда и бороды. На бритой голове они оставляли на макушке или у левого уха длинный чуб, подобный запорожскому «оселедцю»⁴⁸. Женщины заплетали косы⁴⁹. На покойнице из Бай-

рыма косы были уложены на голове в виде короны⁵⁰.

Юлиан в начале XIII в. сообщал, что северокавказские ала-ны питаются просом⁵¹. Закария Казвини в 1275 г. писал, что цахурцы Южного Дагестана употребляли в пищу овечье молоко (свежее и скисшее) и особую разновидность ячменя, называвшуюся «сульт»⁵². Архиепископ Иоанн де Галонифоптибус в XIV в. отмечал, что население Кавказа и Золотой Орды «не употребляет много хлеба или вина, довольствуясь мясом и небольшим количеством молока», но их «элита ест конину и пьет кумыс». Он также упоминает масло из грецких орехов, которое употребляют в пищу дагестанцы⁵³. В XV в. ногайцы Северного Кавказа, по словам И. Барбаро, питались мясом диких и домашних животных, а также разными травами и кореньями, а напиток приготавливали из проса, заправленного водой и медом⁵⁴. Г. Интериано сообщал, что адыги едят рыбу, небольшое количество мяса, а «пшеницы у них нет вовсе, зато много проса и других водянистых семян, из которых делают хлеб, разные кушанья и напитки и зовут его (напиток — Л.Л.) боза; употребляют также вино из яблок (сидр)»⁵⁵. В хронике «Тарихи Дагустан», составленной до середины XVI в., в числе пищевых продуктов упоминаются пшеница, рис, рыба, и скот⁵⁶.

В могильниках и на городищах XIII—XVI вв. часто находят следы пищевых продуктов. Например, на городище Верхний Джулат были выявлены, кроме зерен, кости рыб (сазана и севрюги), птиц, крупного и мелкого рогатого скота, домашней свиньи, оленя, козули, кабана, лисицы и зайца⁵⁷.

Сведения о семейном и общественном быте населения Северного Кавказа можно почерпнуть лишь из немногочисленных литературных сочинений того времени. К сожалению, они фрагментарны и относятся преимущественно к западной части края.

Междоусобицы и иноземные нашествия требовали от каждого постоянного боевой готовности. Адыгские феодалы, по словам Г. Интериано, «спят всегда с броней либо кольчугой под головами и оружием при себе, как бы внезапно им не случилось подняться, первое их дело — одеть панцирь»⁵⁸. Феодалы тайными тропами пробирались к своим соседям, захватывали в плен крестьян и продавали заморским купцам в рабство. Особенно много пленных попадало затем в Египет, где они шли на пополнение султанской гвардии (мамелюки). Нищета и надежда на лучшую жизнь в чужих странах заставляли многих крестьян продавать и своих собственных детей⁵⁹.

Личная щедрость и гостеприимство считались у горцев не-пременными условиями поведения по отношению не только к соплеменникам, но и к чужеземцам⁶⁰. Характерен ответ горского владельца Пулада, данный в 1395 г. послам Тимура, требовавшим выдачи золотоордынского вельможи Удурку. Пулад сказал: «Удурку искал у нас убежище. Пока душа будет в теле, я

его не выдам, и пока останется один вздох от духа, буду защищать его!»⁶¹ Пулад сдержал слово.

Все народы Северного Кавказа допускали у себя многоженство. Не составляли исключения в этом и те, кто, как адыги, формально придерживался христианства⁶². Если верить Юлиану, побывавшему перед 1235 годом у адыгского феодала на Тамани, последний содержал, будто бы, 100 жен⁶³. У адыгов существовал обычай левирата, согласно которому овдовевшая женщина становилась женой своего деверя⁶⁴.

Интересные подробности, относящиеся к свадьбе у осетин (яссов) начала XV в. сообщил И. Шильтбергер. У него сказано: «Перед выдачею замуж девицы, родители жениха условливаются с матерью невесты в том, что последняя должна быть чистая дева, чтобы, в противном случае, брак считался несостоявшимся... В назначенный для свадьбы день невесту приводят с песнями к постели и кладут ее на оную. Затем приближается жених с молодыми людьми, держа в руке обнаженный меч и ударяет им по постели, пред которою садится потом с товарищами и с ними пирует, пьет и пляшет. По окончании пира они раздевают жениха до рубахи и удаляются, оставляя новобрачных наедине в комнате, к дверям которой является брат или кто-нибудь из ближайших родственников жениха, чтобы сторожить с обнаженным мечом. Если же оказывается, что невеста уже не была девою, то жених извещает об этом свою мать, которая приближается к постели с несколькими подругами для осмотра простынь. Если на них не встречают искомым ими знаков, то печалются. Когда же утром родственники невесты являются для праздника, мать жениха уже держит в руке сосуд, полный вина, но с отверстием на дне, замкнутым ее пальцем. Она подносит сосуд матери невесты и снимает палец, когда последняя хочет пить, так что вино выливается. «Такова точно была твоя дочь»,—говорит она. Для родителей невесты это большой срам, и они должны взять обратно свою дочь... Тогда священники и другие почетные лица заступаются и убеждают родителей жениха спросить своего сына, хочет ли он, чтобы она осталась его женой. Если он соглашается, то уже священники и другие лица приводят ее к нему снова. В противном случае их разводят, и он возвращает жене ее приданое подобно тому, как и она должна вернуть платья и другие подаренные ей вещи, после его обе стороны могут вступить в новый брак»⁶⁵.

«Адыгские женщины,—писал Г. Интериано,—рожают на соломе, ибо хотят, чтобы солома была первым ложем ребенка, которого несут потом к реке и моют в ней, несмотря на холод... Имя ему дают по имени первого чужого человека, который войдет в дом после родов»⁶⁶.

У адыгских феодалов существовал обычай аталычества, согласно которому они отдавали своих детей (преимущественно мальчиков) на воспитание в семьи своих подданных. Воспитате-

ли обучали их верховой езде, владению оружием и пр.⁶⁷ Девушки до замужества пользовались относительной свободой⁶⁸.

Сохранилось подробное описание похоронного обряда у адыгов в XV в. Знатного покойника они бальзамировали и затем клали на сооруженный в поле помост. Родственники и посторонние приносили в дар серебряные кубки, луки, стрелы и т. д. Жена покойного сидела при этом перед помостом и не плакала, так как это считалось неприличным. По обе стороны помоста стояли два старых родственника покойного, а на помосте сидела девушка и обмахивала лицо его платком, привязанным к стреле. На восьмой день покойника, вместе с частью принесенных даров, клали в колоду, сделанную из расколотого вдоль и выдолбленного в середине толстого ствола дерева, а потом несли к месту погребения. Над могилой насыпали курган и затем устраивали тризну. При похоронах особо знатных лиц иногда совершалось публичное изнасилование девушки, которую совершивший это затем брал себе в жены⁶⁹.

Погребения в колодах или в гробах, относящиеся к XIV—XVI вв., открыты в настоящее время на всей территории бывшего расселения адыгейцев и кабардинцев, за исключением Черноморского побережья, где покойников, иногда предварительно сожженных, помещали во врытые в землю каменные ящики или непосредственно в грунтовые ямы. Погребения в колодах и гробах встречались и у некоторых соседних с адыгами народов. Например, ногойцы, используя колоду для погребения, иногда прикрывали ее колесом от арбы. Простые грунтовые погребения того же времени известны как в степях, так и в горах на всем Северном Кавказе. В Дагестане и в горах Центрального Кавказа наиболее распространены были могилы с каменными ящиками. В горах Центрального Кавказа встречаются и позднеаланские катакомбные захоронения. В степной полосе, которую занимали ногойцы, а также в горах Дагестана и Центрального Кавказа встречались наземные и полуподземные склепы и мавзолеи.

Столь большие отличия погребальных сооружений указывают на значительную разницу бытовых особенностей населения Северного Кавказа в послемонгольское время. Поэтому описанные выше обычаи адыгов и осетин нельзя безоговорочно распространять на все народы этого края. Коренное население Северного Кавказа исповедывало ислам, православие, католицизм и первобытные народные верования. Ислам оставался господствующей религией на большей части Южного и Среднего Дагестана и продолжал распространяться за их пределами. К XIII—XIV вв. утвердился в Золотой Орде, не позже XIV в. проник в Аварию⁷⁰ и был принят в Зирих-Герани⁷¹, в 1475 г. его приняли жители Гидатля⁷², а в XV—XVI вв. — население Кабарды⁷³. «Война за веру» против христиан и язычников Северного Кавказа превратилась в постоянный промысел так называемых

«газиев» («воителей»), в том числе казикумухских шамхалов и сефевидских шейхов. В Дагестане и городских центрах Предкавказья повсеместно строились мечети. В XIV в. соборная мечеть существовала и в Пятигорье⁷⁴. Среди активных проповедников ислама источники называют в рутульском селении Ихрек цахурца Хаджи-Гукаса и его жену (около XIII в.)⁷⁵, в даргинском селении Шири — иранского шейха Хасана (1306 г.)⁷⁶, в городе Маджары — иракского шейха Мухаммеда и бухарского шейха Из-эд-Дина (XIV в.)⁷⁷ в сел. Кумухе — йеменского правоведа сейида Ахмеда (XV в.)⁷⁸.

На территориях, где господствовал ислам, некоторая часть населения все же исповедывала христианство. Так, архиепископ Иоанн Галонифонтис в XIV в. писал о Дагестане, что его жители («лезги») «отчасти магометане, а отчасти христиане»⁷⁹. В том же XIV в. грузинский католикс Евфимий, обозревая свою епархию, видел православные храмы в разных местах Дагестана, в том числе в Цахуре, Табасаране и Хунзахе («Хундзи»), а также в Чечне («Нахче») ⁸⁰. Известно, что около середины XVI в. отец хунзахского мусульманина Мухаммеда оставался христианином и носил христианское имя Иван⁸¹.

Православные храмы существовали в Маджарах, Верхнем и Нижнем Джулате, Матреге, в горах Карачая, Балкарии, Северной Осетии и Чечено-Ингушетии. Возможно, к этому же времени относится функционирование храма в сел. Датун в Дагестане. В Аварии, Чечено-Ингушетии, Балкарии, Закубанье, на Ставрополье неоднократно находили кресты, каменные и металлические, надгробные и нательные, которые датируются XIII—XVI вв. Причем в Маджарах и у сел. Майртуп в Чечено-Ингушетии были обнаружены кресты с русскими надписями⁸².

Среди северокавказского православного духовенства были греки⁸³, грузины⁸⁴ и местные жители. Один из них, иерей Педерико, умерший в Закубанье в 1380 г., был, по некоторым данным, адыгейцем⁸⁵.

Об аланах I-й половины XIII в. Юлиан писал, что они чтут воскресный день недели, когда любой человек у них может пребывать в полной безопасности, а крест у них «в таком уважении, что... если поместят какой-нибудь крест на конце шеста с хоругвию и, подняв его, несут, во всякое время могут идти безопасно». Однако православие на Северном Кавказе было сильно перемешано с дохристианскими верованиями. Тот же Юлиан сообщал, что православный князь зихов на Тамани придерживался многоженства⁸⁶. Современник Юлиана, епископ Феодор заявлял, что «аланы христиане только по имени»⁸⁷. Адыги в XIV в., по словам архиепископа Иоанна, соблюдали лишь некоторые обряды греческой веры и игнорировали многие другие. Они держали посты перед пасхой и рождеством, а также каждую пятницу⁸⁸. Яркую картину религиозного состояния у адыгов в XV в. сообщил Г. Интериано. Адыги, по его словам, «испове-

дуют христианскую веру и священников имеют по греческому обряду; крестятся только взрослые 8 лет и старше простым кроплением и благословением священника. Знатные не входят в церковь, пока им нет 60 лет., а до тех пор присутствуют при ней верхом у дверей, а не иначе»⁸⁹.

Опираясь на генуэзские и венецианские фактории, католические миссионеры проводили в XIII—XV вв. активную деятельность по распространению своего вероучения. В XIV в. на Северном Кавказе было немало католиков⁹⁰. В 1349 г. адыг Жан де Зики был посвящен римским папой в архиепископы⁹¹. Католиком был, вероятно, и адыгейский князь Миллен или Верзахт, с которым в 1329 и 1333 гг. сносился папа римский⁹². В 1346 г. был назначен католический епископ в Матрегу. Другая епископская кафедра была основана в одном из Джулатов, где проживало много католиков, а тамошние священники принадлежали к ордену кармелитов. Церковная служба у них происходила на татарском языке⁹³. Из трех церквей XIII—начала XIV вв., раскопанных в Верхнем Джулате, две оказались католическими⁹⁴. Известно, также, что католическая церковь существовала в Копарио⁹⁵. Около 1363 г. образовалось католическое «епископство Каспийских гор», а к 1392 г. в Дагестане («в стране Кайтагской») находилось уже пять католических епископских кафедр («Комек, Тума, Тарку, Дервели, Микаха»)⁹⁶.

Католичество на Северном Кавказе не в состоянии было пустить глубокие корни, а захват генуэзских факторий турками в 1475 г. положил конец деятельности в этом крае папских миссионеров.

Образование Золотой Орды, нашествия Тимура и ранних сефевидов, а также захват черноморских городов турками принесли большой урон православию на Северном Кавказе и лишили последний постоянной связи с единоверными Византией и Русью. Христианство, таким образом, отступало под напором ислама и снова оживавших первобытных верований, но его пережитки удерживались до XIX в. включительно.

И. Барбаро в XV в. писал, что татары (собственно ногайцы) приняли ислам во время всемогущего вельможи и военачальника Едигея на рубеже XIV—XV вв. А до того многие из них «поклонялись деревьям или тряпочным иступанам, и возили их на своих телегах»⁹⁷. Тот же И. Барбаро сообщал: «Однажды, находясь в Орде, я увидел на земле опрокинутую деревянную миску... Подняв ее, обнаружил, что под ней было вареное просо. Я обратился к одному татарину и спросил, что это такое. Он ответил, что это положено... язычникам. Я спросил: а разве есть язычники среди этого народа? Он ответил: Хо, хо! Их много, но они скрываются»⁹⁸. Юлиан в XIII в. утверждал, что аланы «представляют смесь христиан с язычеством»⁹⁹. Архиепископ Иоанн в XIV в. отмечал, что адыги по праздникам приносили в жертву животных и головы их выставляли на вет-

вах дерева. Около храма можно было видеть дерево с крестом, которое называли «деревом бога». Кроме голов жертвенных животных, на нем развешивали разные другие приношения. Вокруг такого дерева бывал начертан круг, внутри которого ничего нельзя было трогать. Там до поры до времени могли скрываться беглые рабы и кровники. Архиепископ Иоанн, кроме того, сообщал, что адыгские женщины умеют заниматься волшебством¹⁰⁰. Интересное известие принадлежит И. Шильтбергеру (начало XV в.). Он писал, что у адыгов «есть обычай класть убитых молнией в гроб, который потом вешают на высокое дерево. После того приходят соседи, принося с собою кушанья и напитки и начинают плясать и веселиться, режут быков и баранов и раздают большую часть мяса бедным. Это они делают в течение трех дней и повторяют то же самое каждый год, пока трупы совершенно не истлеют, воображая, что человек, пораженный молнией, должен быть святой»¹⁰¹. Наступление первобытных верований на христианство в XIII—XVI вв. наглядно иллюстрируется судьбой христианских храмов в Ингушетии, которые вскоре после своей постройки (XII—XIII вв.) были превращены в языческие святилища и склепы¹⁰².

Что касается народного искусства, то И. Шильтбергер упоминал танцы у адыгов¹⁰³, а в погребении начала XVI в. близ сел. Советского в Чечне найдены остатки музыкального инструмента типа зурны¹⁰⁴.

О фольклоре послемонгольского времени дают некоторое представление памятники иконографии и письменности, в том числе и эпиграфики.

Примечательна каменная стена в лезгинском сер. Курах. Ее поверхность покрыта арабской надписью и рисунками 1356 г. Рисунки изображают зверя, который преследует фантастическое чудовище, а ниже их помещен всадник с соколом на руке. На спине зверя написано «лев», а в пасти чудовища — «большая змея» или «дракон». Рисунок показывает, что в XIV в. лезгины представляли дракона в виде большого насекомообразного существа на четырех лапах, с четырьмя колючими хвостами, огромной пастью, с колючками на голове и ногах. Чудовище не имело крыльев.

Хроника Махмуда Хиналугского 1456—1457 гг., а также составленные в XIV—XVI вв. «Дербенд-наме» и хроника Мухаммеда Рафи зафиксировали династические предания шамхалов казикумухских, уцмиев кайтагских и майсумов табасаранских о происхождении их от арабов. Арабская надпись из даргинского сел. Кала-Корейш, составленная не позже XIV в., свидетельствует о бытовании тогда легенды, приписывающей основание этого селения выходцам из арабского племени корейшитов. Упомянутые выше хроники XIV—XVI вв. впервые отметили широко известную позже легенду об Абу Муслиме, завоевателе Дагестана и распространителе в нем ислама¹⁰⁵.

Архиепископ Иоанн слышал в Дагестане предание о том, что Александр Македонский построил дербентские стены, чтобы оградить южные страны от вторжения чудовищ Яджудж и Маджудж («Гог и Магог»). Иоанн писал, что дагестанцы уверены в справедливости этого предания¹⁰⁶. Следы этого предания отразились и на эпиграфических памятниках в сел. Ихрек (не позже XIV в.) и в гор. Дербенте (1438/39 г.).

На обломке камня XIV в. из городища Маджары высечена надпись, позволяющая предполагать знакомство тамошних жителей с огузским эпосом о деде Коркуте. Персидская надпись 1462 г. в Дербенте упоминает иранских фольклорных героев Гиви, Рустама и Гударза, вошедших в знаменитую поэму Фирдоуси.

На двух христианских памятниках XVI в. с территории Северной Осетии высечена фигура всадника, поражающего копьем трехголовую змею. Это старейшее известие о проникновении к горцам мифа о Георгии Победоносце¹⁰⁷.

В погребениях XIII—XVI вв. часто встречаются ткани с остатками орнамента, вышитого золотыми, серебрянными и шелковыми нитками. Г. Интериано сообщал, что у адыгов «знатные жены не занимают никакими другими работами, кроме вышивания либо тканья, красиво вышивая кисеты для огнева и кожаные поясы»¹⁰⁸.

Каменные плиты со строительными надписями, надгробные памятники, тимпаны и наличники покрывались растительным и геометрическим орнаментом. В Дагестане многие из них представляют высокохудожественные произведения камнерезного искусства. Металлическая посуда, оружие и украшения, вышедшие из мастерских даргинского сел. Кубачи, принадлежит к шедеврам ювелирного искусства. Керамические изделия Дагестана, Закубанья, и золотоордынских центров Северного Кавказа в послемонгольское время отличались изящными формами и геометрическим врезным орнаментом или цветной раскраской. Деревянные детали дагестанских архитектурных памятников и деревянная посуда бывали украшены геометрическими узорами. К лучшим образцам следует отнести украшения опорных столбов в ряде табасаранских и агульских мечетей¹⁰⁹, а также резные двери в сел. Кала-Корейш около XII—XIII вв.¹¹⁰ и в сел. Джибахны 1436/37 г.¹¹¹

Выше упоминались врезные и рельефные изображения сцен с людьми, животными и фантастическими чудовищами. Они встречаются в Осетии, Чечено-Ингушетии и Дагестане.

XIII—XVI века на Северном Кавказе были временем строительства многих архитектурных памятников. Существует мнение, что большинство замков и боевых башен Восточного и Центрального Кавказа построены в эту эпоху¹¹². Отсутствие в Закубанье монументальных оборонительных построек можно объяснить тем, что жить за каменными стенами адыгские фео-

дали считали признаком трусости¹¹³. Из числа крепостей и замков были построены: в 1241 г. в агульском сел. Рича¹¹⁴, не позже XIV в. в лезгинском сел. Ахты¹¹⁵, в XIV—XV вв. в устье р. Годлик на Черноморском побережье, в 1432 г. в сел. Цахур в Южном Дагестане¹¹⁶, в 1443—1446 гг. в гор. Тамани¹¹⁷, в 1519 г. в гор. Темрюке¹¹⁸.

Среди большого числа боевых башен были построены: в 1369/70 г. в даргинском сел. Муги¹¹⁹, в XIV в. в лезгинском сел. Хоредж¹²⁰, в XV—XVI вв. в даргинском сел. Ицари¹²¹.

Гораздо больше сведений сохранилось о строительстве мечетей: в 1247 г. в цахурском сел. Мишлеш, в середине XIII в., а также в 1284 и 1504/05 гг. в сел. Рутул, в 1279/80, а также в 1398/99 и 1476/77 гг. в сел. Кубачи, в 1364/65 гг. в сел. Цахур, в XIV в. в даргинском сел. Ашты, не позже XIV в. в рутульских селениях Амсар и Микрах, в 1405/06 гг. в даргинском сел. Тами, в 1443/44 гг. в лезгинском сел. Хпедж, в 1454 г. в гор. Дербенте, в 1527/28 гг. в аварском сел. Хунзах, к XIII—XIV вв. относится строительство мечетей в Маджарах и Верхнем и Нижнем Джулате. В 1368/69 г. бакинский мастер Тадж эд-Дин восстановил соборную мечеть в Дербенте. При некоторых мечетях были воздвигнуты минареты: в 1239 и 1364/65 гг. в сел. Цахур, не позже XIV в. в Дербенте, в 1401 г. в рутульском сел. Хнов¹²², и в XIII—XIV вв. в Верхнем Джулате¹²³.

При мечетях же иногда воздвигали здания для медресе, например, в 1404/05 гг. в сел. Кубачи и в 1474/75 гг. в Дербенте¹²⁴.

Своеобразными памятниками архитектуры являлись мавзолеи и склепы. К XIV в. относятся несколько несохранившихся мавзолеев в Маджарах¹²⁵ и вблизи гор. Ессентуки¹²⁶. Хорошо сохранившийся мавзолей Султан-бека сына Худайнада у ингушского сел. Плиево датируется 1405/06 гг.¹²⁷. Другой такой же мавзолей шейха Джунейда ас-Сефеви находится у лезгинского сел. Хазры и был построен в 1544/45 гг.¹²⁸ Все эти мавзолеи имеют квадратное или многоугольное основание, архитектурно выделяющийся портал и шатровое или полусферическое покрытие. Аналогии им имеются в Средней и Передней Азии.

Другой тип мавзолеев и склепов распространен в горах Центрального Кавказа. Значительная их часть также датируется XIII—XVI вв.¹²⁹ Основное отличие этого типа состоит в том, что вместо дверей они имеют окошко, служащее лазом. У этих мавзолеев и склепов нет аналогий за пределами их распространения.

Культурное развитие народов Северного Кавказа было временно заторможено нашествиями монголов и полчищ Тимура, но не пришло в окончательный упадок. В начале XIII в. адыги, по словам Юлиана, имели у себя богослужебные книги на греческом языке¹³⁰. Но в XV в. Г. Интериано утверждал, что попы у адыгов отправляют церковную службу «словами и письмена-

ми греческими, которых сами не понимают»¹³¹. Последнее не совсем верно, так как в Закубанье и на Черноморском побережье, как в Кабарде и Северной Осетии, обнаружено много надгробных памятников XI—XVI вв. с эпитафиями на греческом языке¹³². У Г. Интериано также сказано, что когда адыгам случится необходимость написать к кому-нибудь, что бывает очень редко, они поручают это дело евреям, большею частью еврейскими буквами»¹³³. О присутствии в Закубанье грамотных людей говорит и находка в погребении XIV—XVI вв. у станции Чамлыкской пеналя с костяным «калямом», то есть палочкой, заменявшей перо для письма¹³⁴. На территории Северной Осетии и Аварии найдены памятники грузинской письменности, причем часть из них относится к XIV в. В степном Предкавказье, и особенно в Дагестане, известны в очень большом количестве камни с арабскими надписями XIII—XVI вв.¹³⁵ и некоторое число арабских рукописей, составленных или переписанных на месте. В городе Дербенте найдены персидские надписи XIV—XVI вв.¹³⁶

Население Северного Кавказа пользовалось письменностью не только на чужих языках. В южнодагестанском селении Цахур перед 1275 годом были переведены на местный язык два арабских сочинения: «Компендиум Музани» и «Книга имама аш-Шафи»¹³⁷. В Трусовском ущелье Осетии найден надгробный крест XIV в. с эпитафией на осетинском языке, написанной при помощи сирийско-несторианского алфавита¹³⁸. В Аварии обнаружены двуязычные грузино-аварские надписи, сделанные грузинскими буквами в XIV в.¹³⁹ В аварском сел. Корода обнаружена аварская надпись XIV—XV вв., сделанная на камне арабским шрифтом¹⁴⁰. В тексте завещания аварского нуцала Андунника, написанного по-арабски в 1485 г., вставлены 16 аварских слов¹⁴¹. На полях арабского труда по философии сохранились записи на даргинском языке, принадлежащие переписчику этой рукописи Идрису сыну Ахмеда из сел. Акуши (начало XVI в.). Есть сведение, что лакец Мухаммед Кумухский в середине XVI в., пользуясь арабским алфавитом, составил на родном языке сочинение под названием «Мысли о смерти»¹⁴². На городище Маджары обнаружен камень с надписью по-тюркски XIV в.¹⁴³

В XIV в. Г. Интериано писал, что у адыгов «нет грамоты, да они и не употребляют ни своей (письменности — Л. Л.), ни чужой», но как говорилось выше, их «попы служат по-своему словами и письменами греческими»¹⁴⁴. Так как татары в Джуглате, осетины и адыги, по утверждению И. Шильтбергера, отправляли церковную службу на своих языках¹⁴⁵, то не исключено, что в отдельных случаях имели место попытки записывания некоторых текстов на языках этих народов. В этом отношении показательно свидетельство архиепископа Иоанна, который сообщал, что адыги «имеют собственные язык и письменность»¹⁴⁶.

В Дагестане при некоторых мечетях функционировали медресе, в которых преподавались арабский язык, основы мусульманского вероучения и некоторые светские науки. В XIII в. существовало медресе в южнодагестанском селении Цахур¹⁴⁷. Оно было основано, очевидно, еще в XI в. по приказу сельджукского султана Абу Али аль-Хасана¹⁴⁸. В 1404/05 гг. открылось медресе в сел. Кубачи и в 1474/75 гг. в гор. Дербенте¹⁴⁹. Существовали они и в других местах.

Наличие в Дагестане медресе показывает, что грамотными людьми там являлись не только выходцы из дальних стран, но и некоторые из местных жителей. Это подтверждается и эпиграфическими памятниками, содержащими имена писцов, иногда с нисбой, то есть указанием места их происхождения. Так, в Южном Дагестане надпись 1239 г. составил житель рутульского селения Ихрек, а надпись 1462 г. — житель Цахура¹⁵⁰. Известен целый ряд арабских сочинений разного содержания, переписанных в Дагестане, начиная с XIII в. по XVI в.¹⁵¹

Эпиграфические памятники Дербента иногда содержат стихотворные эпитафии на персидском языке и, как говорилось выше, упоминания героев поэмы «Шах-наме» Фирдоуси. В разных местах Дагестана высечены в XVI в. цитаты из стихов арабского поэта начала IX в. Абу-л-Атахи. Это свидетельствует о поэтическом творчестве населения и знакомстве некоторых его представителей с художественным творчеством зарубежных поэтов.

У ногайцев и дагестанцев пользовались почетом улемы, то есть знатоки мусульманских догм, правовых норм, исторических традиций и некоторых естественных наук. В 1334 г. в Маджарах были известны проповедники, шейх Мухаммед из Ирака и Изз ад-Дин из Бухары. В городе Сарае пользовался известностью имам Сафр ад-Дин из Дагестана¹⁵². В 1450 г. в лакском селении Кумух умер автор юридического сочинения, выходец из Йемена, Ахмед сын Ибрахима¹⁵³. Лакец Али из Кумуха, умерший в 1528 г., оставил после себя рукопись на арабском языке под названием «Конспект»¹⁵⁴. Другой кумухец, Мухаммед, в середине XVI в. написал сочинение «Начало правды» на арабском языке и упомянутые выше «Мысли о смерти» на лакском языке¹⁵⁵.

XIII—XVI века были временем составления на арабском языке ряда дагестанских исторических хроник. Важнейшими из них являются анонимная «Дербенд-наме» и «Тарих Дагустан» Мухаммеда Рафи. Первая представляет собой компиляцию известий арабских авторов об истории Дербента и исламизации Дагестана, а также фольклорных версий на эту тему и династических преданий¹⁵⁶. Вторая включает в себя также династические предания, рассказ о нашествии монголов на Кумух в 1240 г. и сведения о пошлинах, которые шамхал казикумухский получал в разных селениях¹⁵⁷. Оба эти сочинения датируются XIV—первой половиной XVI в.

Таковы наличные материалы о культуре и быте населения Северного Кавказа в XIII—XVI вв. К сожалению, их мало, они отрывочны и с неодинаковой полнотой освещают разные районы края. Не закрывая глаза на эти недостатки, мы, с помощью этих материалов, все же можем представить общие контуры и детали этнографической ситуации на Северном Кавказе в указанное время.

ЛИТЕРАТУРА

1. История Дагестана, т. 1. М., 1967, с. 216.
2. Мизиев И. М. О позднесредневековых поселениях и жилищах балкарцев и карачаевцев.— В сб.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973, с. 244.
3. Мизиев И. М. Раскопки поселения Эль-Журт.— В сб.: Археологические открытия 1970 года. М., 1971, с. 133.
4. Ртвеладзе Э. В. К истории города Маджар.— «Советская археология», 1972, № 1, с. 159.
5. Веселовский А. Несколько географических и этнографических сведений о древней России из рассказов итальянцев. СПб., 1870, с. 19; Барбаро и Кантарини о России. Л., 1971, с. 144; Лавров Л. И. Формы жилища у народов Северо-Западного Кавказа до середины XVIII в.— «Советская этнография», 1951, № 4, с. 52—53; Милорадович О. В. Раскопки средневекового городища Верхний Джулат (1961 г.)— «Краткие сообщения Института археологии», 1963, вып. 96, с. 95—96; История Дагестана, т. 1, с. 216—217; Чеченов И. М. Раскопки городища Нижний Джулат.— В сб.: Археологические открытия 1967 года. М., 1968, с. 96—97; Багаев М. Х. Население плоскостей Чечено-Ингушетии накануне окончательного переселения вейнахов с гор на плоскость (XIII—XVI вв.)— Археолого-этнографический сборник, т. II. Грозный, 1968, с. 63—64; Мизиев И. М. Раскопки поселения Эль-Журт, с. 133; Мизиев И. М. О позднесредневековых поселениях., с. 245; Марковин В. И., Полихрониди Н. Г., Отюцкий И. В., Лопатин А. И. Исследование Сентинского храма.— В сб.: Археологические открытия 1977 года. М., 1978, с. 130.
6. Монгайт А. Л. Некоторые средневековые археологические памятники Северо-Западного Кавказа.— «Советская археология», 1955, № 23, с. 336—337.
7. Веселовский А. Указ. соч., с. 19.
8. Милорадович О. В. Указ. соч., с. 96; Хашаев Х. О. Общественный строй Дагестана в XIX в. (Докт. дисс., 1957).
9. Чеченов И. М. Некоторые проблемы этнической истории Центрального Кавказа в свете новейших археологических исследований в Кабардино-Балкарии.— VIII крупновские чтения, Нальчик, 1978, с. 8.
10. Галкин Л. Л. Керамические горны золотоордынского города Азака.— «Советская археология», 1975, № 1, с. 253.
11. Милорадович О. В. Указ. соч., с. 96.
12. Лавров Л. И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках, ч. 1. М., 1966 (надпись 287).
13. Барбаро и Кантарини о России, с. 144.

14. Дебиров П. М. Резьба по камню в Дагестане. М., 1966 (рис. 16).
15. Барбаро и Кантарини о России. с. 145.
16. Лавров Л. И. Эпиграфические памятники... (надпись 287).
17. Хашаев Х. О. Указ. соч.
18. Отчет имп. Археологической комиссии за 1903 год. Спб., 1906, с. 76.
19. Лавров Л. И. Эпиграфические памятники..., (надпись 356).
20. Там же, (надпись 276).
21. Барбаро и Кантарини о России, с. 217.
22. Лавров Л. И. Археологические разведки в верховьях р. Самур. — В сб.: Материалы по археологии Дагестана, т. 1. Махачкала, 1959, с. 179.
23. The Caucasian Peoples and Their Neighbours in 1404. «Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae». Budapest, 1978, т. XXXII, fasc. 1, p. 93.
24. Ibid., p. 92.
25. Лавров Л. И. Кабардино-адыгейская культура XIII—XV вв. — «Советская этнография», 1957, № 4, с. 14.
26. Веселовский А. Указ. соч., с. 17.
27. Лавров Л. И. Кабардино-адыгейская культура XIII—XV вв., с. 14—15.
28. Веселовский А. Указ. соч., с. 17.
29. Никитина Т. Реставрация и консервация одежды из погребения в Кабардино-Балкарской АССР. — Ежегодник гос. истор. музея. М., 1962, с. 167—170.
30. Никитина Т. Указ. соч., с. 174.
31. Лавров Л. И. Кабардино-адыгейская культура, с. 15—16; Мизнев И. М. Могильник у сел. Карт-Джурт в Карачаево-Черкессии. — В сб.: Археологические открытия 1969 года. М., 1970, с. 128; Мизнев И. М., Нагоев А. Х. Раскопки кабардинских курганов. Там же, с. 133.
32. Мачинский А. В. Кабардинские курганные погребения в окрестностях г. Нальчика. — «Материалы и исследования по археологии СССР», 1941, № 3, М.-Л., с. 319—320.
33. Сизов В. Восточное побережье Черного моря. — «Материалы по археологии Кавказа», т. II, М., 1889, с. 95.
34. Левашева В. П. Белореченские курганы. — «Труды гос. истор. музея», т. XXII, М., 1953, с. 166.
35. Амин-аль-Холи. Связи между Нилом и Волгой в XIII—XIV вв. М., 1962, с. 23—24.
36. Веселовский А. Указ. соч., с. 17.
37. Миллер В. Ф. Отголоски кавказских верований на могильных памятниках. — «Материалы по археологии Кавказа», т. III, М., 1893, табл. LXV.
38. Лавров Л. И. Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в. — «Кавказский этнографический сборник», т. IV, М., 1969, рис. на с. 104.
39. Веселовский А. Указ. соч., с. 17.
40. Каменев Н. Попытки археологических разведок в Кубанской области. — «Кубанские войсковые ведомости», 1870, № 48; Екатеринодар. Отчет имп. Археологической комиссии за 1896 год. Спб., 1898, с. 16; Гребенет Ф. С. Курганы в окрестностях станицы Змейской. — «Сборник материалов для

описания местностей и племен Кавказа», вып. XLIV. Тифлис, 1915, с. 28; Левашева В. П. Указ. соч., с. 192.

41. Никитина Т. Указ. соч., с. 170 и рис. 4.

42. Лавров Л. И. Кабардино-адыгейская культура, с. 16.

43. Федоров Я. А., Эльканов У. Ю. Разведки средневековых памятников в бассейне верхней Кубани.— В сб.: Археологические открытия 1977 года. М., 1978, с. 146.

44. Даутова Р. А. Исследование средневековых памятников в горной Чечне.— В сб.: Археологические открытия 1976 года. М., 1977, с. 94.

45. Веселовский А. Указ. соч., с. 17.

46. Лавров Л. И. Кабардино-адыгейская культура, с. 17.

47. Абакаров А. И. Некоторые предметы вооружения монгольского времени из горного Дагестана.— В кн.: Древности Дагестана. Махачкала, 1974, с. 256—260.

48. Лавров Л. И. Кабардино-адыгейская культура; с. 17; Рассказ римско-католического миссионера доминиканца Юлиана о путешествии в страну приволжских венгров, совершенном перед 1235 годом.— «Записки Одесского общества истории и древностей», т. V. Одесса, 1863, с. 999.

49. Каменев Н. Указ. соч., № 48; Отчет имп. Археологической комиссии за 1898 год. СПб., 1901, с. 38.

50. Никитина Т. Указ. соч., с. 174.

51. Рассказ римско-католического миссионера доминиканца Юлиана, с. 1000.

52. Генко А. Н. Арабский язык и кавказоведение.— «Труды Института востоковедения», вып. XXXVI. М.-Л., 1941, с. 96.

53. The Caucasian Peoples..., p. 92, 98.

54. Барбаро и Кантарини о России, с. 142—149.

55. Веселовский А. Указ. соч., с. 19.

56. Шихсаидов А. Р. Дагестанская историческая хроника «Тарих Дагестана» Мухаммада Рафи.— Письменные памятники Востока. Ежегодник, 1972. М., 1977, с. 109—110.

57. Милорадович О. В. Указ. соч., с. 96—98.

58. Веселовский А. Указ. соч., с. 18.

59. Путешествие Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год.— «Записки имп. Новороссийского университета» т. 1. Одесса, 1867, с. 59; Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. Нальчик, 1974, с. 54.

60. Веселовский А. Указ. соч., с. 18—19; Адыги, балкарцы и карачаевцы..., с. 54.

61. Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. II. М.-Л., 1941, с. 122.

62. Веселовский А. Указ. соч., с. 16.

63. Рассказ римско-католического миссионера доминиканца Юлиана, с. 999.

64. Веселовский А. Указ. соч., с. 16.

65. Путешествие Ивана Шильтбергера..., с. 109—110.

66. Веселовский А. Указ. соч., с. 15—16.

67. Там же, с. 16.

68. Там же, с. 19.
69. Там же, с. 20—21.
70. Лавров Л. И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках, ч. 2. М., 1968, с. 21; Шихсан-
дов А. Р. Ислам в средневековом Дагестане (VII—XV вв.). Махачкала,
1969, с. 205—206.
71. Лавров Л. И. Новое о Зирих-Геране и казикумухских шамхалах.—
В кн.: Из истории дореволюционного Дагестана. Махачкала, 1976, с. 216—
218.
72. Шихсандов А. Р. Ислам..., с. 209.
73. Лавров Л. И. Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев.—
«Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных веро-
ваний» (Труды Института этнографии, нов. серия, т. LI). М., 1959, с. 235.
74. Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории
Золотой Орды, т. 1, Спб., 1884, с. 301.
75. Лавров Л. И. Эпиграфические памятники..., ч. 1, (надпись 85).
76. Иванов А. А. О происхождении искусства селения Кубачи.—III
Всесоюзная конференция «Искусство и археология Ирана и его связь с ис-
кусством народов СССР с древнейших времен». Тезисы докладов. М., 1979,
с. 35.
77. Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов..., т. 1, с. 287.
78. Лавров Л. И. Эпиграфические памятники..., ч. 2, (надпись 663).
79. The Caucasian Peoples..., p. 98.
80. Джанашвили М. Известия грузинских летописей и историков
о Северном Кавказе и России.—«Сборник материалов для описания местно-
стей и племен Кавказа», вып. XXII, Тифлис, 1897, с. 50.
81. Лавров Л. И. Эпиграфические памятники..., ч. 1, надписи 376
и 377.
82. Ртвеладзе Э. В. Крест-энколпион из Маджар.—«Советская ар-
хеология», 1965, № 2; Магомедова Т. С. Русский крест из окрестностей
селения Майртуп.—Археолого-этнографический сборник, т. IV. Грозный, 1976.
83. Рассказ римско-католического миссионера доминиканца Юлиана,
с. 999.
84. Епископа Феодора «Аланское послание».—«Записки Одесского об-
щества истории и древностей», т. XXI. Одесса, 1898, с. 22.
85. Латышев В. В. Эпиграфические новости из Южной России.—
«Известия имп. Археологической комиссии», вып. 58. Петроград, 1915; с. 37—
38; Турчанинов Г. Ф. Дополнение к чтению и датировке надписи на
кресте из Карснодарского историко-краеведческого музея.—«Советская ар-
хеология», 1957, № 1.
86. Рассказ римско-католического миссионера доминиканца Юлиана,
с. 999—1000.
87. Епископа Феодора «Аланское послание», с. 26.
88. The Caucasian Peoples..., p. 93.
89. Веселовский А. Указ. соч., с. 15.
90. The Caucasian Peoples..., p. 92.
91. Ibid., p. 93.
92. Кулаковский Ю. Указ. соч., с. 10.

93. Лавров Л. И. Кабардино-адыгейская культура, с. 20—21.
94. Кузнецов В. А. Церкви Верхнего Джулата, их время и интерпретация.— Пятые крупновские чтения по археологии Кавказа, Махачкала, 1975, с. 109.
95. Лавров Л. И. Кабардино-адыгейская культура, с. 20—21.
96. Криштопа А. Е. Сведения западноевропейских путешественников XV века о Дагестане.— «Вопросы истории и этнографии Дагестана», вып. 1, Махачкала, 1970, с. 112.
97. Барбаро и Кантарини о России, с. 140.
98. Там же, с. 146.
99. Рассказ римско-католического миссионера доминиканца Юлиана, с. 999.
100. The Caucasian Peoples..., p. 92—93.
101. Путешествие Ивана Шильтбергера..., с. 59—60.
102. Мужухоев М. Б. Исследование средневековых памятников Чечено-Ингушетии.— В сб.: Археологические открытия 1976 года. М., 1977; с. 113; он же. Храм Алби-ерды.— «Советская археология», 1979, № 1, с. 275—280.
103. Путешествие Ивана Шильтбергера..., с. 60.
104. Марковин В. И. Пещеры — родовые усыпальницы в Шатоевской котловине.— «Краткие сообщения Института археологии». 1961, вып. 86, М., с. 106.
105. Лавров Л. И. К истории северокавказского фольклора.— «Советская этнография», 1979, № 1, с. 33—34.
106. The Caucasian Peoples..., p. 92.
107. Лавров Л. И. К истории северокавказского фольклора, с. 34—35.
108. Веселовский А. Указ. соч., с. 20.
109. Лавров Л. И. Кабардино-адыгейская культура, с. 22—23; Кильчевская Э. В., Иванов А. С. Художественные промыслы Дагестана. М., 1959; Кильчевская Э. В. Декоративное искусство аула Кубачи. М., 1962; Кильчевская Э. В. От изобразительности к орнаменту. М., 1968; с. 92—160; Дебиров П. М. Резьба по камню в Дагестане; Дебиров П. М. Архитектурная резьба Дагестана. М., 1966; Дебиров П. М. Резьба по дереву в интерьере дагестанского жилища.— В кн.: Зодчество Дагестана. Махачкала, 1974; Иванов А. А. О датировке кубачинских памятников.— В кн.: Искусство Кубачи. Л., 1976; Ртвеладзе Э. В. Сфероконические сосуды из Маджар.— «Советская археология», 1974, № 4, с. 280—284; Ртвеладзе Э. В. К истории города Маджар.— «Советская археология», 1972, № 3, с. 157.
110. Башкиров А. С. Деревянные двери дагестанского аула Кала-Корейш.— «Труды секции археологии Института археологии и искусствознания», т. II, М., 1928.
111. Лавров Л. И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках, ч. 3. М., 1980, (надпись 737).
112. Марковин В. П. В ущельях Аргуна и Фортанги. М., 1966, с. 109; Виноградов В. Б. Тайны минувших времен. М., 1966, с. 158; Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия. М., 1971, с. 78; Гольдштейн А. Ф.

Средневековое зодчество Чечено-Ингушетии и Северной Осетии. М., 1973. с. 18—20.

113. Веселовский А. Указ. соч., с. 19.
114. Лавров Л. И. Эпиграфические памятники..., ч. 1, (надпись 72).
115. Там же, надпись 121.
116. Там же, надпись 340.
117. Эвлия Челеби. Книга путешествия, вып. 2. М., 1979, с. 44.
118. Там же, с. 46.
119. Лавров Л. И. Эпиграфические памятники..., ч. 3, (надпись 893).
120. Хан-Магомедов С. О. Арочные конструкции в народной архитектуре Дагестана.— «Архитектурное наследство», 1958, № 11, М., с. 54.
121. Гольдштейн А. Ф. Башенные сооружения горного Дагестана.— «Архитектурное наследство», 1973, № 21, с. 184; Гольдштейн А. Ф. Архитектурные памятники Кайтага. Махачкала, 1969, с. 11.
122. Лавров Л. И. Эпиграфические памятники..., ч. 1, (надписи 70, 74, 76, 79, 81, 82, 238, 288, 289, 352, 355, 365, 372, 373); ч. 3, (надписи 113, 728, 730); Лавров Л. И. Новое о Зирих-Геране...
123. Семенов Л. П. Татартупский минарет. Дзауджикау, 1947.
124. Лавров Л. И. Эпиграфические памятники..., ч. 1, (надписи 339, 362).
125. Ртвеладзе Э. В. Мавзолей Маджара.— «Советская археология», 1973, № 1.
126. Ртвеладзе Э. В. Два мавзолея золотоордынского времени в районе Пятигорья.— «Советская археология», 1969, № 4; Полимпестова Т. Б., Рунич А. П. О эссентукских мавзолеях и ставке Узбек-хана.— «Советская археология», 1974, № 2.
127. Семенов Л. П. Мавзолей Борга-каш.— «Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения», вып. 1, Владикавказ, 1928; Семенов Л. П. Брагунский мавзолей.— «Известия СОНИИ», т. XVII. Дзауджикау. 1956; Лавров Л. И. Эпиграфические памятники..., ч. 1, (надпись 340).
128. Лавров Л. И. Эпиграфические памятники..., ч. 3, (надписи 759).
129. Марковин В. И. В ущельях Аргуна и Фортанги, с. 77; Виноградов В. Б., Марковин В. И. Археологические памятники..., с. 68; Мужухоев Б. М. Новая коллекция предметов из склепов горной Ассинской котловины.— «Археолого-этнографический сборник», т. III. Грозный, 1969, с. 194—197; Марковин В. И. Новые археологические памятники Горной Ингушетии эпохи позднего средневековья.— «Археолого-этнографический сборник», т. IV, Грозный, 1976, с. 163—166. Умаров С. П. Археологические исследования в высокогорных районах Чечни в 1968 году. Там же, сс. 132, 137, 139—142; Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия, с. 81—97.
130. Рассказ римско-католического миссионера доминиканца Юлиана, с. 999.
131. Веселовский А. Указ. соч., с. 16.
132. Лавров Л. И. Эпиграфические памятники..., ч. 1, с. 15.
133. Веселовский А. Указ. соч., с. 16.
134. Каменев Н. Попытки археологических разведок..., № 48.

135. Лавров Л. И. Эпиграфические памятники..., ч. 1, с. 15 (надписи 1—410); ч. 3, (надписи 685—767).
136. Там же, ч. 1, (надписи 276, 289, 342, 348, 349, 354, 356, 387, 409).
137. Генко А. Н. Арабский язык и кавказоведение, с. 96.
138. Турчанинов Г. Ф. Трусовская осетинская сирийско-несторианская надпись первой половины XIV столетия.— «Известия СОНИИ», т. XXII, вып. 1, Орджоникидзе, 1962.
139. Саидов М. С. Возникновение письменности у аварцев.— В кн.: Языки Дагестана, вып. 1. Махачкала, 1948; с. 137; Гудава Г. Е. Две надписи (грузинская и грузино-аварская) из Дагестана.— «Материалы по истории Грузии и Кавказа», вып. 30.
140. Айтберов Т. Цкбегосеб хъвай.— «Баглараб байрахъ». Махачкала, 1978, № 25, (на аварском языке).
141. Саидов М. С. Возникновение письменности у аварцев, с. 137.
142. Саидов М. С. Из истории возникновения письменности у народов Дагестана.— Языки Дагестана, вып. III. Махачкала, 1976, с. 127.
143. Абдуллаев М., Меджидов Ю. Али Каяев. Махачкала. 1968, с. 57—58.
144. Подлинник в Пятигорском краеведческом музее.
145. Веселовский А. Указ./соч., с. 16.
146. Путешествие Ивана Шильтбергера..., сс. 32, 101, 102.
147. The Caucasian Peoples..., р. 93.
148. Генко А. Н. Указ. соч., с. 96.
149. Нурмагомедов М. По следам древней рукописи.— «Советский Дагестан», 1968, № 3, Махачкала, с. 79.
150. Лавров Л. И. Эпиграфические памятники..., ч. 1, (надпись 339).
151. Там же, (надписи 70 и 346).
152. Абакарова Ф. Очерки Даргинской дореволюционной литературы. Махачкала, 1963, с. 7; Размазанов Х. Х., Шахсаидов А. Р. Очерки истории Южного Дагестана, Махачкала, 1964, с. 126; Саидов М. С. Из истории возникновения письменности..., с. 123; Каталог арабских рукописей Института истории, языка и литературы им. Г. Цадасы Дагестанского филиала АН СССР, вып. 1. М., 1977, сс. 48—49, 60, 74, 79.
153. Тизенгаузен В. Г. Указ. соч., т. 1, с. 287.
154. Лавров Л. И. Эпиграфические памятники..., ч. 2, (надпись 663).
155. Саидов М. С. Из истории возникновения письменности..., с. 123.
156. Абдуллаев М., Меджидов Ю. Указ. соч., с. 57 и 58.
157. Тарихи Дербенд-наме. Тифлис, 1898.
158. Шихсаидов А. Р. Дагестанская историческая хроника...

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР ИРАНСКИХ (СКИФОВ, САРМАТОВ И АЛАН) И ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ¹

На территорию исторической Алании, охватывавшую современный Северный Кавказ, включая Дон и Приазовье, аланы пришли уже со сформировавшимся языком и культурой. Это формирование происходило задолго и далеко за пределами северокавказской территории — на просторах Евразии, от Казахстана до Дуная.

На своем пути в течение тысячелетий предки алан, скифо-сарматы, и сами аланы, естественно, вступали в многочисленные контакты с самыми различными племенами народностями.

Разумеется, происходили широчайшие связи сармато-аланской культуры и этноса с другими культурами и этническими общностями. Связи культур отражают реально существовавшие общественные отношения, постоянно возникавшие на почве обмена, военных столкновений, браков, движения населения на новые территории и т. д.

Вне взаимосвязи, как изолированные саморазвивающиеся ячейки, общество никогда не существовало. Яркой иллюстрацией этого положения являются скифы — их образ жизни, история и культура. На скифах мы остановились еще и потому, что они имеют непосредственное отношение к теме данной статьи.

«Скифы — блестящий период нашей древней истории, — писал выдающийся советский скифолог Смирнов Алексей Петрович. — Именем этого народа назван период, охватывающий около 5 веков, в течение которого на территории восточно Европы, Средней Азии и Южной Сибири в развитии общества произошли изменения первостепенного значения. Это время совпадает с возникновением и развитием античных государств Греции, сыгравших огромную роль в формировании европейской цивилизации. Скифы были тесно связаны с греческим миром. Однако след в нашей истории они оставили не только потому, что были посредниками греческой культуры на нашей территории. Они сами создали высокую для того времени культуру, влияние которой сказалось на огромных пространствах Восточной Европы, Западной и Центральной Азии.

Скифская держава, включавшая не только степи Северного Причерноморья и Крым, но и племена, населявшие лесостепную область, явилась звеном культурных и торговых связей между

¹ В основу данной статьи положен доклад, с которым автор выступил на V Международном конгрессе финно-угроведов в августе 1980 г. в г. Турку (Финляндия).

Передней и Средней Азией и Европой. Скифы вовлекли в жизнь того времени, приобщив к передовым цивилизациям древности, даже Средний и Северный Урал и Приуралье. На стойбищах, расположенных на далеком Севере, встречаются вещи, созданные скифскими мастерами.

В области распространения ананьинской культуры, приписываемой предкам удмуртов, мари и коми, встречаются много изделий из скифского города Ольвия и других мест Северного Причерноморья. Многие вещи, найденные под Пермью, повторяют скифские образцы. Здесь находят предметы из области савромат и далекого Кавказа»². Археологическими исследованиями, проводившимися на протяжении десятилетий на территориях обитания древних предков финно-угорских народов, установлен факт активного проникновения ирано-язычных скифов и сарматов на эти территории, продолжительных контактов последних с народами Волго-Камья. Эти исследования не просто фиксируют распространение образцов археологической культуры скифов и сарматов в ареале обитания древних удмуртов, мари, коми и угров (венгров), но и подчеркивают прямое влияние ее на материальную культуру многочисленных финно-угорских племен, восприятие последними многих черт скифо-сарматской культуры. Вслед за скифами сарматы, кочевавшие на широких пространствах Нижней и Средней Волги, доходили целыми кочевьями до Камы. И не только до Камы, но и значительно севернее нее, «проникая в самую гущу пьяноборских племен»³. Как отмечено археологами, данный факт засвидетельствован исследованиями многочисленных курганных погребений на территории Башкирии (г. Уфа), Пермской области и других местах с характерными сарматскими украшениями и деформированными черепами⁴. Эрик Мольнар, известный своими исследованиями по проблемам этногенеза и древней истории венгерского народа, анализируя тот же археологический и другой материал и особенно исследования советских ученых, еще более конкретно формулирует данный факт. Он говорит: «С памятниками сарматов (очевидно, сако-скифов.— А. М.) мы встречаемся в южной части Башкирии еще около VII столетия до н. э. Около III столетия до н. э. сарматы, идя одновременно по восточной стороне Урала к северу, заняли центральные местности Башкирии, дойдя до нижнего течения реки Белой у современного города Уфа. Здесь они попали в соприкосновение

² Смирнов А. П. Скифы. М., 1966, с. 5; он же. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья.—МИА, 1952, № 28, с. 164; Збруева А. В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. М., 1952.

³ Очерки истории СССР. III—IX вв. М., 1958, с. 143.

⁴ Там же, с. 143.

с культурой Прикамья»⁵. Эти находки Э. Мольнар характеризует как сарматскую культуру, и, с другой стороны, как переход между ананьинской и пьяноборской культурами. Представляет также интерес утверждение исследователя о том, что и позже, «в V—VIII столетиях в Уфе, а также у нижнего и среднего течения Белой и Уфимки мы встречаем культуру, которая уже ясно связана с северокавказской, аланской культурой»⁶. Здесь мы не видим никакого преувеличения. Дело в том, что многочисленные аланские племена северо-кавказских степей и Северного Прикаспия, подвергшись нашествию и разгрому со стороны гуннских орд, откатились в Зауралье, в прежние места обитания. Кстати, независимо от этого факта, имеются данные и о том, что на территории древней Башкирии к этому времени продолжали обитать группы собственно алан-асов⁷. Двусторонние контакты иранских и финно-угорских народов были объектом пристального изучения и крупнейших русских ученых. Нельзя не упомянуть здесь имена Ю. Кулаковского, В. Ламанского, Р. Штакельберга, В. Ф. Миллера, Ю. Готье и др. В свете вышеприведенных фактов хочется остановиться на заключении, к которому пришел проф. Ю. Готье в своей книге «Железный век в Восточной Европе», в которой писал: «В течение более чем тысячелетнего господства на юге нашей страны скифы и сарматы имели постоянное соприкосновение с финнами. Топография скифских и сарматских вещественных памятников показывает, что власть их доходила до северных границ степи; исследование финских памятников и следов их древней жизни также доказывает, что когда-то их южной границей была первоначальная граница лесов. Со скифо-сарматами они соседнили непосредственно или разделенные мелкими племенами... Можно с достаточной достоверностью сказать, что финские племена в течение очень долгого времени обитали бок о бок с иранской ветвью индоевропейцев»⁸. Результат этого продолжительного соседства в жизни финно-угорских племен, в их социально-экономической и политической истории, как справедливо отмечает Ю. Готье, был огромным. Неслучайно в советской исторической литературе древнейшим связям иранских и финно-угорских племен отводится огромное место и дана столь яркая характеристика. Так, в «Очерках истории СССР III—IX вв.» говорится: «Самый тесный контакт финно-угорских племен среднего Поволжья, Прикамья и Южного Приуралья с ираноязычными племенами зафиксирован уже в глубокой древности. Уже в эпоху бронзы ираноязычные племена скифов широко распространили

⁵ Мольнар Э. Проблемы этногенеза и древней истории венгерского народа. Будапешт, 1955, с. 94.

⁶ Мольнар Э. Указ. соч., с. 94.

⁷ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. М., 1976.

⁸ Готье Ю. Железный век в Восточной Европе. М.-Л., 1930, с. 132.

свое влияние на этой территории. Позднее, в эпоху раннего железа, хорошо известны значительные культурные влияния ираноязычного скифо-сарматского мира на племена Прикамья и Приуралья. В первые века многочисленные сарматские, а позднее сармато-аланские племена густо населяют оба берега. Нижней, а частично и Средней Волги, распространяются далеко на Восток, а некоторые из них проникают на Север вплоть до Камы... На протяжении многих веков население Поволжья и Приуралья находилось в прямом контакте с ираноязычными племенами сарматов-алан. И когда бы ни появились здесь венгры, они неизбежно должны были испытывать влияние со стороны этих племен»⁹. Все без исключения исследователи рассматриваемой нами проблемы отмечали выдающуюся роль продолжительных и активных контактов иранских и финно-угорских народов в развитии хозяйства и материальной культуры последних. Тот же Ю. Готье, привлекая целый комплекс источников, в том числе лексических, утверждает, что знакомство с земледелием и домашним скотоводством финно-угорские племена получили в результате длительного соседства и тесных контактов с иранскими племенами скифов, сарматов и алан. От них же они заимствовали, подчеркивает Ю. Готье, «термины для обозначения рогатого скота, овец и сельскохозяйственных предметов»¹⁰. Широко отмечен этот факт и в венгерской исторической литературе (Э. Мольнар, А. Барта и др.). Если говорить о терминах иранского происхождения в языках финно-угорских народов, обозначающих отрасли хозяйства и предметы материальной культуры, то и они, в свою очередь, причем очень ярко, отражают этот многовековой и плодотворный контакт между иранскими и финно-угорскими народами. Лингвистами выявлено большое число иранских слов не только в венгерском (с которыми скифо-сарматы и аланы находились в особо тесных связях с древних времен), но и в других финно-угорских языках.

Исследовали эту проблему в той или иной степени такие ученые, как Ю. Клапрот, А. Шегрен, В. Томашек, Х. Хюбшман, Хейкки Паасонен, Э. Н. Сетяля, Ю. В. Тойвонен и много лет разрабатывающий эту проблему А. И. Йоки. Особое место в этом ряду занимает выдающийся венгерский ученый Бернат Мункачи, который в начале нашего века вскрыл древние корни исторических и культурных связей угорских народов и осетин, отразившихся в венгерском языке, и вызвал этим большой интерес к данной проблеме среди европейских ученых. Обильный материал, оставленный Б. Мункачи и хранящийся в Институте языкознания Венгерской Академии наук производит огромное впечатление. При знакомстве с этим материалом автора этих строк поразило, помимо всего прочего, тонкое знание венгер-

⁹ Очерки истории СССР. III—IX вв., с. 675.

¹⁰ Готье Ю. Указ. соч., с. 142.

ским ученым диалектов осетинского языка. На иранизмы не только в венгерском, но и в языках восточных финно-угров (удмуртов, мари, хантов и манси) указывают советские ученые В. И. Абаев, В. Н. Чернецов, В. И. Лыткин, Ф. Гордеев. Особое место должно быть отведено тому факту, что большинство (или по крайней мере значительное число) известных нам угро-финских народов, в том числе манси и ханты, ближайшие родичи венгров по языку. Марийцы, удмурты и некоторые другие племена угро-финской языковой системы избрали для своих этнонимов иранскую подоснову. Видный венгерский историк Д. Дьерффи в связи с этим выдвигает теорию, согласно которой в истории угров и живших в ближайшем с ними соседстве сарматов был период, когда последние распространили свою власть на угров, стремление которых приспособиться к завоевателям и заставило их назвать себя иранскими (сарматскими) словами. Но, очевидно, не только одним этим можно объяснить существование угро-финских этнонимов иранского происхождения. Не бывает так, чтобы продолжительное, длящееся столетиями соседство и тесные контакты не породили этнического, биологического взаимопроникновения, а может быть и смешения. Давно замечено, что венгры восприняли многие аланские (осетинские) слова и понятия из различных областей хозяйства, культуры и быта. Этому вопросу как раз и посвятил проф. В. И. Абаев специальное исследование. В этом труде В. И. Абаев установил не только факты заимствований в венгерском из осетинского языка, но и доказал на довольно большом фактическом материале обратные заимствования из венгерского в осетинский, что ранее отрицалось. Более того, тюркские элементы (булгарские, хазарские и печенежские) в венгерском и осетинском, как выяснил В. И. Абаев, вошли в эти языки опять-таки в результате алано-венгерских двухсторонних займов: «Некоторые тюркские слова могли войти сперва в венгерский, а оттуда в аланский, или наоборот, сперва в аланский, а оттуда в венгерский»¹¹. Особо мне хочется остановиться на венгеро-аланских связях. Мы не ошибемся, если скажем, что это беспрецедентный в истории пример, когда связи между двумя различными по происхождению народами не прерывались свыше двух тысячелетий. Мы уже отмечали, что эти связи венгров с сарматами и аланами установились на их древней прародине, но они упрочились и всесторонне развились, когда венгры пришли в Северное Причерноморье, на Северный Кавказ и осели по соседству с аланами. Почти пятивековое соседство этих двух народов (в составе Хазарского каганата) безусловно углубляет их древние связи. Они не прервались и тогда, когда венгерские племена в 896 г. ушли из Северного Причерноморья

¹¹ Абаев В. И. К алано-венгерским связям.— *Europa et Hungaria. Congressus et ethnographicus*. Budapest, 1965.

и Северного Кавказа под давлением печенегов, ибо определенная часть аланских племен (так называемые «конные аланы»), как утверждают исторические источники, ушли в Подунавье вместе с венграми. Спустя два с лишним века значительные массы алан, теснимые татаро-монголами, совместно с половцами (куманами), в 1239 году пришли в Венгрию и поселились в центре страны в самой плодородной ее части. Приход сюда алан не вызвал конфликта, наоборот, земли, на которых они поселились, были дарованы им указом венгерского короля, что опять-таки говорит о давних дружественных связях между народами. Аланы (в Венгрии они известны под именем ясов) целые века оставались здесь обособленной группой и сохраняли свою этническую самобытность. В XVI—XVII веках они восприняли венгерский язык, хотя сохранили многие остатки своего алано-осетинского языка.

В середине XVII в. ясам (аланам) была предоставлена административная автономия, которой они пользовались до 1871 г. Но и после этого компактность поселений алан не нарушилась, они фактически продолжали жить автономией.

За районом, занятым ясами (аланами) закрепилось название «Ясшаг» — «Ясия» (это соответствует этнониму — «Осетия»). Ясшаг, довольно значительный район, составляет основную территорию расселения ясов (алан), пришедших в Венгрию после 1239 г. На ней расположены города и селения с чисто яскими (осетинскими) названиями. Это Ясберень (центральный город Ясшага. Ясдожа, Ясапати, Яскишер, Ясаго, Ясалшосентдьерд, Ясфелшесентдьерд и др. В каждом из этих названий присутствует слово «Яс» («Осетинское»). Связи с далекой Аланией и ее приемницей Осетией будапештцам напоминают величественный Дунай (название алано-осетинское) и не менее величественные мосты, перекинутые через него — «Ланцхид», «Маргитхид», «Шабатшаг-хид», «Кошут-хид», «Петефи-хид», «Арпадхид», «Эржибит-хид» (мост по-венгерски обозначается алано-осетинским «хид»). Мы постоянно встречаем в венгерском языке привычные нам слова: «хадз» (хадзар), «сапан» (сапон), «каба» (кяба), «кард» (сабля) и др. Венгры восприняли многие аланские (осетинские) слова и понятия из различных областей культуры и быта.

Посещение и изучение яских поселений на месте дали нам возможность установить преемственность в традиционной культуре (материальной, социальной и духовной) осетин Северного Кавказа (венгерские аланы являлись осколком северокавказских алан, ближайших предков современных осетин) и венгерских ясов. Историческая и этнографическая литература, а также наше знакомство с бытом и хозяйством венгерских крестьян доказывают, что многие орудия крестьянского хозяйства и ремесел венгров генетически повторяют алано-осетинские.

Военная жизнь, которая была повседневной формой сущест-

ования обоих народов в условиях близкого соседства и длительного сотрудничества, не могла не отразиться на их военной организации и боевых традициях. Безусловно, здесь должно было быть много займов друг у друга. Чтобы дать полную картину таких заимствований, нужно дальнейшее изучение этого вопроса. Однако то, что нам известно, уже в достаточной степени говорит об активных контактах и в этой области.

Венгерская кавалерия, и вообще венгерское коневодство, как утверждают источники, преемственно сохранило формы и тактические приемы, которые у него сложились еще на Северном Кавказе по соседству с аланами и под их влиянием. В частности, прославленная венгерская сабля, хорошо описанная в исторических и военных сочинениях, известна под осетинским названием «кард», аланского происхождения у венгров и названия панциря — *vert*, крепости — *var* и т. д. Эрик Мольнар говорит, что венгры до того, как попали в тесную связь с тюрками, уже были конным кочевым народом иранского (аланского) типа. Целый ряд фактов указывает, кроме того, на алано-осетинские займы в семейном быту и общественной жизни венгров. Достаточно сказать, что старшая женщина в семье у венгров пользовалась, да и сейчас пользуется особым уважением и властью, как и у осетин «æfsin» («хозяйка») и, очевидно, не случайно названа аланским именем «asronu» (æссон). Этот термин венгры употребляют в значении: «знатная женщина», «уважаемая женщина», «хозяйка», «хозяйка дома», «сударыня», и «мадам» (в обращении).

Интересно, что в венгерской семье (особенно в большой) обращение друг к другу, младших к старшим, невесток к свекру, мужу и братьям мужа имели те же формы, что и у осетин. Любопытно, что в венгерском языке слово «шопот», «говорить шопотом» обозначается словом «шушашам». Не отразили ли древние венгры в своей лексике осетинский обычай «уайсадын» (когда невестка говорила шопотом, скрытно — «сусагай» с младшими в присутствии старших).

Вообще, сопоставив большую осетинскую семью с венгерской (которая у венгров бытовала так же долго, как и у осетин) можно найти в ней у обоих народов много сходных форм, что объясняется не только универсальностью этого института, но и продолжительным периодом соседства и контактов, которые, надо полагать, отразились в какой-то степени на семейном быте венгров. В семейно-обрядовой жизни венгров и алан также имеются общие черты. На это, например, указывают некоторые церемонии сватовства, приготовление для невесты специального сундука («чындызы чырын» у осетин), где невеста привозит родне жениха подарки, вскрытие этого сундука и показ его содержимого (подарков) в свадебный вечер в доме жениха в присутствии свекрови и соседских женщин. Этот обряд у осетин называется «чындызы чырын гом кæнын» («вскрытие сундука не-

сты»). Обряд этот до удивительного схож у венгров и осетин. Обращает на себя внимание большое сходство в погребальных обрядах венгров и осетин в прошлом. Это прежде всего обряд оплакивания с участием плакальщиц («хъарæггæнæг»), исполнявших импровизированные плачи («хъарджытæ»). Общеизвестными были у венгров и ночные бодрствования возле умершего (ср. осет. «æхсæвбадæнтæ»). Устраиваемые после похорон поминки символизировали торжественное прощание с покойным. Его место у стола оставляли пустым, а в его тарелку клали пищу. Те же самые обряды были неперменными атрибутами погребального комплекса осетин. В старое время у осетин умерших в брачном возрасте девушку или юношу хоронили в белом с исполнением особого обряда. У венгров умерших в таком же возрасте молодых юношей и девушек хоронят и поныне с соответствующим обрядом, а надгробный камень («цырт») ставят белого цвета. Интересно, что слово «могила» в венгерском языке — «шир», «ширт» (что соответствует архаической форме в осетинском «чирт»).

Судя по некоторым терминам, вошедшим из аланского в венгерский язык, последний не остался безучастным к общественным формам и социальным институтам алан, которые к моменту прихода венгров в южнорусские степи продвинулись дальше в социально-экономическом отношении (более глубокая дифференциация общества, а отсюда появление категории богатых, торговцев, торговли, что отразилось в венгерских словах «газдаг» (осет. «гъæздуг» — богатый), «васар» — уацар» (торговля, торговать и т. д.).

В венгерском имеется слово «серен», означающее «деятельный», «усердный», «расторопный», «проворный», которое безусловно соответствует осетинскому «сæрæн» — «энергичный», «деятельный», «проворный», «умелый». Любопытно, что в беседе венгерские товарищи это слово применяли к жителям Ясшага как их характерную, якобы, черту.

В области духовной культуры венгров укажем еще отдельные моменты, связанные с северокавказским и причерноморским периодом их истории. Так, в религиозных верованиях венгров тотемом одного из венгерских родов был олень («саг»), который по их преданию показал венграм во время странствий путь на их новую родину. В венгерской легенде об олене несомненно проглядывает сако-аланская основа (саки — одно из подразделений скифов, а саг — олень — тотем, по имени которого они получили свое название). Для венгров, пришедших из Поволжья, олень не мог стать тотемом, его поизмывали на Северном Кавказе и в Причерноморье у алан. Кстати, у осетин-горцев нередко основание того или другого поселения связывается с оленем, которого ранит охотник, и раненый олень приводит его к роднику или на какую-то поляну, где охотник избирает себе место поселения.

Интересен еще тот факт, что во время рождественских праздников главным персонажем в святочных маскарадных масках был олень, известный у осетин, «саджы сар». Специалисты по Венгрии этот обряд также относят к древнему периоду их жизни. Мы это связываем с предыдущим фактом. Интересно, что осетинский «саджы сар» был маской не оленя а козы, то есть осетины удержали название, а не форму. Венгры же — и то и другое.

Можно отметить много общего и интересного в народом искусстве обоих народов, имеющем опять-таки древнюю основу. Например, в Венгрии распространен пастушеский танец, изображающий борьбу на палках. Венгерские этнографы предполагают, что его ранней формой был танец с саблями, который известен у осетин как танец с кинжалами. Конечно, здесь не трудно заметить прямую связь. Безусловно, можно было бы продолжить изложение фактов, говорящих о древних связях венгров и алан, но и того, что было сказано, на наш взгляд, достаточно, чтобы оценить их значение.

Однако вернемся к венгерским аланам-ясам. Последние, как мы уже сказали, усвоили венгерский язык, утратив свой, но не потеряли существенные черты своей национальной, этнической, самобытности, антропологический тип, сохранили автономный характер поселения, существенные черты своей прежней военной организации, определенные формы общественного быта и уклада жизни, свойственные аланам на их далекой родине. Это дало им возможность выступать в политической и культурной жизни Венгрии в качестве самостоятельного этнического подразделения. Так, ясы всегда участвовали с хорошо вооруженными отрядами в освободительных войнах и революционных выступлениях венгерского народа (за это венгерские законы разрешили аланам из Ясшага иметь свое войско и общинное самоуправление). Ясы вместе с венграми принимали активное участие в борьбе с турками (восстание Хуньяди в 1456 году в Ясшаге с активным участием алан) и Габсбургами, угнетавшими народы Венгрии. В освободительной войне венгерского народа 1703—1711 гг. участвовали все мужчины-ясы, а жители города Ясберень собирали хлеб и отправляли его повстанцам. В это время вождь восставшего народа Ракоци находился в Ясберене и отсюда руководил восстанием. Кавалерийский полк из ясских воинов (2500 человек) дрался под знаменем Кошута в революции 1848—1849 гг. Некоторое время штаб Кошута располагался в главном городе ясов. В один из предреволюционных лет гостил здесь и национальный герой Венгрии, поэт Шандор Петёфи, который посвятил городу Ясберень и его жителям одно из своих замечательных стихотворений.

В Ясберене, по-прежнему оставшемся главным городом трех ясокуманских районов (Ясшаг, Кишкуншаг и Надькуншаг), в 1755 г. был основан музей, куда были собраны образцы

культуры и предметы быта венгерских алан-ясов. Сюда же в 1874 г., в знак признания особых заслуг аланских воинов, была помещена национальная реликвия венгерского народа «Легель кюрт» (Рог Легеля), а главный вождь (капитан) ясов-алан в качестве награды носил этот знак во время королевских приемов. Во время коронации нового короля каждый раз двое ясских вождей должны были стоять справа от него.

Изложенный нами в краткой статье материал безусловно не исчерпал всей глубины поставленной проблемы. Нужны дальнейшие исследования в области языка, фольклора, этнографии, совсем не изучены топонимические свидетельства на территориях бывшего расселения этих древних народов. Перспектива изучения иранских и финно-угорских связей обещает открыть новые интересные страницы взаимодействия и сотрудничества двух больших этнических миров в прошлом. Они не утратили своего научного интереса и актуальности и в наше время — в эпоху больших интернациональных связей между народами СССР и международных контактов с народами зарубежных стран.

Мамбетов Г. Х.

НЕКОТОРЫЕ ПЕРЕЖИТКИ В СЕМЕЙНО-БЫТОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ КАБАРДИНЦЕВ И БАЛКАРЦЕВ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

За годы советской власти в жизни кабардинцев и балкарцев, как и других народов нашей страны, произошли глубокие социально-экономические и культурные преобразования, которые освободили население от влияния религиозной идеологии, старых вредных обычаев и традиций, создали необходимые условия для победы марксистско-ленинского мировоззрения, формирования нового социалистического быта, нового образа жизни, новых семейных отношений.

Однако в жизни кабардинцев и балкарцев, особенно представителей старшего поколения, до сего времени сохранились некоторые пережитки религиозной идеологии, старых вредных традиций и обычаев, особенно ярко проявляющихся в семейно-бытовых отношениях.

Марксизм-ленинизм учит, что в отличие от многих сторон общественных отношений семейные и бытовые традиции прошлых эпох в новых социально-экономических условиях являются наиболее консервативной частью идеологии и сохраняются значительно дольше, чем другие пережитки прошлого. «Традиции

всех мертвых поколений тяготеют как кошмар над душами живых»¹ — указывал К. Маркс. Они сохраняются в быту и сознании многих людей еще долго после ликвидации социально-экономических условий, породивших их.

Переделать психологию человека гораздо труднее, чем условия его жизни, социально-экономическую, политическую обстановку, в которой он живет, хотя последние в конечном счете изменяют и самого человека, его культуру, его идеологию, его моральные устои. Весной 1919 г. в беседе с известным ученым и общественным деятелем П. А. Кропоткиным В. И. Ленин говорил: «Вы же прекрасно понимаете, Петр Алексеевич, что людей переделывать трудно, что ведь, как говорил Маркс, самая неприступная крепость — это человеческий череп»².

В. И. Ленин, вместе с тем, верил в возможность переделки сознания людей, но он учил, что это потребует много времени, длительной и кропотливой, хорошо продуманной идейно-воспитательной работы среди трудящихся масс и, в первую очередь, среди носителей этих отсталых пережитков прошлого.

Живучесть вредных пережитков в семейно-бытовых отношениях кабардинцев и балкарцев объясняется еще и тем, что они поддерживаются и преподносятся представителями старшего поколения как национальные обычаи и традиции, а себя они считают хранителями и защитниками национальной самобытности, кодекса обычаев и традиций народа — «адыгэ хабзэ».

К числу наиболее сохранившихся религиозных пережитков в семейно-бытовых отношениях наших народов относятся шарнатский брак, участие мулл в оформлении брака.

Как известно, в дореволюционном прошлом брак заключался в доме родителей невесты, для чего приглашался сельский мулла. Он составлял брачный акт в присутствии родственников обеих сторон, которые его и подписывали вместе с муллой. Запись о браке производилась на арабском языке в специальной брачной книге, которая хранилась у муллы³. В брачный акт заносились: размер калыма, какая его часть должна была оставаться в семье жениха как собственность невестки и кто назначался поручителем за нее и т. д.

Нельзя утверждать, что такая форма оформления брака с подробной записью отдельных данных была строго соблюдаемым обычаем. Но она являлась преобладающей формой, а уча-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 6, М., 1974, с. 119.

² Бонч-Бруевич Н. Д. Воспоминания о Ленине. М., 1969, с. 444.

³ Архив Кабардино-Балкарского института истории, филологии и экономики (АКБИНФЭ), ф. 10, оп. 1, л. 23, л. 205; Мамбетов Г. Х., Думанов Х. М. Некоторые вопросы современной кабардинской свадьбы. — В сб.: Этнография народов Кабардино-Балкарии, вып. 1. Нальчик, 1977, с. 62.

стие муллы было всегда обязательным и он играл главную роль в делах по заключению брака в семьях кабардинцев и балкарцев.

С первых лет Советской власти брак обязательно стал регистрироваться в сельском Совете. Одновременно сохранился обычай заключения брака сельским муллой в присутствии свидетелей со стороны как жениха, так и невесты. Но в отличие от дореволюционного прошлого, мулла совершает этот обряд устно, без всякой записи и обязательно (с 50—60-х годов) после представления свидетельства о браке, и не в доме невесты, а в доме жениха. Более того, в отдельных селениях мужчины, приехавшие на бракосочетание с участием муллы, приступают к свадебной трапезе только после предъявления свидетельства о браке.

Следовательно, происходит двойное оформление брака: на основе советского семейного права в сельском Совете и по шариату, но без всякого документального оформления, по традиции.

Все люди хорошо понимают, что законную силу имеет только гражданский акт, свидетельство о браке, однако в сельской местности редко кто отказывается и от религиозного обряда, хотя его в настоящее время исполняют часто неграмотные новоявленные муллы. В отдельных селениях Кабардино-Балкарии даже нет мулл, которые умели бы читать коран, поэтому формально прибегают к помощи тех, которые знают наизусть хоть одну-две молитвы из корана.

Большинство представителей старшего поколения сельского населения кабардинцев и балкарцев считает, что религиозное оформление брака является национальной формой заключения брака, «национальным обычаем», что брак без него «не богоугодное дело», а потому он будет непрочным, несчастливым, «жить без накаях—грешно и дети будут считаться незаконно-рожденными».

Муллы за «регистрацию» брака по-прежнему получают плату, размеры которой выросли до 100—200 рублей. Но в настоящее время они за «свои труды» получают до четвертой части платы, а остальная сумма вручается одному из приехавших на свадьбу для передачи родителям невесты⁴.

Родственники невесты в ее свадьбе по существу участия не принимают. Правда, по-прежнему, на «регистрацию брака» муллой в дом жениха в назначенный день направляют 10-15-20 мужчин, которые присутствуют, при совершении этого обряда, их угощают, и они возвращаются домой. Интересно, что

⁴ В 20—30-х годах плата за «регистрацию брака» делилась на две части: одну вручали мулле, другую отвозили мулле того селения, откуда взята невеста. В 40—60-х годах мулла получал 1/3 часть, остальную забирали приехавшие на свадьбу и использовали на угощение.

никто из ее родственников не присутствует при гражданском бракосочетании, даже если оно совершается в сельском Совете в торжественной обстановке, если даже жених и невеста живут в одном и том же селении.

С конца 60-х годов в кабардинских селениях возрождается обычай «религиозной регистрации» брака в доме родителей невесты, как это было в дореволюционном прошлом. То есть, по существу «религиозный брак», правда, устный, предшествует гражданскому акту в сельском Совете. Для участия в этом акте прибывают в дом невесты 6—10 мужчин от жениха.

Все присутствующие при этом обряде, не исключая даже некоторых представителей старшего поколения, понимают его бессмысленность, но решительного шага, чтобы отказаться от него, не делают, в том числе, представители сельской интеллигенции. Последние по существу идут на поводу у старшего поколения. «Зачем обижать старших, кому и в чем мешает этот обряд?» — так оправдывают они свою позицию.

Как и в дореволюционное время, среди некоторой части кабардинцев и балкарцев особенно старшего поколения сохранилось неодобрительное отношение, к вступлению в брак с представителями другой, особенно немусульманской национальности.

Даже в пригородных кабардинских селениях, жители которых поддерживают постоянные и многосторонние связи с многонациональной столицей республики г. Нальчиком, межнациональные браки являются редкостью (2—3 примера из 100).

По материалам этносоциологического обследования, проведенного Кабардино-Балкарским институтом истории, филологии и экономики в 1973 году, 92,3 процента кабардинцев и 95,1 процента балкарцев находятся в браке с представителями своей национальности. Однако большинство населения (53,9% кабардинцев и 52,4% балкарцев) благожелательно относятся к межнациональным бракам и, по их мнению, национальность в браке не имеет значения. Межнациональные браки считают нежелательными 23,3% кабардинцев и 21,1% балкарцев.

Эти данные свидетельствуют о значительных сдвигах в сознании населения Кабардино-Балкарии по отношению к межнациональным бракам. Тем не менее, количество таких браков пока незначительно. Данный факт в условиях активного межнационального общения и сотрудничества объясняется, по нашему мнению, влиянием старшего поколения, пережитками религиозной идеологии в сознании определенной части населения республики. Мы уже отметили выше, что до сего времени мулла занимает значительное место в отправлении семейной и бытовой обрядности. На редкость межнациональных браков, видимо, влияют и различия в языке, обычаях и традициях кабардинцев, русских, балкарцев и т. д. Так, по материалам опроса, 13,8% кабардинцев и 11,6% балкарцев не одобряют межнациональные браки, считая трудным жить среди людей другой национально-

сти. 18,7% кабардинцев и 16,3% балкарцев объясняют нежелательность межнациональных браков незнанием языка и обычаев человека другой национальности. Родственные связи между кабардинцами и балкарцами еще довольно прочны. Поэтому 2,3% кабардинцев и 5,3% балкарцев опасаются, что представитель другой национальности может неуважительно относиться к его родственникам.

Брак у кабардинцев и балкарцев в дореволюционном прошлом как известно, был «покупной», с уплатой калыма, унижающий достоинство женщин-горянок и свидетельствующий об их бесправном положении. В начале 20-х годов уплата, а вместе с нею и получение калыма была запрещена в административном порядке. Благодаря большой организаторской и воспитательной работе партийных, советских, комсомольских и женских организаций калым уже в 20-х годах был полностью изжит, о нем не упоминали вплоть до 60-х годов.

Женщины Кабардино-Балкарии стали активными участницами социалистического и коммунистического строительства. Тысячи из них — члены КПСС и ВЛКСМ, работают в партийных и советских органах, многие являются крупными партийными работниками, министрами, начальниками различных управлений республики, директорами промышленных предприятий и т. д. На конец 1975 г. 55% всех рабочих и служащих промышленности республики составляли женщины, в сельском хозяйстве их 38%, связи—60%, торговле и общественном питании—75%, здравоохранении—82%, просвещении и культуре—70%, науке—40% и т. д.⁵

Но несмотря на все огромные успехи в развитии экономики и культуры, в раскрепощении женщин в Кабардино-Балкарии, с 60-х годов ожил калым. Во всех районах республики, за исключением Зольского, некоторые берут и платят калым. Причем он имеет тенденцию к увеличению размера. В конце 60-х годов в селениях Терского района он равнялся 400—500 рублям, в селениях Каксанского, Урванского и других районов—700—8000 рублям, а теперь размер калыма в Терском районе достиг 700 рублей, а в Баксанском районе он иногда превышает 1000 рублей. В отдельных балкарских селениях размер калыма еще больше.

Правда, большинство из получивших или плативших калым не понимают эту плату как калым в его дореволюционном понимании, а считают подарком родителям невесты на свадебные расходы, а некоторые называют его платой родителям за их

⁵ Народное хозяйство Кабардино-Балкарской АССР за годы девятой пятилетки (1971—1975 гг.). Статистический сборник. Нальчик, 1976, с. 170—171.

труды по воспитанию дочери. Но эта плата и сейчас называется «уасой», т. е. калымом⁶.

Что же касается Зольского района, то здесь никто не берет и не платит «калыма». Некоторые с таким обычаем связывают и то, что большинство молодых людей из этого района женятся только на девушках из своего района. Если же случается, что вступают в брак с девушками из других районов, то родители вынуждены считаться с установившимися в Зольском районе традициями.

Здесь необходимо отметить одно обстоятельство. Родители, которые взяли за дочь «калым» или деньги «на свадебные расходы», обычно наряжают свою дочь в новую одежду, причем у нее должно быть несколько платьев, пар обуви и других вещей, которые стоят гораздо больше, чем деньги, взятые у родителей жениха. Более того, для дочери готовят мебель на одну комнату.

Во многих случаях девушку берут прямо из дома родителей, которые устраивают по этому случаю богатое угощение, и в целом семья девушки несет большие расходы, которые не покрываются тем, что дают родственники жениха в качестве расходов на свадьбу. Следовательно, семья девушки не наживается, выдавая дочь замуж.

Х. Х. Боков и М. В. Вагабов, характеризуя калым дагестанской и чечено-ингушской действительности, отмечают, что «основным критерием определения калыма из всей сложной свадебной обрядности с ее многочисленными расходами и подарками должен явиться факт превращения выдачи дочери родителями, как в прошлом, так и в настоящем, в сделку»⁷.

В таком понимании в Кабарде и Балкарии о калыме не может быть и речи. Во-первых, родители не выдают дочь замуж, она сама вступает в брак по своему выбору; во-вторых, ни одна семья не превращает выход дочери замуж в торговую сделку и ее расходы значительно превышают ту денежную помощь, которую оказывает семья жениха.

Как видно из материалов этносоциологического обследования, калым уплатили за невесту 32% женатых кабардинцев и 42,8% балкарцев. При этом интересно отметить, что 74,2% балкарцев и 81,2% кабардинцев считают уплату калыма ненужным и только 16,5% балкарцев и 10,9% кабардинцев поддерживают его уплату.

По обычаям кабардинцев и балкарцев в дореволюционном прошлом с участников перевоза невесты в дом жениха в доме, где находилась девушка, женщины, которые окружали ее, брали специальные платы за прикосновение к ее рукам, за ее вста-

⁶ АКБИНФЭ, ф. 10, оп. 1, д. 23, л. 210; д. 21, л. 150; д. 22, л. 242.

⁷ Боков Х. Х., Вагабов М. В. Пережитки ислама в семейно-бытовых отношениях и пути их преодоления. Грозный, 1979, с. 61.

вание, за ее выход из дома, а сельская молодежь получала определенную плату за выезд со двора. Участники перевоза чаще откупались от молодежи кувшинчиком бузы, различными кушаньями, которые они захватывали с собой. Эти обычаи были своеобразной игрой, плата была незначительной. Женщины, получив несколько рублей, покупали конфеты, а молодежь — напитки, и они угощались.

В этих обычаях не было ничего предосудительного, плохого. Свадьба есть свадьба. Движущуюся по улице свадебную процессию могли остановить и другие односельчане и потребовать «плату за проезд». Устраивались различные игры и состязания как участниками процессии, так и провожавшими их.

Однако в последние годы эта плата за прикосновение к рукам невесты, за ее вставание, за выезд со двора возросла до больших размеров, до 100—200 рублей. Причем эти деньги уже не всегда идут на конфеты для женщин или на угощение молодежи. Нередко часть из них поступает в пользу родителей невесты. Эти факты встречаются во всех районах, но особенно высока «плата» в селениях Баксанского и Зольского районов.

Причины оживления калыма и роста всяких «плат» за невесту трудно объяснить. Они связаны не только с повышением уровня материального благосостояния трудящихся Кабардино-Балкарии. Рецедивы этих явлений, видимо, объясняются и ослаблением воспитательной работы среди населения, особенно среди людей старшего поколения, многие из которых пользуются любой возможностью, чтобы оживить кое-что из прошлого, отстоять «национальные обычаи». Следует отметить, что в последние годы нередко встречаются примеры отказа от уплаты «калыма». От него начали отказываться и сами молодые люди.

До сего времени сохранился свадебный дарообмен между породнившимися семьями. По обычаю, родители жениха со своими родственниками наносили визит в семью невестки через несколько дней после свадьбы. Родственники невестки тоже наносили ответный визит. Они способствовали знакомству сторон. Такой визит давал той и другой стороне право отныне посещать друг друга без стеснения. В прошлом число участников таких визитов и подарки, которые они везли с собой, были незначительными⁹. Возможно, что это объяснялось трудностями с транспортом, материальным положением кабардинцев и балкарцев. Но и в 30—50-х годах, когда их благосостояние неизмеримо повысилось, положение оставалось неизменным.

С начала 60-х годов этот обычай, в котором нельзя было усмотреть ничего плохого, стал приобретать уродливые формы.

Вся Кабардино-Балкария осуждает этот никому ненужный обычай, все понимают его бессмысленность, так как он не приносит никакой пользы ни молодоженам, ни их родителям. По

⁹ Мамбетов Г. Х., Думанов Х. М. Указ. соч., с. 80.

опросу 1973 года 65,5% кабардинцев и 24% балкарцев заявили, что этот свадебный дарообмен следует упразднить⁹. Выступающих против этого обычая в настоящее время еще больше.

В сельской местности еще сохранились остатки обычая избегания по отношению к мужу (не называть его по имени, не разговаривать с ним в присутствии родителей, старших, посторонних, не есть вместе), по отношению к свекрови и свекру (не разговаривать, не произносить имя), по отношению к старшим родственникам и соседям супруга (не называть по имени, не разговаривать), а также по отношению мужа к жене, к ее родителям.

Но в связи с социально-экономическими преобразованиями, развитием культуры, изменениями в мировоззрении, идеологии трудящихся масс эти обычаи претерпели значительные изменения. Сократились сроки избегания встреч, разговаривают со всеми через некоторое время (в дореволюционный период невестка не разговаривала со свекром годами, некоторые женщины «гордились» тем, что не только свекровь, но даже и муж не видели их едящими), обычаи распространяются только на более узкий круг родственников мужа и жены, для снятия запрета избегания редко устраиваются специальные угощения.

По материалам этносоциологического опроса, проведенного в Кабардино-Балкарии, только 15% кабардинцев и 20% балкарцев, живущих в городе, 24,4% кабардинцев и 33,2% балкарцев села считают нужным соблюдать обычаи избегания; около 7—9% населения выступает за частичное соблюдение, 68% балкарцев и 72% кабардинцев города, 60% балкарцев и 68% кабардинцев села считают не нужным соблюдать обычаи избегания¹⁰.

Эти цифры говорят о еще значительном сохранении обычаев избегания. Более прочно держатся обычаи избегания, связанные со старшим поколением. И в этом следует видеть этническую специфику кабардинцев и балкарцев, сохранение уважительного отношения к родителям, к старшему поколению, но тем не менее стремиться к их сохранению никак нельзя. Что же касается избегания по отношению между супругами, родителями и их детьми, то они практически уже изжиты или находятся на грани полного изживания.

К наиболее реакционным религиозным пережиткам прошлого относится месячный изнурительный пост урза, еще соблюдаемый значительной частью старшего поколения сельского населения Кабардино-Балкарии.

Большинство населения, особенно его работающая часть;

⁹ Смирнова Я. С., Першиц А. И. Избегание: формационная оценка или этический нейтралитет? — «Советская этнография», 1978, № 6, с. 65.

давно уже не соблюдает этот пост. Хранителями его пока еще выступают часть представителей старшего поколения. Трудно с точностью сказать, кто из кабардинцев и балкарцев соблюдает уразу. Но несомненно одно, это более 50—60 процентов мужчин свыше шестидесятилетнего возраста и еще больше женщин. Что же касается более младшего возраста (от 50 до 60 лет), то и среди них (особенно женщин) немало соблюдающих уразу.

С уразой связано обязательное ежесуточное пятиразовое моление богу, но его соблюдает гораздо меньшее число кабардинцев и балкарцев.

По давно установившемуся обычаю, через 70 дней после уразы мусульмане совершают жертвоприношение в честь бога. Многие из старшего поколения и в настоящее время считают жертвоприношения обязательным, потому что оно якобы «способствует» отпущению грехов.

Наибольшее влияние религия сохранила в похоронных обрядах кабардинцев и балкарцев. Как и в дореволюционном прошлом, мулла обмывает усопшего, под его руководством организовываются похороны, он же совершает дыуа. Без его активного участия не проходят поминки, деур, моления богу и др. За все это он получает щедрую плату. Десятую часть деура получает мулла, остальная сумма по 3—5 рублей раздается участникам обряда и, как, правило, вдовам, сиротам, инвалидам, а также умеющим читать коран. Размеры деура в Кабардино-Балкарии даже по сравнению с 40-ми годами намного возросли. В этом немалая «заслуга» мулл — фактических распорядителей обряда деур, от которого они имеют реальную пользу.

В дореволюционный период в день похорон семья, понесшая утрату, никого не кормила, более того, в этом доме в течение трех дней не готовилась пища. Этот обычай соблюдался до 60-х годов. Но в последние годы участников похорон во многих селениях, за исключением малокабардинских, кормят в тот же день после возвращения с кладбища. Правда, этот обычай не получил всеобщего распространения, но он активно внедряется. Недельные, сорокадневные и годовичные поминки стали пышными, дорогостоящими и даже разорительными. Встречаются даже примеры, когда для угощения собравшихся режут последнюю корову, не задумываясь над тем, что в семье остались дети, которых нужно кормить. Мулла обычно говорит: «Единственное, чем вы можете помочь усопшему — это раздача денег, богатые поминки, моление богу». Старшее поколение верит в эти слова, да и в загробную жизнь, и делает все возможное, чтобы умершему «было лучше и легче на том свете». Следует, также отметить, что в отличие от прошлого, даже от 20—60-х годов, семья усопшего приобретает сотни метров ситца, делит их на куски по 3 м и раздает односельчанам; главным образом, бедным жителям селения. В дни поминок режут корову,

несколько овец, десятки кур и угощают собравшихся стариков и старух, часть мяса раздается в сыром виде.

В настоящее время практикуется обычай, согласно которому еще при жизни готовится одежда для раздачи. Женщины-старушки готовят специальные подарки для той, которая будет ее обмывать после смерти, для ее помощницы, поливальщицы воды и др. В обрядах, связанных со смертью человека, почти ничего не изжито, более того, наблюдается обратное явление. Причина не только в том, что возросли материальные возможности населения, но и в том, что даже представители сельской интеллигенции безмолвно передали похороны и поминки в руки старшего поколения и мулл. Более того, если в их семьях случается смерть, то они тоже выполняют все то, что стало обычаем. Они участвуют во всех поминках, отпускают деньги на деур и на вопрос, почему они не принимают мер, отвечают: «Что поделаешь со стариками, не мне начинать ломку старых адыгских обычаев».

Как видно из материалов этносоциологического опроса 1973 года, 73,1% кабардинцев и 87,7% балкарцев считают нужным сохранить религиозные обряды похорон и только 4,8% балкарцев и 5,4% кабардинцев высказались за внедрение гражданского обряда похорон. Почти 95% сельского населения считает нужным соблюдать обряды деур и раздачи одежды усопшего. Можно назвать и другие пережитки старых традиций в семейно-бытовых отношениях кабардинцев и балкарцев, но и сказанного достаточно, чтобы отметить, что предстоит еще значительная и многогранная работа по преодолению пережитков прошлого, которые не соответствуют нашей современной культуре, несовместимы с советским образом жизни.

Одной из причин живучести некоторых пережитков религиозной идеологии, отсталых обычаев, традиций является слабая работа на местах по преодолению этих пережитков, терпимое отношение к ним, малая эффективность лекционной пропаганды, отсутствие серьезной работы со стариками, женщинами, которые слабо связаны с общественным производством.

Форм, путей и средств борьбы с пережитками прошлого много, но наиболее целесообразными и эффективными, видимо, являются следующие: местным партийным и советским органам, учреждениям культуры и просвещения необходимо проводить постоянную работу со старшим поколением кабардинцев и балкарцев, которые являются в основе носителями этих пережитков. Здесь хочется напомнить, что в начале 30-х годов областная партийная организация проводила большую и систематическую работу с представителями старшего поколения, использовала их авторитет и опыт по воспитанию подрастающего поколения, по организации общественного производства и т. д. Проводились сельские, районные и областные собрания стариков и старух, на которых обсуждались различные вопросы по-

литической и хозяйственной жизни. Партия тогда подняла старшее поколение на борьбу за новую жизнь, за развитие колхозного производства, старики работали качественниками, контролерами, выступали инициаторами социалистического соревнования, многих других хороших дел и начинаний. Поэтому есть необходимость возобновить эту работу, использовать прошлый опыт систематической, хорошо продуманной работы. Кстати, кое-где в республике и теперь уже есть некоторый опыт в борьбе с пережиточными явлениями (борьба по ликвидации калыма в селах Зольского района, большими размерами деура в с. Каменомостское и Урух, организация гражданских похорон в селах Терского района, обоюдный отказ от свадебного дарообмена и т. д.), который следует использовать.

В 20—30-х годах велась большая работа и среди горянок. Партийная организация области сумела поднять их на штурм старых обычаев и традиций, на борьбу с калымом, неравноправным положением женщин, вовлекала их в общественно-политическую жизнь. Ведь они на своих плечах вынесли огромные тяжести войны. После войны идейно-воспитательная работа среди женщин заметно ослабла, а механизация сельскохозяйственного производства в значительной степени сократила их участие в общественном производстве. Все это не могло не сказаться негативно на их сознании. В конце 50—60-х годов в селениях были созданы женсоветы, которые начали проводить полезную работу по организации женщин-домохозяек, по их воспитанию и т. д. Однако необходимо усилить эту работу с женщинами, усовершенствовать ее формы и методы.

В преодолении пережитков прошлого огромную роль играет лекционная пропаганда, и лекция приносит большую пользу, если ее читает подготовленный товарищ. Республиканская организация общества «Знание» в последние годы провела тысячи лекций на антирелигиозные темы. Но если проанализировать, для кого читались эти лекции, то окажется, что они читались для механизаторов, животноводов, комсомольцев, учителей. А тех, кто больше всего подвержен пережиткам прошлого, на лекциях не бывает, их не втягивают в общественно-политическую жизнь. Видимо, можно и нужно собирать стариков и старух, проводить с ними беседы на естественно-научные темы, но эту работу следует проводить умело, грамотно.

Как и все горцы Кавказа, кабардинцы и балкарцы унаследовали от прошлого много хороших традиций и обычаев. К ним относятся: гостеприимство, уважительное отношение к старшим и женщинам, взаимопомощь и др. Много хорошего, красивого и интересного имеется и в свадебных обрядах. Все это следует поддерживать и развивать, и в этом положительную роль могут сыграть средства массовой информации. Актив колхозов и совхозов, коллективы школ и культурно-просветительных учреждений, партийные, советские и комсомольские работники,

вся сельская интеллигенция могла бы сыграть активную роль во внедрении новых обычаев и традиций, в пропаганде советского образа жизни. Ведь в среднем в каждом кабардинском или балкарском селении насчитывается до 100 и более человек с высшим образованием, не считая руководителей сельских организаций. Это немалая сила.

Борьба с отмеченными выше пережитками прошлого является первостепенной задачей идеологической работы в республике, и активное участие в ней, безусловно, должны принять работники высшей школы и научных учреждений.

Виноградов В. Б., Магомадова Т. С.

ДВЕ ЗАМЕТКИ О РАННИХ РУССКО-СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ СВЯЗЯХ

1. Упоминания осетинских селений в русских документах XVI—начала XVII века

Русско-осетинские взаимоотношения в XVIII веке изучены сегодня относительно полно¹, чего нельзя сказать о более раннем периоде знакомства двух народов. И если взаимосвязи алан с Древней Русью и некоторые эпизоды XIII—XIV веков уже привлекли внимание², то важнейшие события, начало которых ознаменовало в середине XVI века установление прямых, тесных и постоянно прогрессирующих взаимосвязей Руси и Кавказа, остаются незаслуженно в тени. Поэтому и выглядят странными непропорциональная бедность и фрагментарность сведений об осетинах и Осетии XVI—XVII веков, представленных, например, в обобщающей и исключительно ценной книге Е. Н. Кушевой³. В ней отмечены лишь письменные свидетельства о феодальных осетино-картлийских связях второй половины XVII века, известие русских послов о встрече с осетинами-дигорцами

¹ Блиев М. М. Русско-осетинские отношения. Орджоникидзе, 1970; Русско-осетинские отношения в XVIII веке (1742—1762 гг.). Сборник документов в 2-х томах, том. 1. Орджоникидзе, 1976.

² Кузнецов В. А. Алания X—XIII вв. Орджоникидзе, 1971; Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971; Магомедов А. Х. Общественный строй и быт осетин. Орджоникидзе, 1974.

³ Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI—30-х годах XVII века. М., 1963.

в 1651 году и сообщение 1604 года о «горских людях, словут осинцы, всего человек их з 200», которые проявляли высокую военно-политическую активность в Дарьяльском ущелье.

Эта весьма скромная информация традиционно считается «наиболее ранними известиями» об осетинах и Осетии, отложившихся в русских источниках той поры⁴.

Но реально ли это? Могло ли быть так, что народ, обитавший вдоль важнейшей путевой артерии — Дарьяльского прохода, в непосредственном соседстве и общении с другими кавказскими народами, ставшими постоянными партнерами Руси с середины XVI века, оставался практически вне поля зрения составителей многочисленных документов? Чем объяснить, что, якобы, известно русских с осетинами задерживается на полвека по сравнению с кабардинцами, чеченцами, ингушами, кумыками и другими их северокавказскими соседями? Или этот мнимый факт есть следствие недостаточного внимания специалистов к наличному фонду источников, результат поверхностного их анализа с позиций выявления тех бесспорных этнических имен (скажем, те же «осинцы»-осетины), которые очевидно, сопоставляются с конкретными народами Кавказа?

Попытаемся ответить на поставленные вопросы, обратившись к некоторым (до сих пор не привлекавшим должного интереса историков) письменным свидетельствам русских источников.

В числе дополнений (вставок) в «Никоновскую летопись», имеется довольно подробный рассказ о пребывании на Северном Кавказе крупного русского военного отряда («стрельцов 500 человек да пять атаманов казачьих и казаки, а казаков с ними 500 человек») под началом воеводы Г. С. Плещеева⁵. В сентябре 1562 года русский царь Иван IV послал Плещеева «посольством» в «Черкасы Пятигорские (то есть Кабарду) к Темрюку-князю Айдаровичу (то есть главному кабардинскому князю Темрюку Идаровичу, принявшему в 1557 году подданство России.— Авт.)» Цель отряда была сформулирована так: «Жити у Темгрюка и слушати его во всем и от всех его недругов беречи и в войну ходити с его людьми вместе, куды Темгрюк-князь учнет посылати».

Выполняя этот «государев наказ», в октябре 1563 года отряд Плещеева принял участие в большом походе с целью помочь Темрюку укрепить свою власть над некоторыми мятежными вассалами и разведать боем дорогу в Грузию.

Летопись сообщает о разыгравшихся событиях: «И Темгрюк со государьскими людьми недругам своим недружбу довел и в

⁴ Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973; она же. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII—начале XX в. М., 1974.

⁵ Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв., т. 1, М., 1957, с. 10—11 (далее — КРО).

свою волю их привел, а воевал Шепшуковы улусы, да воевал Татцкие земли близ Скиньских городков; и взяли три городки: город Мохань, город Енгирь, город Каван ...А те городки Шепшуковы-княжие, и люди тех городков побии челом Темгрюк-князю, и дань Темгрюк-князь на них положил».

Социально-политический комментарий этих летописных данных не сложен. В них отражены феодальные междоусобицы и соперничество кабардинских князей, в которые поневоле вовлекались и иноплеменные вассалы адыгских владельцев, а затем — и русская администрация в бассейне Терека, поддерживавшая союзников и новых поданных России⁶. Но более трудным оказалось определение конкретного района действий в октябре 1563 года.

Л. И. Лавров попытался связать названные и сразу следующие за ними события, отраженные в летописи, с Верхним Прикубаньем⁷, но эта версия не получила признания: русские войска в то время так далеко вглубь Кавказа не заходили. В коллективных комментариях к публикации этого источника в 1957 году было сказано: «Определить местонахождение «Татцкой земли» и «Скиньских городков»... не удастся»⁸. Спустя время, Е. Н. Кушева, высказав некоторые полезные соображения, по существу вопроса, особо оговорила, что приведенные известия «заслуживают специального комментария кавказоведов для определения упомянутых в нем топографических и племенных названий»⁹.

Попробуем выполнить это справедливое пожелание. Сегодня достоверно известно, что «Шепшуковы улусы» — владения сильного кабардинского князя Пшеапшоко Кайтукова (соперника Темрюка по влиятельности в Кабарде), расположенные в Большой Кабарде, то есть к западу от Терека по его течению, между выходом из предгорий и впадением в него слева реки Малки. Бесспорно и то, что центр владений Темрюка Идарова находился в Малой Кабарде, простираясь до района Эльхотовских ворот (местности Татартуп — Верхний Джулат)¹⁰. Надо полагать, что «Татцкие земли близ Скиньских городков» — это территория где-то по соседству с обоими названными феодальными владениями, за обладание которой ведется борьба между Пшеапшоко и его усиливающимся феодальным сюзереном Темрюком Идаровым.

⁶ Кушева Е. Н. Указ. соч., с. 240—263; Бузуртганов М. О., Виноградов В. Б., Умаров С. Ц. Навеки вместе. Грозный, 1980, с. 32—33.

⁷ Лавров Л. И. Расселение сванов на Северном Кавказе до XIX века. — В сб.: Вопросы этнографии Кавказа. Тбилиси, 1952, с. 337—344.

⁸ КРО, с. 393.

⁹ Кушева Е. Н. Указ. соч., с. 240.

¹⁰ История Кабардино-Балкарской АССР, т. 1, М., 1967.

Е. Н. Кушева предположила, что «здесь шла борьба за соединение с Кабардой «татской», т. е. не кабардинской, подчиненной кабардинским князьям землей»¹¹. Если пытаться понять смысл звучания племенного названия «таты», то следует, очевидно, учитывать, что осетины, как и сами исторические таты Северного Азербайджана (и, кстати сказать, горские евреи, живущие на Северном Кавказе и часто именуемые «татами») — все суть ираноязычные народы¹². Можно вспомнить и популярное осетинское предание (недавно вновь проанализированное Б. А. Калоевым), согласно которому обитатели Куртатинского общества (заметим тут, что и в наименовании его звучит, как будто бы, компонент «тат») произошли якобы от курда — пришельца из Закавказья¹³. А курды — тоже ираноязычны!

В свете сказанного резонно предположить, что в названии «Татцкие земли» отразилось не совсем четкое, но реальное понимание русским источником коренного языкового отличия ее обитателей от кабардинцев и принадлежности к иранскому племени на Кавказе, знакомому Руси пока более всего через посредство татов Прикаспия.

Разумеется, такой ход рассуждений весьма гипотетичен. Но он, однако, позволяет сконцентрировать интерес к Осетии и осетинам и искать дополнительные сведения в цитированном летописном фрагменте.

С известной долей вероятности можно предложить, в частности, толкование данному в летописи уточнению месторасположения «Татцких земель» («...близ Скиньских городков»). Оно представляется нам производным (вернее — искаженным) от названия «Лескенские». Река Лескен (левый приток Терека примерно в 20 км к северо-западу от Эльхотовых ворот, в пограничной зоне между современными Северо-Осетинской и Кабардино-Балкарской АССР) имеет на своих берегах несколько одноименных селений (Верхний Лескен, Лескены 1-й и 2-ой, Старый Лескен и т. д.). По крайней мере часть из них возникла в давнее время, а для самого названия Лескен специалисты по адыгской топонимии уверенно устанавливают ираноязычную основу¹⁴. Вполне возможно, что «Скиньские городки» (селения по реке Лескен) являются важным ориентиром, вблизи которой располагалась «Татцкая земля», а в ней — три городка, взятые кабардино-русским войском в октябре 1563 года (Мохань, Енгирь, Каван).

Е. Н. Кушева заметила вскользь, что название одного из них — Каван — «направляет внимание на известный осетинский

¹¹ Кушева Е. Н. Указ. соч., с. 240.

¹² Народы Кавказа. Этнографические очерки, т. II, М., 1962, с. 181—187.

¹³ Калоев Б. А. Осетины. М., 1971, с. 49—50.

¹⁴ Коков Д. Ж. Н. Адыгская (черкесская) топонимия. Нальчик, 1974, сс. 95, 220.

аул Кобань в ущелье Гизельдона с его башнями и замками»¹⁵. Однако прямое сопоставление городка Каван XVI века с тагавским селением Кобань, лежащим в глубине гор и достаточно удаленным от основной арены кабардинских междоусобиц на равнине, представляется нам неправомерным. Другое дело, что сам термин «Каван», несомненно, осетинский. Кав-ан» значит — из ворот, стоящий в воротах¹⁶. Воротами в старину часто назывались проходы в горах, ущелья. Естественно, что сохранившийся до сего дня аул Кобань был отнюдь не единственным в прошлом селением, название которого могло отвечать признаку расположения в «воротах»-ущелье. Можно предполагать даже, что имя «Каван» в конкретной ситуации могло быть свойственно какому-то укрепленному осетинскому поселению («городку») в северных отрогах предгорий, у выхода на равнину, которой владели кабардинские князья.

Мы имеем возможность сегодня подкрепить наши выкладки тем, что царский офицер Штедер, объездивший в начале 1781 года значительную часть земель в бассейне Терека, упоминает некое селение Кобан (Кобантыкау) как раз на правом берегу реки Лескен, в 8 верстах от входа в Дигорское ущелье, выше Старого Лескена. Знал его, как оказывается, и Ю. Клапрот, называя «пограничным с запада дигорским населенным пунктом»¹⁷. Название этого старинного осетинского селения отразилось в народных преданиях Кабарды, что верно отметил Дж. Кокон¹⁸.

Таким образом, появляются неплохие основания считать «город Каван» 1563 года осетинским селением в зоне выхода реки Лескен на равнину.

Название «Мохань» представляется нам также осетинским, только несколько искаженным в иноязычном восприятии и русской записи. «Махон» — по-осетински «наш»¹⁹. Вполне закономерно такое наименование пункта, расположенного не в глубине осетинских земель, а на границе с районами, контролируемые или заселенными другими народами. А это — применительно к осетинам XVI века — скорее всего при выходе на равнину.

В названии «Енгирь» мы вновь усматриваем осетинскую основу: в дигорском диалекте осетинского языка «æнгеран» —

¹⁵ Кушева Е. Н. Указ. соч., с. 240.

¹⁶ Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. 1, М.-Л., 1958, с. 573—574.

¹⁷ Свидетельства Штедера и Ю. Клапрота выявлены Н. Г. Волковой, но безотносительно к городку Каван XVI века (Волкова Н. Г. Этнический состав ..., с. 113—114).

¹⁸ Кокон Дж. Н. Кабардинские географические названия. Краткий словарь. Нальчик, 1966, с. 63.

¹⁹ Миллер В. Язык осетин. М.-Л., 1962, с. 175.

«угроза», «грозить»²⁰. Подобное «пугающее» название весьма логично, и особенно для «города», построенного в той же пограничной зоне.

Остается добавить, что если «Енгирь» и впрямь искаженная запись дигорского топонима, то вышеизложенные соображения получают дополнительное косвенное обоснование: река и селения Лескен («Скинские городки»), вблизи которых располагались три городка «Татцкие земли», действительно находятся в районе стыка осетинских, (дигорских), балкарских и кабардинских земель.

Таким образом, наш комментарий позволяет считать, что в дополнениях (вставках) в «Никоновскую летопись», касающихся событий 1563 года, отразилось знакомство русских участников с лесистыми предгорьями Северной Осетии и их осетинскими обитателями, страдавшими от междоусобиц кабардинских феодалов.

Не сомневаемся, что пристальное прочтение давно уже известных других источников по русско-кавказским взаимоотношениям в XVI—XVII веках даст и иные основания для схожих размышлений.

Так, например, в подробной документации московского посольства в Грузии в 1604-1605 годах (где и всплыли, кстати сведения об «осинцах» в Дарьяле) упоминается некий «Березов кабак», «Березуев кабак», находящийся на самой северной границе «Сонской земли» (в данном случае — владений эристава Арагвского, который был вассалом грузинского царя)²¹. В этом «кабаке» (селении) живут подданные Грузии, ревностно помогающие нормальному осуществлению русско-грузинских дружественных связей и страдающие от авантюристической политики кабардинских князей.

Важно подчеркнуть, что документация многочисленных предшествовавших дипломатических миссий через Кавказ не знает «Березова кабака». Появление его тут — между «Ларсовым кабаком» (селение Ларс) и «Черебижевым кабаком» (селение Гвилети в округе современного Казбеги) — одновременно с появлением на исторической арене Дарьяльского ущелья упомянутых выше «осинцев» (осетин), позволяет сопоставить эти два факта. И тут примечательно, что из всех иных кавказских языков лишь осетинский язык позволяет предложить ясное толкование названия, воспринимаемого русскими людьми как «Березово», «Березуево». Ведь «барз»-«бæрза» — по-осетински береза²². Поселок осетин, возникший на порубежье Грузинского царства — вне зоны распространения прямой власти давних и

²⁰ Абаев В. И. Указ. соч., с. 181.

²¹ Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом (1575—1613 гг.), вып. 1. М., 1888, с. 454—457.

²² Абаев В. И. Указ. соч., с. 253.

жестоких врагов — кабардинских феодалов, мог получить это название, отвечающее, между прочим, и природным условиям высокогорья Центрального Кавказа.

Наши соображения о первых упоминаниях осетинских селений в русских источниках, вероятно, не бесспорны. Но они позволяют наметить один из возможных путей преодоления противоестественной ситуации — отсутствия сведений об осетинах и Осетии в русских документах второй половины XVI — начала XVII века на фоне вполне приличной осведомленности об их соседях, исторических партнерах и вообще округе Дарьяльского прохода.

2. Некоторые исторические личности в ранних русско-вайнахских взаимоотношениях

В последние годы резко оживился интерес историков к ранним русско-вайнахским (чечено-ингушским) контактам. Исследования Е. Н. Кушевой, Н. П. Гриценко, Н. А. Тавакаляна, С. Ц. Умарова, Н. Г. Волковой, Т. А. Исаевой, а также авторов данной статьи позволяют довольно полно и всесторонне представить основной ход постепенно складывающегося единства широких масс населения Чечено-Ингушетии с русским и другими народами страны²³.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы обрисовать основные вехи жизни и черты деятельности нескольких личностей, оказавшихся в самых первых рядах русско-вайнахских отношений, во второй половине XVI — начале XVII века. Внимание к ним позволит полнее и конкретнее понять и прочувствовать дух этой эпохи, когда устанавливались и крепились прямые русско-чечено-ингушские связи.

Выдающееся место в налаживании первых активных контактов чеченцев и ингушей с Россией, занимают окоцкие мурзы, то есть предводители вайнахского общества, вошедшего в русские документы под именем «ококи», «окуки».

«Окоцкая земля», по источникам XVI—XVII веков, представляла собой территорию в восточном равнинном районе Чечни, прилегающую к устью Сунжи и, вероятно, покрывавшую часть так называемой Кумыкской равнины в Дагестане. Она состояла из нескольких селений, крупнейшее из которых называлось Окох (Оку). По поводу «племенной» принадлежности ококов в научной литературе бытуют две трактовки. Традиционная отождествляет их с ауховцами²⁴. Недавно поставленная на

²³ Бузуртханов М. О., Виноградов В. Б., Умаров С. Ц. Указ. соч., с. 28—36 (там же и библиография).

²⁴ См.: Кушева Е. Н. Указ. соч., с. 69—70; Волкова Н. Г. Этнический состав ..., с. 166—167.

обсуждение и сегодня разделяемая рядом историков версия предполагает, что ококи — выходцы из горного Центороя, покинувшие юго-восточную Чечню в результате земельных неурядиц²⁵. В социальном отношении ококи XVI—XVII веков были в числе наиболее развитых вайнахских обществ. Процесс классообразования привел у них к появлению раннефеодальных предводителей-вождей, именуемых в источниках «мурзами», а изредка и «князьями».

Во второй половине XVI века ококи оказались ближайшими из всех вайнахов соседями московских административных центров (Терских и Сунженских городков) в устье Сунжи и Терека. Естественно, что они сразу же установили двусторонние связи с русскими. Причем связи эти осуществлялись целой династией ококиных мурз и их сородичей.

Впервые известия об ококиных мурзах появляются в русских документах, связанных с посольством в Грузию Р. Биркина и П. Пивова (1587-1588 годы)²⁶. Но к этому времени контакты с ними русской администрации насчитывали уже не менее двух десятков лет. Об этом весьма определенно говорится в одной из челобитных ококиных мурзы Шиха, составленной в 1588 году. В ней вожак ококов сообщает, что вместе со своим отцом Ушаром-мурзою он явился к стенам «государевых городов на Терке, которые прежде были», и далее излагаются конкретные формы верной службы России перед лицом общих врагов — прежде всего султанской Турции и Крымского ханства. Ших особо подчеркивал совместность действий с государевыми с терскими атаманами и казаками». И взволнованно изложил предсмертный завет своего отца: «Слово твое (государя Руси,— Авт.) на голове держати и тебе служить, сколько твоей службы не будет»²⁷.

«Прежние» городки, о которых тут идет речь — это русские крепости в устье Сунжи, краткосрочно существовавшие с 1567 и с 1578 годов²⁸. Тем самым, документально достоверной точкой отсчета прямых русско-вайнахских связей и принятия группой вайнахов подданства России перед угрозой внешних врагов яв-

²⁵ Умаров С. Ц. Новые археологические памятники в нагорной Чечено-Ингушетии. — Археолого-этнографический сборник, т. 2. Грозный, 1968; он же. К политической и социально-экономической истории Чечни XVI—XVII вв. — Археолого-этнографический сборник, т. 4. Грозный, 1976; Виноградов В. Б., Магомадова Т. С. Один из северокавказских союзников Руси. — «Вопросы истории», 1971, № 10, с. 215—216; Ахмадов Я. З. Вайнахи в кумыкских княжествах. — «Изв. Чечено-Ингуш. краевед. музея», т. XI, Грозный, 1975, с. 58—59.

²⁶ Белокуров С. А. Указ. соч., с. 58—62.

²⁷ Там же, с. 64.

²⁸ Виноградов В. Б., Магомадова Т. С. Где стояли Сунженские городки? — «Вопросы истории», 1972, № 7, с. 208—211.

ляется 1567 год, а факт этот олицетворялся действиями Ушаром-мурзы Окоцкого²⁹.

Его сын Ших унаследовал не только феодальный титул своего отца и право предводительствовать над ококами. Он унаследовал и его политику, выражавшую объективные интересы вайнахского общества, располагавшегося в самом центре непрекращающихся междоусобиц кумыкских и кабардинских князей, на главной северокавказской дороге постоянных иноземных вторжений. Как только (после некоторого перерыва в 1588 году) возобновилась градостроительная деятельность Руси на Тереке, и по просьбе кавказцев был построен новый Терский город в низовьях Терека. Ших, «узнав о том, в тот же час в тот новый город к государевым воеводам приехав, перед ними тебе, государю, правду дал». Этим открылась яркая страница в истории русско-вайнахских взаимосвязей, ознаменовавшая подтверждение русского подданства небольшой, но влиятельной группой вайнахов.

Не раскрывая тут деталей биографии и деятельности Шихамурзы³⁰, хотелось бы подчеркнуть, однако, значение разнообразных усилий этой исторической личности в налаживании русско-вайнахских взаимоотношений. Судя по источникам, окоцкий мурза был некрупным и небогатым владельцем раннефеодального типа, а сами ококи тех лет не представляли собой слишком многочисленной группы населения. Но, опираясь на долгие контакты с многими горскими соседями, на добрососедские, союзные отношения с русским населением в бассейне Терека (казачество и гарнизоны «государевых городков»), имея четкую политическую линию, выполнявшуюся честно и последовательно, Ших пользовался значительным авторитетом среди ряда государственных образований и сельских обществ Кавказа. Кроме местных и регулярных двусторонних отношений с Грузией, дагестанскими княжествами, кабардинскими феодалами, отметим серьезную влиятельность Шиха во многих плоскостных районах Чечено-Ингушетии и в зоне некоторых горных ущелий. Военно-политическая активность предводителя ококов, опиравшаяся на помощь русских, хорошо прослеживается в юго-восточной Чечне, вдоль побережья Сунжи, отчасти в горах центральной Чечни и, особенно, в северной половине Дарьяльского ущелья. Шиху-мурзе и его ококам приходилось скрещивать свое оружие с теми соседними владениями и обществами, которые в силу многих причин еще не встали на путь союза с Россией. В то же время, верность взятым обязательствам и искренность друж-

²⁹ Виноградов В. Б., Умаров С. Ц. Вхождение Чечено-Ингушетии в состав России. Грозный, 1979, с. 22.

³⁰ Виноградов В. Б., Магомадова Т. С. Один из северокавказских союзников ..., с. 215—219.

бы с Россией служили впечатляющим примером для наиболее передовой части современников.

Не случайно в том же 1588 году ингушский владелец селения Ларс Султан-мурза обращается к России с просьбой о принятии под покровительство и в подданство, объясняя свое желание так: «Хочу государю служить до самой смерти своей, как служит и брат мой Ших-мурза Окоцкий»³¹.

Трудно переоценить значение первой исторически засвидетельствованной окоцкой делегации в Москву, посланной Шихом в 1588 году в составе 5 человек (старшим был его племянник Батай). Она положила начало длинной цепи дипломатических визитов вайнахов в столицу России. А это служило мощным фактором активизации русско-чечено-ингушских связей и ускоренному знакомству горцев с великой страной, с которой они отныне связывали свою судьбу.

Деятельность окоцкого мурзы Шиха в налаживании плодотворных русско-кавказских связей оказалась недолгой. Не позднее 1595 года он был убит кумыкскими феодалами протурецкой ориентации, о чем бывшие его подданные писали ясно и определенно: «Того Шиха-мурзу Ишеримова убил кумыцкий князь Ахматкач с братнею за то, что он — Ших-Мурза — честно служил московским государям. Да и мы с окоцким Шихом-мурзою служили»³².

Есть основания считать, что вместе с Шихом погиб и его малолетний сын. А часть ококов, оказавшись после смерти своего признанного лидера объектом притеснения со стороны соседних феодалов, бросив хозяйство, скот, дома, переселилась в русский Терский город, основав там Окоцкую слободу³³. Последняя сыграла исключительно большую роль в последующих русско-вайнахских и в целом русско-кавказских взаимоотношениях³⁴.

Так, например, в 1601 году в связи с планами очередного московского посольства в Грузию активно проводились разведки нового посольского пути. С этой целью к грузинскому царю Александру — прежнему другу и союзнику Шиха Окоцкого — посылается из Терского города группа ококов³⁵. Бывшие подданные Шиха прекрасно справились с полученным заданием,

³¹ Подробнее о Султан-мурзе см.: Магомадова Т. С. Владелец Ларса Султан-мурза в первых русско-ингушских взаимосвязях. — Материалы конференции ЧИГУ по итогам 1974 г. Грозный, 1976; Исаева Т. А. Феодалы на территории Чечено-Ингушетии в XVIII в. — Вопросы истории Чечено-Ингушетии, т. XI. Грозный, 1977, с. 98—99.

³² КРО, с. 94.

³³ Там же; Бузуртанов М. О., Виноградов В. Б., Умаров С. Ц. Указ. соч., с. 31—32.

³⁴ Гриценко Н. П. Истоки дружбы. Грозный, 1975.

³⁵ Белокуров С. А. Указ. соч., с. 348—353.

описав, в частности, ранее не известную русским дорогу в Грузию через Центральную Чечню и Аргунское ущелье³⁶. И сам факт такого успеха в Грузии не исключает мысль, что у вайнахов-ококов при грузинском царском дворе сохранялись крепкие связи и, вероятно, свои люди, причем достаточно влиятельные.

Эта мысль находит некоторое обоснование в материалах ближайшего по времени русского посольства в Грузию (1604-1605 годы)³⁷. Оно вплоть до Дарьяльского ущелья (района селения Казбеги) сопровождалось, между прочим, и племянником Шиха — жителем Окоцкой слободы Батаем. Анализ источников показывает, что в депутации посланной для встречи русских послов грузинским царем Александром, важную роль играл некто Илья Окучанин, которому отдается пальма первенства во многих случаях переговоров и доверительных бесед с послами России и их северокавказскими сопровождающими. Илья Окучанин прекрасно ориентируется в обстановке, облечен особым доверием правителей Грузии (и царя и наследника-царевича), пользуется высоким авторитетом у дипломатов Руси. Его болезнь немедленно отразилась на ходе переговоров и некоторых планах посольства. Словом, влиятельная фигура!

Но кто он — Илья Окучанин? В кавказской истории известно много примеров, когда название родного этнического коллектива (этноним) оказывалось прозвищем (фактически — фамилией) человека, попавшего в иную страну, в среду иного народа. Следовательно, Илья Окучанин мог быть ококом по рождению, выходцем из Чечено-Ингушетии. Вероятно, он долго прожил в Грузии, где принял христианство, получив православное имя. Так не раз поступали представители северокавказских горских верхов, стремясь заручиться поддержкой Грузии.

Пока не найдены другие документы об Илье Окучанине, можно предполагать, что, будучи в 1604 году зрелым государственным деятелем, он оказался в Грузии значительно раньше, именно в ту пору, когда грузино-вайнахские взаимоотношения активно налаживались и осуществлялись окоцкими мурзами Ушурмой и Шихом.

И еще один пример из той же эпохи и того же круга лиц. Когда московское посольство 1589 года готовилось воспользоваться дорогой через горный Дагестан (Аварию) и предпринимало по этому случаю конкретные шаги, терскому воеводе А. Хворостинину предписывалось: «А к Аварскому к Нуцалу князю послали б... наперед сотника какова, а с ним казаков

³⁶ Неправа Т. А. Исаева, когда пытается выдать Аргунское ущелье за магистраль русско-грузинских общений с самого начала их установления (Исаева Т. А. Указ. соч., с. 86—95).

³⁷ Белокуров С. А. Указ. соч., с. 467—469.

человек пять добрых и промышленных, которые бы в тех местах преж того бывали...»

Ответственность задания подчеркивалась тем, что несколько ниже в той же грамоте вновь говорилось: «Послали бы естя нарядя станицу... ис казаков или ж стрельцов, выбрав просужих двух-трех которые... дорогу знали и по-татарски б умели»³⁸.

Человек, отвечавший всем этим требованиям был найден: «Тово же числа (24 июня.— Авт.) послали сотника стрелецкого Микиту Зиновьева да с ним трех человек стрельцов Бориска Федорова с товарищи». С ними и были отправлены грамоты к князьям горного Дагестана и к Шиху-мурзе Окоцкому³⁹.

Спустя месяц, 24 июля, Микита Зиновьев писал из резиденции Шиха («из Окох»), подробно информируя о всех событиях минувшего месяца. От него узнали о приезде к Шиху «грузинского князя Олександровых людей», о том, что умер аварский князь Нуцал и в Аварии произошло междувластие. Терский воевода поспешил запросить подробности. Микита Зиновьев не задержал ответа, сообщив все, что смог разузнать вместе с Шихом Окоцким об обстановке в горном Дагестане⁴⁰.

С тем же Микитою Зиновьевым были посланы «грамоты по государеву наказу» к кабардинским князьям Алкасу, Солоху и другим владетелям Кабарды. Сотник и тут справился с поручением. Он выехал «из Окох в Кабарду» и принял все меры к тому, чтобы обеспечить дружественность кабардинских феодалов важному русско-грузинскому посольству⁴¹. После этого Микита Зиновьев возвратился в Терский город.

В источниках сказано, конечно, не так уж и много. Но ясно, что Микита Зиновьев не простой рядовой стрелецкий сотник. Он — доверенное лицо терских воевод, свой человек во многих горских землях и селениях, знаток местных языков. Трудно допустить, что все это стало доступно ему менее, чем за год существования Терского города в низовьях Терека. Куда вероятнее другое: стрелецкий сотник был уже задолго до 1588 года связан с кавказскими партнерами Руси. Он мог постоянно служить в Астрахани, появляясь на берегах Терка и Сунжи всякий раз, когда тут восстанавливались русские крепости и гарнизоны в них. В перерывах он мог появляться и в гребенских казачьих станицах. В таком случае история его знакомства с ококами, черкесами, дагестанцами и их предводителями имела достаточно долгий срок, чтобы русский человек превратился в отменного знатока местных условий, языков, нравов.

Его роль в кавказской политике Москвы была, очевидно, больше, чем можно предполагать на первый взгляд. Ведь имен-

³⁸ Белокуров С. А. Указ. соч., с. 110—111.

³⁹ Там же, с. 117—118.

⁴⁰ Там же, с. 129.

⁴¹ КРО, с. 56.

но Микиту Зиновьева в сентябре 1589 года посылают с грамотами к самому царю: «А Микиту, государь, Зиновьева для того послали, что он во всю зиму и весну жил в Кабарде для твоего государева дела и для вестей тебе, государю, служил и у Шиха в Окохах и во все Черкасы был послан. И он тебе, государю, все розкажет, которые тебе черкасы, государю, служат и обычай их все ведает»⁴².

После 1589 года мы не встречаем имени Микиты Зиновьева в северокавказских документах. Возможно, он из Москвы не вернулся, будучи оставлен в Посольском Приказе в качестве толмача и «консультанта». В подобных людях Москва в то время остро нуждалась.

Мы попытались представить читателю основные доступные сегодняшней науке штрихи биографий некоторых исторических лиц конца XVI — начала XVII века, внесших вклад в русско-кавказские отношения. При всей отрывочности, местами и гипотетичности наших толкований они служат уяснению существенных сторон местной исторической панорамы. Героями этой статьи проблема, разумеется, не исчерпывается. Поэтому следует и впредь, шаг за шагом, стремиться проследить судьбы тех людей, которые навсегда вписали свои имена в летопись прогрессивного и исторически закономерного процесса добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России, завершившегося к 1781 году.

Магометова В. Д.

РОЛЬ ПЕРЕДОВОЙ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ПРОСВЕЩЕНИИ И РАЗВИТИИ КУЛЬТУРЫ СРЕДИ ГОРЦЕВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Поворотным пунктом в общественно-экономическом и культурном развитии горских народов явилось присоединение Кавказа к России, имевшее прогрессивные последствия большого исторического значения. Присоединение к России и вхождение в состав русского централизованного государства создало для народов Северного Кавказа более благоприятные внешние и внутрисполитические условия. Горские народы Кавказа были избавлены от угрозы внешних нападений и кровавых нашествий, в первую очередь, со стороны султанской Турции и шахской Персии. Последние, как известно, постоянно посягали на Кавказ, стремясь к его захвату, к превращению его народов в своих

⁴² Белокуров С. А. Указ. соч., с. 121.

подвластных. Господство Турции и Персии, стоявших, по выражению Ф. Энгельса, «на самой низкой и варварской стадии феодализма», обрекло бы народы Кавказа на полный общественно-политический и культурный застой, на полное политическое и духовное порабощение. Этой опасности горские народы избежали только благодаря присоединению к России.

Россия, стоявшая на гораздо более высоком уровне общественно-политического развития, чем Турция и Персия, играла по отношению к Востоку, в том числе и к народам Кавказа, прогрессивную роль, что неоднократно подчеркивали Маркс и Энгельс. «Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку... господство России играет цивилизирующую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар»¹, — писал Энгельс в письме Марксу. До присоединения к России в Дагестане, Чечне и Ингушетии, Осетии и Кабарде, Адыгее и Карачаево-Черкесии царила феодальная анархия. Например, Осетия была раздираема бесконечными распрями между верхами отдельных осетинских обществ, междоусобной борьбой осетинских феодальных владений. Это усугубляло тяжелое экономическое положение осетинского трудового народа и являлось громадным препятствием для общественного прогресса в Осетии. Эти же картины мы наблюдаем в других национальных областях Северного Кавказа до их присоединения к России. Улучшение внешне- и внутривнутриполитических условий на Северном Кавказе в результате присоединения его к России явилось очень важным фактором ускорения экономического и культурного развития горских народов.

Еще более усилилось прогрессивное воздействие России на горцев во второй половине XIX в. в связи с проникновением русского капитализма на Кавказ. «Русский капитализм, — писал В. И. Ленин, — втягивал... Кавказ в мировое товарное обращение, нивелировал его местные особенности — остаток старинной патриархальной замкнутости, — создавал себе рынок для своих фабрик. Страна, слабо заселенная в начале пореформенного периода или заселения горцами, стоявшими в стороне от мирового хозяйства и даже в стороне от истории, превращалась в страну нефтепромышленников, торговцев вином, фабрикантов пшеницы и табака...»²

В. И. Ленин не раз указывал, что капитализм, представляя из себя более высокую ступень общественного развития, чем все прежние формации, является прогрессивным по отношению к старым формам жизни, несмотря на все его отрицательные стороны. Эту прогрессивность капитализма следует видеть прежде всего в новом, более широком развитии производительных сил, в ломке старых, патриархальных устоев жизни, в экономи-

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 27, М., 1974, с. 241.

² Ленин В. И. ПСС, М., 1975, т. 3, с. 594—595.

ческом объединении территорий различных народов. Не менее значительны были прогрессивные последствия присоединения Северного Кавказа в культурном отношении.

Приобщение к передовой русской культуре послужило могучим толчком для духовного развития горских народов, для развития их культуры и просвещения.

До присоединения к России Северная Осетия, Чечено-Ингушетия, Адыгея, Кабардино-Балкария (в Дагестане была распространена основанная на арабской графике аджамская система письма) не имели своей письменности, книгопечатания. Развитие этих важнейших элементов просвещения стало возможным только со времени присоединения их к России.

Уже в первой половине XIX в. в окружных центрах края — Владикавказе, Ставрополе, Темирхан-Шуре, Нальчике, Кизляре, Моздоке открываются начальные училища, образовательная роль которых была незначительной. Однако во второй половине XIX в. произошли существенные сдвиги в развитии народного образования и просвещения.

Так, в Северной Осетии к середине 70-х гг. уже функционировала 21 мужская и женская школа. Всех учащихся в мужских школах к этому времени было 570 чел., в женских — 158 (в конце 50-х годов в осетинских сельских школах насчитывалось всего 107 учащихся). К концу 90-х годов количество школ возросло до 63, а вместе с частными и воскресными школами их стало 72.

Первые сельские школы в Кабарде возникли в 70-х гг. В 1875 году их было три. В них в 1876 г. обучался 61 человек.

В Карачае первая светская школа была открыта в 1878 г. (в ауле Учкулан), в том же году такая же школа была открыта в Черкесии. Впоследствии, к началу 90-х годов, в Карачаево-Черкесии было открыто еще пять горских школ с трехлетним сроком обучения.

На территории Чечено-Ингушетии первая светская школа была открыта в 1863 г. в Грозном для детей чеченцев, а в 1870 году — в крепости Назрань для ингушей.

В Дагестанской области к концу XIX столетия было всего 26 школ (с преподаванием на русском языке), из них 14 в городах и 12 в сельской местности. Во всех 26 школах обучалось 1896 учащихся, из них 495 девочек. В сельской местности Дагестана, где проживало более 95 процентов населения области, обучением в школах было охвачено всего 493 ребенка, или менее 25 процентов от общего числа учащихся в Дагестане. В сельских школах обучалось всего 25 девочек³.

Известную роль в просвещении горцев сыграли горские окружные школы. Они были открыты в начале 60-х гг. во Владикавказе, Нальчике и Темирхан-Шуре. Хотя в эти школы, сог-

³ Каймаразов Г. Ш. Очерки истории культуры народов Дагестана. М., «Наука», 1971, с. 72.

ласно уставу, могли попадать дети горской феодальной верхушки и чиновников царской администрации, они явились важными очагами просвещения и формирования национальных кадров на Северном Кавказе. Оканчивавшие эти школы горцы нередко становились учителями в своих краях. По наличию учебного оборудования и материальной базы горские школы выгодно отличались от духовных училищ, прозябавших в полной нищете.

Для иллюстрации возьмем Владикавказское горское училище. В нем имелась своя библиотека, в которой насчитывалось несколько сот томов разнообразной литературы — учебной и художественной. Отдельная библиотека была и при пансионе училища. В ней свыше 209 томов разной литературы, 1028 учебников, 14 географических карт, глобусы, стереоскоп и другие учебно-наглядные пособия: грифельные доски, счета, географические готвальни, краски и т. п.⁴

Ежегодно, как в библиотеку училища, так и в библиотеку при пансионе выписывалось значительное количество различных периодических изданий⁵. Все это позволяло организовать учебный процесс значительно лучше.

Учебный курс Владикавказской горской школы состоял из следующих дисциплин: русский язык и грамматика, краткая география всеобщая и русская, краткий очерк всеобщей и русской истории, арифметика и понятия об алгебре, начальные понятия о геометрии, чистописание и рисование, осетинский язык — для учащихся осетин.

Эти дисциплины (за исключением осетинского языка) составляли общий курс для всех горских школ. Из перечня изучаемых дисциплин ясно видно, что учащиеся горских школ получали довольно полный объем начальных знаний, хотя, разумеется, и здесь обучение не было свободно от недостатков, и пороков, присущих вообще царской школе.

Преподавательский состав горских школ отличался довольно высоким уровнем подготовки, а также значительным опытом педагогической работы. Так, из семи учителей Владикавказского горского училища трое имели полное университетское образование, двое окончили полный курс гимназии. Учительский состав других горских школ Терской области также отличался высоким образовательным уровнем.

Допуская некоторое расширение школьного дела среди горских народов Северного Кавказа во второй половине XIX в., царизм, разумеется, преследовал прежде всего свои классовые цели. Он рассматривал школу как орудие русификаторской, колонизаторской политики, как средство духовного закабаления горцев, воспитания их в духе полной покорности престолу. Ис-

⁴ Материалы по истории осетинского народа, т. 5. Орджоникидзе, 1942, с. 105.

⁵ ЦГА СО АССР, 1863—64 гг., ф. 123/28, д. 23.

ходя из этих корыстных целей, царизм насаждал среди горского населения такие типы школ, просветительная роль которых сводилась бы к минимуму.

Царизм умышленно ставил школу в такие рамки, чтобы всячески преграждать народу путь к образованию, а школу предохранить от проникновения влияния передовых общественно-политических идей. Но во второй половине XIX в., когда развитие буржуазного производства предъявляло все возрастающий спрос на грамотных работников, когда в стране разворачивалось революционно-демократическое движение, удержать школу в предписываемых ей рамках царизму оказалось не под силу.

Так или иначе, школа среди горского населения служила не только и даже не столько русификаторским и колонизаторским целям царизма, сколько просвещению горцев, приобщению их к передовой русской культуре. В том, что школа объективно служила интересам общественного и культурного прогресса горских народов, огромная роль принадлежит русской интеллигенции, передовому учительству и другим деятелям, работавшим на поприще просвещения и науки. Следует сказать о том, что дореволюционная интеллигенция, в том числе деятели народного образования, не представляли собой однородную массу как по своему социальному составу, так и по своим идейно-политическим взглядам.

В. И. Ленин делил дореволюционную интеллигенцию на две основные прослойки: это, по выражению В. И. Ленина «верхи» интеллигенции — выходцы, главным образом, из среды крупной буржуазии и крупных помещиков, занимавшие высокое общественное положение. Интересы народных масс им были чужды.

Другую прослойку составляла масса демократической интеллигенции, вышедшей из среды горской и сельской мелкой буржуазии.

Подчеркивая двойственность буржуазной интеллигенции, В. И. Ленин в то же время постоянно указывал на «всю непримиримость самодержавия с интересами общественного развития, с интересами интеллигенции вообще, с интересами всякого настоящего общественного дела»⁶.

Естественно, каждым из этих лагерей и прослоек интеллигенции роль школы рассматривалась с точки зрения своих классовых интересов. Но при этом, во всех слоях дореволюционной русской интеллигенции было немало людей, движимых бескорыстным стремлением развивать просвещение, искренне видящих в этом путь общественного и культурного прогресса, путь облегчения тяжелого положения широких народных масс в условиях самодержавного строя.

Многие из них, попав на Кавказ по долгу службы (военной

⁶ Ленин В. И. ПСС, т. 5, с. 333.

или гражданской) и познакомившись с горцами, проникались к ним чувством симпатии и уважения.

Забота о судьбах горского населения навсегда становилась основной целью их общественной или научной деятельности. Лучшие представители русской интеллигенции ясно видели, что наряду с тяжелыми условиями экономической жизни под эксплуататорским и колониальным гнетом, огромным злом, обрекавшим горцев на физическое и духовное вырождение, является их темнота, невежество и безграмотность.

Не имея других средств и возможностей для улучшения положения жизни горского населения, они брались за борьбу против этого зла путем распространения грамотности, элементов образования и культуры. Многие передовые представители русской интеллигенции, независимо от своей основной профессии, становились организаторами первых русских светских школ среди горского населения и учителями в них.

Так, например, в Дагестане военный врач И. С. Костемеровский в 1857 году открыл в селении Нижний Дженгутай при Дагестанском конном иррегулярном полке школу начальной грамоты, где обучались всадники полка — горцы и их дети. Обучались они русскому языку, арифметике, пению, изучали основы истории и географии. Учителями в школе были сам Костемеровский и его полковой аптекарь. Наряду с врачебной, началась долголетняя самоотверженная учительская и просветительская работа И. С. Костемеровского в развитии грамотности и культуры горского населения Дагестана.

О том, какое значение придавал И. С. Костемеровский распространению русской грамоты среди горцев, говорится в его статье «Опыт распространения русской грамотности среди аварцев», опубликованной в 1858 г. в газете «Кавказ». В ней Костемеровский писал: о существовании полка из аварцев широко известно, «а что существует при этом полку школа для малолетних детей и братьев всадников и самих всадников полка, об этом, кроме начальства, едва ли кто еще знает. Тем не менее школа существует и подготавливает в тиши средства к усвоению цивилизации русской»⁷.

Значителен вклад И. С. Костемеровского и в изучение исторического прошлого народов Дагестана, их культуры и экономики. Очевидно, нет ни одной местности в Дагестане, которую бы он не исследовал и не описал. Многочисленны его статьи по географии, этнографии и статистике, горного края. Работы эти вызывали большой интерес не только у широкого круга читателей, но и у ученых. Так, известный кавказовед академик Адольф Петрович Берже, высоко оценив статью И. С. Костемеровского «Салаватия», опубликованную в газ. «Кавказ», в 1858 г. пожелал ее автору «полного успеха при дальнейшем описании им

⁷ «Кавказ», 1858, № 40.

отдельных обществ внутреннего Дагестана, твердо убежденный, что, если он раскрыл нам дверь в эту неведомую страну, то он же поведет нас и вглубь ее и объяснит нам многое, что до сих пор для нас остается неразрешенным и загадочным»⁸.

Иван Семенович Костемеровский был истинным просветителем. Живя на благо окружавшего его общества, оказывая горцам повседневную медицинскую помощь, сам жил очень скромно. «На склоне лет у него уже был капитал — около тридцати тысяч. Умирая, он завещал эти деньги на народное просвещение, для благотворных целей. Не только своими трудами, но и сбережениями, которые он скапливал, лишая себя многого, он служил благородной цели — просвещению населения далекого окраинного уголка России»⁹.

Подобные энтузиасты на ниве народного просвещения горцев из числа русской интеллигенции работали и в других национальных районах Северного Кавказа. Так, в светских школах Карачаево-Черкесии, Кабарды, Чечни и Ингушетии первыми учителями также были русские. Они были не просто учителями, организаторами школьного дела, но и занимались широкой просветительской работой — разрабатывали грамматики, алфавиты, словари местных языков, изучали историю и культуру горских народов. Например, известный русский ученый-лингвист, исследователь языков горских народов Петр Карлович Услар явился инициатором создания письменности на родных языках горцев Дагестана и организации начальных школ на этих языках. В этом П. К. Услар видел путь приобщения горского населения к русской культуре. «Обучение родной грамоте, — говорил он, — наилучшее подготовительное пособие к изучению русской грамоты»¹⁰. Чтобы осуществить эту задачу, П. К. Услар сам взялся за изучение местных языков. В первую очередь он приступил к работе над грамматикой аварского языка, которую завершил в 1864 году. Это был капитальный труд в 700 страниц. Создавая эту работу, ученый понимал, что аварский язык является общеупотребительным при внешних сношениях населения всего нагорного Дагестана. Как только была закончена работа по аварскому языку, П. К. Услар, принялся за изучение совершенно неисследованного казикумукского (лакского) языка. Обширный труд по этому языку Услар закончил через год. Следующие два года (1866—1867) ученый посвятил исследованию даргинского языка, создав первый научный труд по нему. А в 1871 году ученый завершил работу по кюринскому (лезгинскому) языку. Этот огромный труд в 850 страниц явился также первым в лингвистике научным трудом по доселе не

⁸ Трунов Д. Свет из России. Махачкала, 1956, с. 53.

⁹ Трунов Д. Указ. соч., с. 54.

¹⁰ Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание. — Сборник сведений о кавказских горцах, вып. III. Тифлис, 1887, с. 24.

изученному языку. Последние годы своей жизни П. К. Услар посвятил наиболее трудному в Дагестане языку — табасаранскому¹¹. Наряду с фундаментальными трудами по перечисленным дагестанским языкам он создал азбуки, алфавиты, буквари и другие пособия на этих языках, положив в основу русскую графику. «Но чтобы распространить новую азбуку, нужно было заинтересовать ею горцев, показать ее преимущество перед арабским алфавитом, занимавшим здесь господствующее положение. Местное население следовало также убедить в научной и практической несостоятельности религиозных школ, где обучение велось на арабском языке»¹². Взявшись за эту нелегкую работу, П. К. Услар при ближайшем участии помощников в 1865—1867 гг. открывает в Хунзахе, Казикумухе и Гунибе новые школы. Его ученики из горцев стали первыми учителями в открывшихся школах.

Так, благодаря усилиям П. К. Услара горцы Дагестана, которые не знали никакой другой школы, кроме конфессиональной (примечетской религиозной), метко названной Усларом «гнездилищем мрачного изуверства», теперь познакомились со светкой школой. Школы, открытые по инициативе этого замечательного русского ученого и педагога, сразу же завоевали симпатии горцев вопреки сопротивлению и агитации влиятельного в то время магометанского духовенства. Знакомство дагестанских горцев со светским типом школы имело огромное значение. Горцы увидели коренную разницу между конфессиональной (мусульманской) и светской школой. Это помогло им сделать выбор в пользу светской школы. Горцы Дагестана стали проявлять все большую и большую тягу к ней, постепенно осознавая всю вредность и непригодность конфессиональной школы. Наряду с колоссальной работой по исследованию дагестанских языков и созданию алфавитов и других пособий на этих языках для обучения в светских школах, П. К. Услар выступает в печати против реакционных идей мусульманских теологов, мракобесия, распространяемого в стенах мусульманских религиозных идей, и предлагает свой план обучения подрастающего поколения горцев. В статьях «О распространении грамотности между «горцами», «Предложение об устройстве горских школ» и «О составлении азбук кавказских языков». П. К. Услар изложил планы устройства светских школ для горцев и свои педагогические взгляды. По его мнению, эти школы должны были быть общеобразовательные, элементарные. «Всякому специальному образованию должно предшествовать общее». Элементарное же воспитание, по Услару, должно заключаться, «во-первых, в обучении чтению и письму; во-вторых, в пробуж-

¹¹ Трунов Д. Указ. соч., с. 136—140; Каймаразов Г. Ш. Указ. соч., с. 113—119.

¹² Каймаразов Г. Ш. Указ. соч., с. 113.

дении умственных способностей учащегося, в приучении его к самостоятельной умственной деятельности: дело не в том, чтобы учащийся чему-либо научился на всю жизнь свою, а чтобы, так сказать, выучился он учиться». В светских, общеобразовательных школах Услар предлагал обучать горцев чтению, письму и арифметике. Изучение же классических языков (латинского и греческого) в горских школах, по его мнению, могло быть заменено изучением русского языка. «Русский язык, сближение с русской жизнью,— подчеркивал П. К. Услар,— бесконечно важны для будущности Кавказа»¹⁴. Одновременно с исследованиями горских языков и созданием азбук и других учебных пособий для горских школ П. К. Услар занимался изучением истории, вел большую и плодотворную работу по сбору и систематизации фольклорного материала, опубликовал содержательные труды «Древнейшие сказания о Кавказе», «Кое-что о словесных произведениях горцев» и т. д. Краткий обзор деятельности русского ученого П. К. Услара убеждает нас в том, что он был не только выдающимся просветителем горцев, но и горячим пропагандистом древней и самобытной культуры горских народов. Плодотворна была и многолетняя просветительская деятельность Е. И. Коубского — преподавателя, истории и географии Темирханшуринского реального училища. Помимо преподавательской Е. И. Козубский вел большую научную работу, посвященную исследованию многих сторон истории, культуры и экономики Дагестана. Среди его трудов следует отметить такие, как «Очерк истории города Темирхан-Шуры», «История города Дербента», «История Дагестанского конного полка», «Дагестанский сборник» и работы по истории Темирханшуринского реального училища. Козубский являлся также автором ежегодных (с 1892 г.) «Обзоров Дагестанской области» и «Памятной книжки — адрес-календаря области», содержащих справочный материал о Дагестане¹⁵. Значительную роль в просвещении горцев Кавказа сыграл Л. Г. Лопатинский. Он был инициатором издания «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа» (СМОМПК), занявшего исключительно важное место в организации научных исследований и популяризации истории и культуры различных народов Кавказа. Помимо того, что им лично отредактировано 25 выпусков этого «Сборника», он написал и опубликовал большое количество работ, посвященных кавказским языкам. С его именем связана успешная попытка создания письменности кабардинского языка на русской графической основе. В 1891 г. в Тифлисе вышли в свет его «Краткая кабардинская грамматика» и «Русско-кабардинский словарь». Л. Г. Лопатинский был горячим сторонником введения родного языка в кабардинских и балкарских школах.

¹⁴ История Дагестана, т. II, М., 1968, с. 356—357.

¹⁵ История Дагестана, т. II, с. 335—336.

Надо отметить такие его работы, как «Заметка об айсорском языке», «Заметки об еврейско-арамейском языке», «Заметки о курдском языке», «Заметка о кяхском наречии адыгского языка», «Кое-что о кумыках и об их языке», «Суффиксы русского языка. Влияние кавказских языков на их образование». Л. Г. Лопатинского с полным правом можно назвать основоположником кабардинской фольклористики. Занимаясь исследованием кабардинского фольклора, Лопатинский собирал образцы кабардинского устного народного творчества, значительную часть которых он опубликовал. Это такие труды, как: «Адемирхан, Кабардинское сказание», «Заметки о народе адыге вообще и кабардинцах в частности», «Кабардинские тексты», «Кабардинские предания, сказания и сказки» и др.

В Кубанскую область, куда территориально входили некоторые горские народы (карачаевцы, черкесы, осетины и ногайцы), по рекомендации великого русского педагога К. Д. Ушинского в 1870 г. был направлен для педагогической работы его ближайшим помощником и ученик Д. Д. Семенов. Дмитрий Дмитриевич Семенов в том же году был назначен директором Кубанской учительской семинарии, где учились и дети горцев. С самого начала Семенов стал вводить в семинарии лучшие образцы преподавания русской народной школы. Семенов привлек для работы в семинарии опытных учителей. Сам он преподавал географию и педагогику, руководил практическими занятиями семинаристов. Большое внимание в семинарии уделялось физическому, эстетическому и трудовому воспитанию будущих учителей. Семинаристы приобретали здесь и навыки садоводства, учились столярному и переплетному делу.

По инициативе Семенова при семинарии были организованы женские педагогические курсы, где преподаватели семинарии работали бесплатно. Педагогическое мастерство преподавателей, гуманное отношение к учащимся, разумная организация режима в семинарии — все это способствовало воспитанию семинаристов в духе любви к избранному ими поприщу.

В период пребывания на должности директора Кубанской семинарии Д. Д. Семенов руководил работой пяти съездов учителей Кубани, а также учительским съездом в Ростове-на-Дону. На эти съезды наряду с другими приглашались преподаватели горских школ. Для оказания помощи учителям он предпринял попытку издавать при семинарии ежегодный педагогический журнал¹⁶. «Активная общественно-педагогическая деятельность Семенова сделала Кубанскую семинарию в 70-х годах настоящим педагогическим центром Северного Кавказа. За короткое время семинария приобрела широкую известность: Кубанская и Терская области, Ставропольская губерния, земства южных

¹⁶ Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. (Вторая половина XIX в.). М., «Педагогика», 1976, с. 333.

губерний России и даже Харькова содержали в ней своих стипендиатов и просили присылать для работы воспитанников Кубанской семинарии.

Прогрессивная общественно-педагогическая деятельность Семенова и его коллег вызвала серьезное недовольство реакционных кругов, обвинявших Семенова в принадлежности к «вредному направлению», в «антигосударственном образе мыслей». Чиновники из Терской области сообщали, что многие воспитанники Кубанской семинарии не вполне благонадежны в религиозном и нравственном отношении»¹⁷.

Из среды русской интеллигенции, работавшей на Кавказе во второй половине XIX в. выделяется фигура Я. М. Неверова. Он принадлежал к числу тех деятелей, которые, несмотря на свое высокое общественное положение, твердо стояли на передовых, прогрессивных позициях в деле развития просвещения и культуры среди народов Кавказа.

Я. М. Неверов разделял идеалы лучших представителей передовой русской интеллигенции 30—40-х годов XIX в., горячо мечтавших о ликвидации крепостнических порядков, демократическом переустройстве общественной жизни страны и развитии просвещения в народе. На этой почве Я. М. Неверов стал навсегда ближайшим единомышленником и другом Н. В. Станкевича, Грановского. «Наш тройственный союз: Станкевич, Грановский и я», — писал впоследствии Я. М. Неверов¹⁸.

Тогда же, в юношеские годы, он дал «торжественное обещание, — все силы и всю деятельность посвятить высшей цели» — распространению в России просвещения. И он сдержал свое слово, став видным педагогом дореформенной и последующей эпохи»¹⁹.

Я. М. Неверов был человеком незаурядных способностей, всесторонне развитым и широко образованным. Он обладал такими замечательными качествами, как твердость характера и целеустремленность, последовательность, и упорство в достижении цели, был трезвым в суждениях, практичным, оперативным в делах. Но это не мешало ему быть мягким и сердечным в отношениях с людьми, «что особенно проявилось, замечает его биограф, — в его заботах об учащейся молодежи»²⁰.

Неверов пришел на поприще просвещения на Кавказе вполне сформировавшимся деятелем, обладавшим большими педагогическими знаниями и опытом. Это сказалось самым плодотворным образом на жизни Ставропольской гимназии, которую он возглавил в 1850 г. Оставаясь на должности директора в те-

¹⁷ Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. с. 333.

¹⁸ Бродский Н. Л. Неверов и его автобиография. — «Вестник воспитания», 1915, № 6, с. 129.

¹⁹ Бродский Н. Л. Указ. соч., с. 75.

²⁰ Бродский Н. Л. Указ. соч., с. 75.

чение 11 лет, Неверов полностью перестроил работу гимназии. Он не боялся новшеств, смело боролся против рутины, устаревших методов, выступал против наказаний, задевавших самолюбие учащихся.

Это не раз навлекало на него недовольство властей. Однажды Ставропольский губернатор обвинил его в отсутствии должной дисциплины в гимназии, а в доносе на него вышестоящим административным властям написал, что в гимназии обучение имеет «вредное направление». Но несмотря на эти препятствия, Я. М. Неверову удалось создать в гимназии подлинно творческую обстановку.

В своей педагогической практике Неверов руководствовался принципами прогрессивной педагогической мысли, он делал упор на сознательность учащихся в освоении учебного материала, на развитие у учащихся способности к размышлению, требовал от преподавателей гуманного отношения к ним. «Просветитель-демократ Неверов был последовательным сторонником распространения просвещения среди народов Кавказа и делал все возможное для того, чтобы и высшее образование в российских университетах сделать доступным для молодых горцев»²¹. Этой цели Неверов посвятил проводившиеся по его инициативе конкурсы на лучшие литературные сочинения на русском языке. Учащиеся-горцы проявили к ним живой интерес, а сами сочинения позволили раскрыть их таланты. Традиция эта утвердилась в гимназии, и уже через непродолжительное время она дала плодотворные результаты. Один из лучших преподавателей гимназии, единомышленник и соратник Я. М. Неверова Федор Викторович Юхотников²², под чьим руководством проводились конкурсы, в 1858 г. писал, что «из 20 горцев, учеников этой гимназии, большинство не только начало соперничать с русскими, но и заметно выдаваться вперед. На горцев посылались награды и поощрения». В статье сообщалось далее, что в 1859 г. в Ставропольской гимназии был устроен конкурс сочинений по словесности, причем из 36 сочинений, представленных воспитанниками VI и VII классов, пять сочинений принадлежало ученикам-горцам. Первую награду на этом конкурсе получил абазин Адиль-Гирей Кешев за сочинение «О сатирическом направлении литературы при Петре, Екатерине и в настоящее время», вторая награда была присуждена воспитаннику-осетину Иналуко Тхостову за сочинение «Кавказ по Пушки-

²¹ Шацкий П. А., Муравьев В. Н. Ставрополь. Исторический очерк. Ставрополь, 1977, с. 59.

²² Юхотников Ф. В. окончил Московский университет, был одним из самых любимых учеников Грановского, по рекомендации которого в 1855 г. определился в Ставропольскую гимназию преподавателем русской гимназии.

ну, Лермонтову и Марлинскому»²³. Ф. В. Юхотников, характеризуя конкурсные сочинения своих воспитанников, приводит отдельные выдержки из сочинения И. Тхостова. «Статья Юхотникова вызвала любопытные последствия. На нее откликнулись «Отечественные записки» (1859, № 2); в заметке «Распространение средств к образованию инородцев», было дано обширное извлечение из статьи Юхотникова с рассказом о конкурсе и воспроизведением цитат из сочинения Тхостова. Признавая успехи горцев — учеников Ставропольской гимназии весьма утешительными», автор заметки, однако, скептически оговорился: «если в пазванских сочинениях не участвовала ничья посторонняя рука». Этот выпад «Отечественных записок» вызвал реплику тогдашнего директора Ставропольской гимназии Я. М. Неверова, напечатавшего по этому поводу статью: «Еще о образовании кавказских горцев» («Кавказ», 1859, № 39). Неверов удостоверил подлинность сочинения Тхостова и со своей стороны свидетельствовал об особой успеваемости учеников — горцев, их одаренности, способностях и усердии в науках»²⁴.

Помимо ежегодно проводившихся среди учащихся конкурсов на лучшие литературные сочинения в гимназии постоянно проводились вечера художественный самодеятельности, организовывались экскурсии, походы и т. д.

Прогрессивная система обучения и воспитания, разработанная Неверовым и внедренная им в Ставропольской гимназии, способствовала формированию основ демократического мировоззрения и общественно-политических взглядов учащейся молодежи.

Архивные и другие материалы убедительно свидетельствуют о том, что Неверов на протяжении всей своей деятельности на поприще просвещения проявлял исключительную заботу о горской учащейся молодежи. О ней он заботился и после Ставропольской гимназии, когда в 1864 г. стал попечителем Кавказского учебного округа, не забывал о ней и тогда, когда возглавлял Лазаревский институт восточных языков (в Москве). Все это ему снискало любовь и признательность подрастающей горской интеллигенции, что в полной мере высказано в стихотворении основоположника осетинской литературы К. Л. Хетагурова «Памяти Я. М. Неверова»:

«Я знал его... Я помню эти годы,
Когда он жил для родины моей,
Когда и труд, и силы, и заботы,
Всего себя он отдавал лишь ей.

²³ «Кавказ», 1858, № 100.

²⁴ Косвен М. О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке.— Кавказский этнографический сборник, вып. 1, М., 1955, с. 370.

Я не забыл, как светочем познания
Он управлял могучею рукой,
Когда с пути вражды и испытанья
Он нас повел дорогою иной.

Мы шли за ним доверчиво и смело,
Забыв вражду исконную и месть,—
Он нас учил ценить иное дело
И понимать иначе долг и честь...

Он нас любил, и к родине суровой
Он завещал иную нам любовь,—
Отважный пыл к борьбе направил новой
И изменил девиз наш— «кровь за кровь».

Он нам внушил для истинной свободы
Не дорожить привольем дикарсьи...
Я знал его... Я помню эти годы,
Когда он жил для родины моей²⁵.

И действительно, до конца жизни Я. М. Неверов оставался гуманистом, выдающимся педагогом. Поэтому не случайно, что везде, где бы он не работал, вокруг него группировались люди, придерживающиеся передовых педагогических взглядов и сыгравшие немаловажную роль в деле просвещения горцев, в организации учебного дела на Кавказе. В числе таких деятелей следует назвать Захарова — первого директора возникшего по инициативе Неверова учительского института (в Тифлисе), ставшего главным научно-методическим центром по народному образованию в крае. Продолжали традиции Неверова директор народных училищ Терской области Зайцев и сменивший его на этом посту Грушевский.

Для характеристики педагогических взглядов Зайцева весьма показательно его предписание учителям горских окружных школ, в котором он писал: «Нужно освободить каждую науку от всего затемняющего ее, от схоластики и от утопического умозрения... Главная цель нашего обучения состоит в том, чтобы дать воспитаннику прочное основание в науке, с которым впоследствии, при любви к труду он мог бы учить сам себя и идти далее без помощи посторонней, для чего надобно приучить к работе самостоятельной, вселять в него любовь к труду и уважение к науке, а самое учение сделать простым, живым, заманчивым, а не запутанным и схоластическим»²⁶.

Большим организатором школьно-учебного дела являлся С. Ф. Грушевский — директор народных училищ Терской области, работавший до этого на ниве народного просвещения в ряде других областей Кавказа. Его талант педагога и незаурядная энергия в организации учебного дела особенно раскры-

²⁵ Хетагуров К. Собрание сочинений в трех томах, т. II. М., Изд. АН СССР, 1951, с. 38.

²⁶ ЦГА СО АССР, 1863—1869, гг., ф. 132, д. 79, л. 31.

лись, когда он возглавил Терскую дирекцию народных училищ.

Его педагогические взгляды и принципы по проблемам обучения и воспитания подрастающего поколения, а также его конкретная практическая деятельность были основаны на лучших традициях русской демократической педагогики и научной мысли. Об этом говорит его взгляд на народную школу, которая по его мнению, должна была стать подлинной основой обучения и просвещения широких народных масс. «В самом деле,— писал Грушевский,— народная школа потому между прочим и названа народной, что обязана учить и просвещать народ, обязана учить не только детей от 7 до 14-ти летнего возраста, но и взрослых, не только учить молодых, но и стариков, если таковые пожелали бы учиться, учить не только мужчин, но и женщин, не только в будни, но и в праздники, не только днем, но и в вечерние часы, свободные от занятий для большинства сельских парней осенью и зимою, обязаны учить не только в форме обыкновенного учения грамоте, но и в форме сообщения желаемым полезным знаниям посредством чтения книг, издаваемых для народа Министерством народного просвещения. Народная школа должна проводить в народную среду лучи света, освещающие и согревающие всех сознавших потребность духовного света и тепла и ищущих их. Действуя в этом только духе, народная школа и учащиеся в ней будут соответствовать своему главному назначению—учить, наставлять всех ищущих доброго учения и наставления, всех ищущих света, тепла и добра. Только при выполнении этого прямого своего долга, школы будут более и более приближаться к своему идеалу, будут все более и более завоевывать себе у народа подобающее доверие, уважение, сочувствие, будут все менее испытывать безучастность и бедность, гнетущие теперь у нас и нашу народную школу, и трудящихся в ней»²⁷.

С. Ф. Грушевский вовсе не был абстрактным теоретиком и кабинетным школьным методистом, он претворял на практике свои принципы и идеалы. Будучи директором народных училищ Терской области, Грушевский повел решительную и мужественную борьбу против реакции, царившей в просвещении на Тереке в 80—90-х годах XIX в.

Реакция здесь наступила несколько позднее, чем во внутренних губерниях Российской империи. Проявлением этого были, в частности, новые полицейские гонения на просвещение в конце 80-х — начале 90-х годов. Усиление этих гонений связано с именем одного из реакционнейших чиновников царизма на Кавказе генерал-лейтенанта Каханова. С приходом на должность

²⁷ Грушевский С. Ф. О воскресных и вечерних школах для взрослых. (Для учителей начальных училищ, а также для учреждений и лиц, заинтересованных делом начального народного образования). Киев, 1876, с. 12.

начальника Терской области этого царского обскуранта над всей общественно-политической и культурной жизнью области воцарился тяжелый военно-полицейский режим, названный тогда же «кахановщиной». Период начальствования Каханова был периодом полного произвола колониальных властей над трудowymi массами Терской области. Полицейские гонения и репрессии, административные высылки получили широкий размах на обширной территории Терской области. Каханов жестоко управлялся со всеми теми, кто осмеливался противостоять произволу царских чиновников, с теми, на кого падала хоть малейшая тень неблагонадежности и нелояльности к его дикому режиму. Однако ни в чем другом так не отличился этот тупой исполнитель воли царизма, как в гонениях на интеллигенцию, в борьбе с народным просвещением, ни с чем он не вел такую яростную борьбу, как со школами.

Грубо вмешавшись в деятельность Терской учебной администрации и учебных заведений области, он делал все, чтобы повернуть дела народного просвещения на свой военно-полицейский лад. Каханов начал с того, что отстранил смотрителей горских школ (нальчикской, грозненской, назрановской) от руководства педагогическими советами, поручив председательствование в них начальникам округов (в военных чинах) и атаманам отделов. Вполне понятно, что начальники округов и атаманы отделов, став председателями педагогических советов горских школ, стали их фактическими распорядителями. Каханов бесцеремонно отменял все директивы и распоряжения Терской дирекции народных училищ, касавшиеся горских школ. Он вмешивался в дела школ вплоть до таких вопросов, как перевод учащихся из класса в класс, выдача аттестатов оканчивающим школы и т. д. Каханов назначал ревизии школ без ведома и согласия дирекции народных училищ. Не считались с дирекцией также начальники округов и атаманы отделов, которые по своему усмотрению, в нарушение установленных порядков, давали распоряжения о прекращении занятий, о перенесении или продлении каникул, изменяли сроки и время начала занятий и т. п.

Каханов предпринял и ряд других мер, имевших целью сковать деятельность Терской учебной администрации, низвести ее компетенцию в школьном деле до минимума, подчинить все ее действия своему собственному произволу. Дело дошло до того, что генерал Каханов издал распоряжение (1892 г.), которое запрещало дирекции народных училищ и ее инспекторам назначать или перемещать из школы в школу учителей без его ведома. Этим распоряжением Каханова был резко нарушен порядок укомплектования школ учителями. В результате значительная часть школ в течение продолжительного времени оставалась без учителей, вследствие чего школы не могли функционировать нормально.

С особенным нетерпением относился Каханов к школам, предназначенным для горского населения.

С. Ф. Грушевский как директор народных училищ области глубоко возмущался действиями Каханова и его подчиненных и решительно отстаивал дело народного просвещения. Чтобы не допустить развала того положительного, что было уже достигнуто в школьном образовании, спасти женское образование от жестоких ударов Каханова и его чиновничьего аппарата и дальше вести прогрессивное развитие народного просвещения, Грушевский вступил в смелую, но опасную многолетнюю схватку с жестоким царским администратором-генералом. Он горячо заступался за учителей, которые защищали правое дело, смело вступал в борьбу за каждую школу. Он решительно поддерживал любые новые, прогрессивные шаги в организации школьного и внешкольного образования, всячески способствовал просвещению горцев в любых рациональных формах.

С приходом Грушевского на должность директора народных училищ области произошли значительные положительные сдвиги в школьном деле и народном просвещении горцев Северного Кавказа. Он организовывал учительские съезды и курсы, которые стали хорошей школой повышения педагогического и методического мастерства учителей. Он также был инициатором организации во Владикавказе учительских вечеров. Грушевский активно поддерживал научные и благотворительные общества, способствовавшие просвещению народных масс, особенно горцев Северного Кавказа.

Сильна была духом и огромна по численности армия представителей передовой русской интеллигенции, вступивших в различных уголках обширного горного края на благородное поприще народного просвещения. В учебных заведениях Владикавказа, Темирхан-Шуры, Нальчика, других городов и аулов Северного Кавказа работало немало талантливых, прогрессивно настроенных русских учителей. В их числе А. Я. Дынник, А. М. Кудрявцев, В. Г. Шредерс, В. С. Станкевич, В. Г. Варлыгин, Л. И. Воробьева, В. Витковский, Серебрякова, Колубейко, Кизер, Л. Гриневич, Н. Ф. Шеракова, Д. Т. Поликарпова, А. С. Петрова, М. Ф. Плющ и многие другие, сыгравшие большую роль в просвещении горцев.

В противоположность буржуазно-монархической части учительства, являвшейся верным проводником реакционной политики царизма в области просвещения, передовые учителя в своей работе руководствовались идеями революционно-демократической педагогики. Они боролись против схоластицизма, формализма в обучении, метода зубрежки. В повседневной практической работе они стремились сделать обучение конкретным, содержательным и живым, удовлетворяющим пылкую любознательность учащихся.

Передовых русских учителей отличали гуманность, отсут-

ствие националистических предрассудков. Они относились к учащимся-горцам с большой чуткостью и вниманием, проявляли к ним искреннее уважение. Это воспитывало учащихся различных национальностей в духе дружбы и взаимопонимания. Лучшие учителя упорно работали над воспитанием и обучением горцев, над тем, чтобы привить им любовь к труду, направить их на путь овладения богатствами передовой русской культуры.

Благодаря усилиям передовых русских педагогов, работавших в учебных заведениях городов Владикавказа, Нальчика, Грозного, Дербента, Темирхан-Шуры и др. Многие способные юноши из горцев, получив хорошее образование, сами становились на путь учительской деятельности среди своих народов или шли на другие общественно-полезные поприща. Горцы всегда с большой благодарностью отзывались о своих русских учителях. А. Хетагуров, двоюродный брат К. Хетагурова, учившийся в начале 70-х годов вместе с ним во Владикавказской гимназии, писал впоследствии о своих учителях: «С чувством глубокой благодарности вспоминаю учителя приготовительного класса, учителя математики в первом классе, учителя географии Пфаффа, писавшего об Осетии и осетинах»²⁸.

Деятельность передового русского учительства не ограничивалась только чисто учебной работой. Важным условием развития народного просвещения было наличие письменности у горских народов. Поэтому наряду с учеными — Усларом, Шегренем, Миллером, Дирром многие из учителей (Лопатинский, Кириченко и др.) совместно с представителями самих горских народов упорно работали над созданием азбуки, грамматики, словарей и прочих элементов письменности.

Многие из учителей вели научно-краеведческую работу, изучали географию края, историю, этнографию, устное народное творчество горских народов. Материал, собранный ими, не потерял своего значения и по настоящее время. С частью собранного материала они выступали в печати, пробуждая этим у самих горцев живой интерес к изучению своего края и вовлекая их в эту работу.

Важной стороной просветительской деятельности учительства было его ведущее участие, совместно с представителями горской интеллигенции, в организации и работе различных культурно-просветительных, благотворительных и научных обществ. Наиболее крупными из этих обществ были: «Общество по распространению образования и технических знаний среди горцев Терской области», «Общество просвещения туземцев-мусульман Дагестанской области», «Общество распространения образования среди кабардинцев и горцев Нальчинского округа».

Не только распространение научных знаний среди горского

²⁸ Корзун В. П. Жизнь и творчество Коста Хетагурова. М., 1951, с. 98.

населения, но и само развитие науки здесь также было связано с активной деятельностью представителей передовой русской науки и культуры.

Русские ученые проводили изучение природных ресурсов Северного Кавказа и перспектив их использования. Эти исследования русских ученых послужили основой для развертывания в дальнейшем промышленного освоения природных богатств края.

Капитальные исследования были проведены также в научном описании флоры и фауны горных областей Кавказа. Наиболее значительные исследования русскими учеными были осуществлены в области этнографии, археологии и истории народов Северного Кавказа.

Без капитальных трудов выдающихся русских ученых В. Ф. Миллера, М. М. Ковалевского, Н. Ф. Дубровина, Д. Н. Анучина, А. А. Дьячкова-Тарасова, Д. Лаврова, В. Б. Пфаффа, Н. Н. Харузина, П. С. Уваровой, П. К. Услара, А. П. Берже и других современная наука не могла бы успешно вести исследования в различных областях.

Велико значение просветительской деятельности передовой русской интеллигенции среди горского населения. Она приобщала горцев к богатой русской культуре, знакомила их с передовой общественной мыслью, революционной идеологией, способствовала созданию основ для совместной революционной борьбы русского и горских народов, для их прочной дружбы.

Тотоев Ф. В.

РАЗВИТИЕ ДОМАШНИХ ПРОМЫСЛОВ И РЕМЕСЛА В СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII— ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

В означенное время обрабатывающая промышленность Северной Осетии была представлена домашней промышленностью и ремеслами. При этом, как это имело место в раннефеодальных и формирующихся классовых обществах, ремесла оставались во многом в неразвитом состоянии. Составляя исконную принадлежность хозяйственных занятий осетин-крестьян в горах, ремесла и домашняя промышленность в несколько видоизмененных формах продолжали развиваться и в хозяйстве осетин-тружеников, переселявшихся на равнину.

Из истории изучения вопроса характерны такие наблюдения. Грузинский историк XVIII в. Вахушти Багратиони кратко описал домашние промыслы и ремесла в горной части Северной Осетии в середине XVIII века, охватив некоторые из их

основных видов¹. Его наблюдения имеют источниковое значение. А. Гакстгаузен, писавший о Кавказе по материалам путешествия 1843 года, полагал, что осетины «занимаются земледелием, а не ремеслами и торговлей»². Эта небесспорная оценка не может быть распространена на северных осетин, т. к. автор опирался преимущественно на югоосетинский материал.

Анонимный рецензент книги Григория Гагарина (рисунки) и Эрнеста Штакельберга (текст) — «Нравы, различные сцены, виды и одежды на Кавказе» повторял худшие домыслы реакционного официального и дворянско-буржуазного кавказоведения, утверждая, что горцы, включая осетин, «отличаются неодолимой ленью и глубоким презрением к земледельческим и всяким ручным работам, предоставляя их женщинам, рабам и пленникам»³. Характер общественного разделения труда у народов Северного Кавказа был неизмеримо сложнее и уровень производительных сил не позволял свободным общинникам-мужчинам не участвовать в производстве. Тем не менее приведенная ложная совокупность идей была живуча и, например, спустя более полувека некий Альфа (из газеты «Баку»), утверждал, что горцы не знают ремесел и считают позорным знать их». С ним перекликались и такие известные, но неглубокие бытописатели Северного Кавказа, как В. И. Немирович-Данченко и Ю. Казибек⁴.

Исследователи большей наблюдательности и объективности не отрицали занятий осетин ремеслами и многообразными видами домашней промышленности. Так, Н. Берзенов отмечал, что жители равнинной Дигории не чужаются ремесел, но ремесла у них могли быть более развиты⁵. К сожалению, эта группа авторов была малочисленной. Из работ советских авторов интересно исследование Б. С. Кулова, в котором высказана мысль, что у осетин ремесло было представлено тремя главными отраслями — обработкой шерсти, дерева и металла⁶, что правда, основательно занижает развитие строительного ремесла. Пожалуй, поспешно и утверждение о том, что в середине XIX века суконное производство у осетин из домашне-потребительского переросло в мелкотоварное. Автору присуще стремление рассмотреть промыслы осетин во второй половине XIX

¹ Багратиони В. География Грузии. — «Записки Кавказского отделения Русского географического общества», кн. XXIV, вып. 5. Тифлис, 1904.

² Гакстгаузен А. Закавказский край, часть II. Спб., 1857, с. 124.

³ Обычаи и одежды кавказских народов. — «Русский инвалид», 1845, № 231..

⁴ Пресса Кавказа. — «Казбек», 1902, № 1481.

⁵ Берзенов Н. Из записок об Осетии. — «Кавказ», 1852, № 68.

⁶ Кулов Б. С. Основные занятия населения Северной Осетии в XIX и начале XX вв. — «Известия СОНИИ», том. 25, история. Орджоникидзе, с. 309.

века, что предопределило недостаточное внимание с его стороны к описанию ремесел у осетин в первой половине XIX века.

В систематизированном в книге Б. А. Калоева источниковом материале о развитии домашних промыслов и ремесел в дореволюционной Осетии затруднительно выделить сведения, относящиеся ко 2-й половине XVIII—первой половине XIX века. Ценное высказывание автора о том, что в Северной Осетии в XIX в. наибольшего развития достигло суконное производство⁷, дано без оценки развития этого промысла в XVIII веке, нельзя согласиться и с утверждением автора о том, что якобы после монгольского нашествия совершенно исчезли ювелирное и оружейное производство⁸ — картина преемственного развития ремесел у осетин имела несколько иной вид.

В монографии А. Х. Магометова «Культура и быт осетинского народа» внимание автора сосредоточено на описании технологической стороны домашних промыслов и ремесел, отмечена самобытность некоторых видов промыслов, специализированность занятий кузнецов⁹.

Значительное внимание описанию изделий ремесла и домашних промыслов, извлеченных из захоронений в Тагаурии, уделено в книге кандидата исторических наук В. Х. Тменова. Для нас ценны авторские датировки многих изделий XVIII века, а также отдельные суждения по материалам Тагаурии о состоянии домашних промыслов и ремесел во всей Северной Осетии¹⁰.

Незначительная историографическая традиция изучения вопроса не свидетельствует, конечно, о научной малозначительности проблемы, а подводит к мысли о том, что важная сторона хозяйственной деятельности осетинских тружеников изучена недостаточно. Это изучение связано с обращением к ретроспективному методу, с введением в научный оборот полевых материалов, что отражено и в нашей статье.

Острая нехватка пашен, невысокая продуктивность скотоводства (не говоря уже о пчеловодстве и садоводстве), принуждали горцев изыскивать дополнительные источники дохода, и эти потребности преломленные и выраженные через общественное разделение труда, обусловили характер и уровень развития в Северной Осетии домашней промышленности и ремесел. Их продукция обеспечивала все слои населения Осетии одеждой, обувью, предметами повседневного домашнего обихода, производственным инвентарем, холодным и огнестрельным оружием,

⁷ Калоев Б. А. Осетины, (историко-этнографическое исследование), изд. 2, М., «Наука», 1971, с. 96.

⁸ Там же. с. 104.

⁹ Магометов А. Х. Культура и быт осетинского народа. Орджоникидзе, «Ир», 1968, сс. 123—156, 245—302.

¹⁰ Тменов В. Х. «Город мертвых». Орджоникидзе, «Ир», 1979.

доставляя части населения некоторые доходы, позволяя частично покрывать расходы по приобретению зерновых и животноводческих продуктов, соли, изделий русской мануфактуры, доставляемых в Северную Осетию купцами.

В горной Осетии крестьяне занимались домашними промыслами в свободное от сельскохозяйственных работ время, которого у них было в избытке, так как сезон сельскохозяйственных работ в горах обычно проходил с апреля по сентябрь. Да и незначительных размеров хозяйство горца часто не могло занять всех трудоспособных членов семьи даже в этот период. Обстоятельство это играло роль естественной основы для соединения скотоводческих и земледельческих занятий с подсобными сельскими промыслами.

Домашние промыслы и ремесла высоко ценились в сознании народа, который полагал их состоящими под покровительством различных божественных патронов— дзуаров¹¹.

В обрабатывающей промышленности осетин можно выделить четыре главные отрасли: 1) обработка шерсти и кожи, 2) обработка металлов, 3) обработка дерева и 4) строительное дело.

Эти отрасли обрабатывающей промышленности были развиты в Северной Осетии повсеместно, включая горную и равнинную части.

Как известно, отрасли домашней промышленности удовлетворяют основные потребности тех крестьянских семей, которые ими заняты. В районах, где были развиты феодальные отношения, значение отраслей домашней промышленности усложнялось, скрыто обретая некоторые функциональные черты ремесла, так как в феодальную ренту были включены и изделия домашней промышленности осетин.

В крестьянских семьях сызмальства приучали детей овладевать разными видами отраслей хозяйства, которые обеспечивали повседневные нужды семьи; позволяли по достижении определенного возраста вести самостоятельное хозяйство и создавать семью. Крестьянин должен был быть мастером на все руки. В народной песне о Малкаеве Артуте («Малкати Артути зар») воспеты такие способности выходца из народа, как его умение своими силами возвести башню — «гæнах», построить себе дом, в котором он повесит им же изготовленную надочажную цепь, он же сам мастерит себе ружье, нож, котел, стол¹². Соответствие этим требованиям соотносилось с традиционными представлениями о добродетелях мужчины.

Хотя обрабатывающие отрасли хозяйства у осетин в общем

¹¹ Святки в Осетии.— «Терек», 1913, № 4792.

¹² Песня о Малкати Артуте. Со слов Караева Марзабега в с. Лескене записал 17.9.1932 года Цоев Израил.— Архив СОНИИ, фольклор, № 20, папка 70, л. 22.

заметно отставали в своем развитии от добывающих отраслей, это соотношение не исключало высокой степени развития таких видов ремесла и домашней промышленности, в которых осетинские умельцы достигли большого совершенства. Из них хорошо была развита шерстеобрабатывающая промышленность.

Развитию шерстеобрабатывающих промыслов способствовало преобладание в хозяйстве горцев-осетин животноводства, особенно овцеводства. Возрастание в экономике Северной Осетии значения земледелия по мере освоения равнины сопровождалось тенденцией некоторого ослабления занятий шерстеобработкой, но эта тенденция отражалась еще слабо и имела относительный характер.

В Северной Осетии не было ни одного села, где бы не было налажено изготовление предметов из шерсти.

Овцеводство давало крестьянину волну и овчину, изделия из которой (шапка, башлык, ноговицы, носки, чуваки) одевали его с головы до ног. Из овечьей волны делали войлоки, попоны, подушки, тюфяки, наплечные бурки, кафтаны, штаны и др.

Производством сукна, особенно для шитья одежды членам самой производящей семьи, в Северной Осетии занимались во всех селах. Это было делом главным образом женщин. Производство сукон было более распространено, чем бурочное. Об изготовлении сукон осетинами упоминает еще В. Багратиони¹³.

Осетинские суконные изделия и сукна изготавливались в некоторых семьях и специально на продажу, конкурируя с лезгинскими, кабардинским, чеченским и имеретинским сукном и суконными изделиями¹⁴. Осетинки производили грубое толстое сукно, из которого шили верхнюю одежду — разновидность черкески — «тцука»¹⁵. В данном виде сукна осетины, очевидно, ощущали нехватку и поэтому они покупали необходимое у своих соседей — балкарцев и «чезеров»¹⁶.

Высокого достоинства сукно из козьего пуха изготавливали в Зарамаге, Тибе, Наре, Зака и других прилежащих горных селах. По качеству и количеству суконной продукции из овечьей шерсти и козьего пуха, по мнению отдельных авторов, горные районы Северной Осетии занимали на Северном Кавказе следующее за Дагестаном место.

Хорошие сукна домашней работы готовили и на равнине,

¹³ Багратиони В. Указ. соч., с. 142. Он же упоминает «небеленный холст», изготавливаемый осетинами.

¹⁴ Пиралов А. С. Краткий очерк кустарных промыслов в Кавказе. Тифлис, 1900, с. 24—25.

¹⁵ Берзенов Н. Из записок об Осетии. — «Кавказ», 1852, № 68.

¹⁶ Клапрот Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1808—1809 гг. — В кн.: Осетины глазами русских и иностранных путешественников. Орджоникидзе, 1967, с. 157. На с. 310 необоснованно высказано предположение о том, что якобы «чезеры» — это «чеченцы».

например, в станице Новоосетинской (бывшее село Мусукау, основанное в 1810 г. на Тереке)¹⁷.

Будни осетинки-труженицы были неразрывно связаны с обработкой шерсти. Как писал один из дореволюционных экономистов в Осетии, «где бы вы ни встретили женщину: беседует ли она с соседками, разговаривает ли с мужчинами, идет ли в селение верст за 5-6, везде, в сакле и на улице, у нее неизменно в руках шерсть и веретено, которое безостановочно крутится, счит нитку. Встретить женщину без этих атрибутов, значит она очень бедна или больна»¹⁸. Пряжа шерсти производилась с помощью ручных веретен¹⁹, а также ткацких станков («тынуафæн бандон», по-иронски или по-дигорски «тунуафан кела») с использованием гребня («сарвасан») и ремиз²⁰ («уырды») ²¹. Инструментарием этим располагала, как правило, каждая крестьянская семья²².

Значительное распространение получило изготовление войлоков («гебена») различных видов.

Производство войлока включало два последовательных процесса: подготовка шерсти (мытьё, расчесывание и крашение) и валяние (обкатка). Из войлока делали подстилки, летние шляпы («нымæтхуд»), которые были необходимой хозяйственной и бытовой принадлежностью земледельца, скотовода, охотника, а также представителей верхушечного алдарского сословия. Бурка защищала от дождя, зноя, ветра, холода, служила подстилкой и одеялом путнику. Она и сегодня служит человеку труда и в горах, и на равнине, будучи «походным домом чабана»²³.

Уже в середине XVIII в. В. Багратиони отметил «приготовление хороших бурок» осетинами-горцами²⁴. И позднее документально засвидетельствовано, что осетинки продолжали делать войлок, из которого справляли хорошие бурки, сбывая их

¹⁷ Т-ев П. Кавказский край. Ст., Новоосетинская.— «Казбек», 1902 № 1236.

¹⁸ Тульчинский Н. К вопросу об улучшении экономического положения туземного населения Терской области. (По поводу доклада г. Станишевского).— «Правда», Владикавказ, 1906, № 72.

¹⁹ Пиралов А. С. Указ. соч., с. 16.

²⁰ Ремиза — в ткацком станке две деревянные планки, соединенные ниточками.— Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1939, т. III, с. 1335.

²¹ Гарданти М. К. Социально-экономические очерки. (Современная Северная Осетия). Владикавказ, 1908, с. 57.

²² Кох К. Путешествие через Россию к Кавказскому перешейку в 1837 г. и 1838 г.— В кн.: Осетины глазами русских и иностранных путешественников, с. 271.

²³ Трунов Д. Рахата. (О народных промыслах Дагестана).— «Дагестанская правда», 1959, 29 июля.

²⁴ Багратиони В. Указ. соч., с. 142.

в русских казачьих поселениях «на линии» или в Грузии²⁵. Поэтому утверждение Ю. Клапрота о том, что осетины не умеют делать бурки и покупают их у кабардинцев и балкарцев²⁶, неверно, хотя отдельные факты покупок бурок осетинами не следует отрицать.

Производство полотна и ситца осетинским труженицам было незнакомо²⁷.

Из обработанной шерсти («тинтычитæ») крестьяне Северной Осетии, как и другие горцы Северного Кавказа, делали также башлыки («баслыхъ»). Одна из осетинских «фамилий» («мыггаг») вообще специализировалась на производстве башлыков и поэтому именовалась «Басулухътаæ».

По данным источников, высшим достижением художественных промыслов осетин было изготовление «прекрасных ковров, как по качеству, так и по стабильности их окраски», которые, по словам очевидца, нельзя было ожидать в горах Северной Осетии²⁸. Большие ковры до конца XIX века висели на стенах древнего святилища осетин — Рекома²⁹. Для убранства домов, включая дома феодалов, использовались ковры, плетенные из соломы³⁰.

Примечательно, что основными трудовыми познаниями женщин алдаро-тагиатского сословия были умение вышивать серебром или золотом, готовить тесемки и галуны³¹. Таким рукоделием занимались и представительницы алдарского сословия других районов Северной Осетии, выражая отличие трудовых процессов у крестьянок и женщин из высшего (феодалного) сословия.

Естественно, что повсеместное занятие скотоводством имело следствием в тогдашних экономических условиях и широкое

²⁵ Народы России. Этнографические очерки. Спб., 1880, с. 342; Новая школа в Северной Осетии. — «Казбек», 1903, № 1511.

²⁶ Клапрот Ю. Указ. соч., с. 157.

²⁷ Новая школа в Северной Осетии. — «Казбек», 1903, № 1511.

²⁸ Гамба. Путешествие по южной России и особенно по областям, расположенным по ту сторону Кавказа, с 1820 по 1825 г. — В кн.: Осетины глазами русских и иностранных путешественников, с. 208. Наблюдения Гамбы (теми же словами выдал за свои Ш. Беланже. Это позволяет усомниться в ценности описания Ш. Беланже и в целесообразности его включения в указанный сборник).

²⁹ Ткешелашвили Н. С. От Владикавказа до Кутаиси. Путешествие 1897 г. М., 1899, с. 26.

³⁰ Соколов А. Е. Путешествие мое в Имеретию с линии Кавказской, мое там у царя пребывание, с ним сношение и обратное оттуда путешествие в Грузию. Чтение в Московском обществе истории и древностей Российских. М., 1874, вып. 3, с. 6.

³¹ Шанаев Д. ж. Свадьба у северных осетин. — ССКГ, вып. IV. Тифлис, 1870, с. 3.

распространение обработки кожи среди тружеников Осетии. В. Багратиони считал, что в изготовлении одежды большинство осетин обходится овечьими шкурами, дополняя это свое наблюдение утверждением о том, что осетины привозят овечьи шкуры из Карталинии, Рачи и Черкессии³². Последнее сообщение прямо указывает на высокий спрос в Осетии на кожу и изделия из нее.

Мастера-умельцы выделяли из овечьих и козьих шкур сафьян хорошего качества, которым удовлетворялись отчасти нужды самих семей-производителей, а в основном господ-алдаров.

Из овчин и кож делали осенне-зимние теплые шубы-тулупы («карцыта»), шапки-папахи, чувяки («дзабырта») и их разновидность с узорами — («Салдзавуртæ» дигор. (крестьянские чувяки для хождения в горах и на равнине в стужу, а по бедности и круглый год — («æрчънаг дзабыртæ», «æрчъитæ», «хæцъил-дзабыртæ»)³³ — ичиги («зæнгæйттæ»), сапоги из кожи козла или буйвола — обувь в основном осетинских феодалов, различного рода хозяйственные сумки («габат», «тифтики» и т. п.), ремни, пояса и т. п. Из высококачественной мягкой кожи делали на мягкой подошве национальные сапоги («хæдбын»), которые надевались вместе с мужским национальным костюмом³⁴, шили чувяки с осетинским орнаментом («тъæпæнбынтæ»)³⁵ и чувяки праздничные («басмахътæ»).

С обработкой кожи было связано изготовление седел и конской сбруи — шорный промысел³⁶. Выделяли уздечки, подпруги, ногойки, деревянную основу седла покрывали обшивкой из кожи. Седла готовили для коней и ослов. Шорный промысел был обычно делом рук самих потребителей и лишь когда в них нуждался феодал, седло, подпруги, ногойки готовились на заказ или в счет ренты. Распространенным видом домашних промыслов была обработка воловьих рогов, из которых выделяли как простой отделки, так и богато украшенные кубки и роги для застолья, которые нередко использовались и для украшения стен домов. Верхние ороговые части рогов умели украшать золотой ободкой³⁷.

³² Багратиони В. Указ. соч., с. 143; Гакстгаузен А. Указ. соч., часть II, с. 126.

³³ Со слов Колиевой Асиат Каурбековны, 67 лет, записал 6 августа 1965 года в с. Хидикус Г. И. Цибиров (из личного фонда собирателя). См. также: Марков Е. Очерки Кавказа. Спб., 1887, с. 170.

³⁴ Архив СОНИИ, фольклор, № 122, папка 92, л. 15 — записи Барона Боцисва.

³⁵ Архив СОНИИ, ф. 4, оп. 1, д. 39-а, л. 55.

³⁶ Гакстгаузен А. Указ. соч., ч. II, с. 111.

³⁷ Со слов Колиевой Асиат Каурбековны записал 6.8.1965 г. в с. Хидикус Г. И. Цибиров.

Ведущей была роль женского труда в шелководстве и в шитье из шелка одежды — женских шелковых платьев («дари кьаба»), мужской плащевой формы халата — «дари куйрэт», который надевали под черкеску. В. Багратиони отметил в середине XVIII столетия, что в горной Осетии нет шелка³⁸. Поэтому изделия из шелка шили из покупных тканей, освоили же производства шелка после выселения на равнину, где можно было разводить шелковицу³⁹.

Отдельные виды домашней промышленности все более перерастали в ремесло, а в последнем некоторые отрасли обнаруживали тенденцию от выполнения работы на заказ перейти к выработке изделий специально на продажу. Число ремесленных специальностей было невелико, крупных ремесленных мастерских не было, но традиция ученичества и наследования тайн ремесла существовала. Ремесленники готовили изделия, позднее получившие название «Кавказских вещей», изготовленные в так называемом «кавказском стиле»⁴⁰. Отдельные выдающиеся изделия осетинских умельцев распространялись и за пределами Северной Осетии.

Многие, а может быть и большинство из непосредственных производителей ремесленных изделий были мастерами на все руки, так как разделение ремесленных видов труда было развито еще слабо.

В Северной Осетии важными отраслями обрабатывающей промышленности были ремесла, связанные с военным делом. Местные умельцы-ремесленники изготавливали разнообразные виды оружия («хотыхтæ»). Оно отличалось высокими для своего времени боевыми качествами и пользовалось большим спросом среди всех слоев населения. Традиции литейного и кузнечного дела, а также художественной обработки металла продолжали развиваться в оружейном деле.

Осетинские ремесленники, как и умельцы других горских народов Северного Кавказа, в рассматриваемое столетие продолжали совершенствовать изготавливавшиеся ими виды огнестрельного оружия. Многие представители современного старшего поколения осетин, не говоря уже о тех, кто представлял это поколение в 20—30-е годы, сохранили устные предания об изготовлении в Северной Осетии самобытного вида ружей — «иуэхстон ирон топп» (в восточной части края) и «дигорон топп» (на западе). Отличия в названии этого вида ружей происходят от именовании их на диалектах осетинского языка, а

³⁸ Багратиони В. Указ. соч., с. 142.

³⁹ Т-ев П. Кавказский край. Ст. Новоосетинская. — «Казбек», 1902, № 1236.

⁴⁰ Махарбек. Сын Дагестана. (К неурожаю в горах Дагестана). — «Мусульманская газета», 1913, № 21. (Махарбек — псевдоним М. С. Туганова).

по сути — это одно и то же огнестрельное оружие. Ружья эти заряжались с дула, откуда их и другое название — «фæрдыг дзых топп». Информатор М. М. Чегаев сообщил, что «пули» (?) для таких ружей по форме напоминали палец человека⁴¹. Стоило такое ружье до 20 быков⁴².

Названные ружья при всем их сходстве в главном, имели, тем не менее, и различия. Так, для осетинских феодалов ружья нередко изготавливали с золотой отделкой — «сызгъæрин рагъ топп»⁴³.

Производство ружей в Северной Осетии не носило массового характера, поэтому осетины покупали много ружей привозных или за пределами Осетии. Названия таких неосетинских ружей не всегда можно раскрыть, так как за давностью времени их смысл подчас утрачен. У осетин были в употреблении такие ружья: «кримаг» («хъримаг») — из Крыма, «кæсгон» — из Кавказа, «уырыссаг» — русское, «гуырдыаг» — из Грузии, «лæкъаг» — из Дагестана, возможно лакское, «кубецаг» — из дагестанских Кубачей, «мустафа», «туркаг» — из Турции, «мазайраг» — из Маджар, «мысыраг» — возможно из Сирии, «хорасайнаг» — из Хорасана, «ерæддыпп» — кремневое ружье (?), случайное название, очевидно, «бурдзых» — по желтой детали ствола. Ружья, происхождение названий которых не удается выяснить, это «прангаг» (иногда «прангат»), «соин» (возможно другое именование — «сойын»), «тузайраг», «бибоди», «уири-маг»⁴⁴.

Редко встречается в источниках оружие — «кумбара», из которого стреляли крупной дробью — («ставд нæмыгджын топп») ⁴⁵. По предположению академика А. Шифнера, это оружие было мортирой⁴⁶.

⁴¹ Со слов Чегаева Мухари Малиевича, 73 года, записано нами в с. Куссу (Дигорское ущелье) 22.7.1975 года. См. также: Архив СОНИИ, фольклор, № 110, папка 88, л. 53 об. и л. 87.

⁴² Со слов Толпарова Х. А., 1891 г. рождения, записал 1 октября 1965 г. в г. Алагире Г. И. Цибиров.

⁴³ Со слов Черчесова Джеорджи записала Баракова Е. С. Архив СОНИИ, ф. 4, оп. 1, д. 39-а, л. 9.

⁴⁴ Названия ружей взяты из следующих источников — записи аспиранта Северо-Кавказского НИИ Цаллагова М. М. в с. Цамаде со слов Черчесова Джеорджи Знаевича, 95 лет, произведенные 23 июля 1932 г. — Архив СОНИИ, фольклор № 23—1, папка 15, л. 78 об.; его же записи 10 июля 1932 г. со слов Гисева Николоза Джиевича, 110 лет. в с. Бибиаты хъæу. — Архив СОНИИ, фольклор, № 23—1, папка 15, л. л. 28 об., 29 и 35 об.; записи Хадаева Берди в архиве СОНИИ, фольклор, № 345/3, папка 133, л. 127.

⁴⁵ Архив СОНИИ, фольклор, № 23—4, папка 15, л. 543.

⁴⁶ Осетинские тексты, собранные Д. Чонкадзе и В. Цораевым. Издал академик А. Шифнер. Приложение к XIV тому «Записок Имп. Академии наук», вып. № 4. Спб., 1868, с. 53.

Ружья разных народов, попадавшие в Северную Осетию, тщательно изучались местными оружейниками, которые усваивали достижения ремесленников разных школ и народов, что позволяло осетинским мастерам оружейного дела поставлять изделия, в основном стоявшие на уровне лучших достижений тогдашнего времени. До середины XIX века, как свидетельствовали информаторы, осетинское огнестрельное оружие не уступало, например, принятому на вооружение в русской армии («уырыссаг топпæй æгаддæр нæ уыд») ⁴⁷. До 1864 г., как писал Г. Н. Прозрителев, горская хорошая винтовка служила предметом зависти ⁴⁸.

Мастера-оружейники владели также секретом изготовления самобытных осетинских пистолетов («ирон» или «дигорон» да-мабацатæ) ⁴⁹.

Множество свидетельств полевых материалов позволяет утверждать, что на Северном Кавказе горная Осетия, как и Дагестан, была одним из очагов, где владели тайной производства и обработки стали, известной под названием дамаскской. Из такой стали делали гнущиеся как пружина сабли («хъандзал кæрдтæ»), («æхсаргæрдтæ») или гнущиеся стальные сабли («урс фæринк æхсаргæрдтæ»). Их можно было сворачивать, в пружину, после чего они распрямлялись ⁵⁰. Стоила такая сабля от 5 до 10 коров. Х. А. Толпаров назвал двух умельцев по изготовлению таких сабель в горной Осетии — это Хацаев Гагуыг в Мизуре и Хъулагъар (фамилию его информатор не вспомнил) в Туалетии (они же делали ружья) ⁵¹.

Скудные сведения дошли об изготовлении в Северной Осетии сабель под названием «кизга» (по-дигорски «девушка»), которые ковали осетинки ⁵².

В осетинской сказке «Сын хана», записанной со слов знаменитого сказителя К. Кертибиева 15 октября 1903 г. в с. Махческе, упоминается кривая шашка — «къæлдун» ⁵³, очевидно,

⁴⁷ Архив СОНИИ, ф. 4, оп. 1, д. 39-а, л. 9.

⁴⁸ Прозрителев Г. Н. Кавказское оружие. (Оружие кавказских горцев). Ставрополь, 1915, с. 11.

⁴⁹ Архив СОНИИ, фольклор, № 110, папка 88, л. 246.

⁵⁰ Со слов Черчесова Джеорджи записала Баракова Е. Е. См. архив СОНИИ, ф. 4, оп. 1, д. 39-а, л. 9.

⁵¹ Со слов Толпарова Х. А. записал 1 октября 1965 г. в г. Алагире Цибилов Г. И.

⁵² Сохранилось сообщение о том, что священник Иоанн Русиев, проводивший ревизию церквей в Северной Осетии, забрал с собой одну такую саблю в Грузию (См. архив СОНИИ, ф. 1, оп. 1, д. 135, л. 75 — «Цнобис пурцели», Тифлис, 1898, № 555).

⁵³ Памятники народного творчества осетин. Дигорское народное творчество в записи Михаила Гарданова. Владикавказ, 1927, вып. 1, с. 95.

распространенная и до середины XIX века. Чехлы для ружей и шашек изготавливали женщины⁵⁴.

Осетинские кузнецы делали разных видов кинжалы («хъама»), шлемы («така», «згъæрхуд»), сходные с хевсурскими «чакгана», кольчуги и панцыри («згъæрхæдон»). Все реже употребляемые из-за развития огнестрельного оружия, эти виды защитной одежды встречались до середины XIX века. Употреблялся и домашней изготовления щит («уарт»).

Ружья, пистолеты и сабли ценились очень высоко. Феодальная верхушка представляла все возрастающий спрос на оружие с дорогой серебряной или золотой отделкой. Это обстоятельство вызвало определенное развитие связанного с оружейным ремеслом филигранного промысла⁵⁵.

Дорогостоящее огнестрельное оружие и сабли были обычными видами вооружения феодальной верхушки осетин. Они то и отдавали обычно в счет калыма («ирада») или применив по делу кровной мести наряду со скотом ружья и сабли⁵⁶.

Что касается осетин-крестьян — свободных или зависимых, многие из них до середины XIX века продолжали пользоваться луком и стрелами⁵⁷, которые мастерили обычно сами. Лук, колчан и стрелы у осетин часто упоминаются в источниках, характеризующих Северную Осетию до середины XIX века. Так, кучи стрел были в святилище Реком, в котором К. Ф. Ган видел и самострел, какого он не видел на Кавказе «и который, может быть, есть единственный экземпляр в крае»⁵⁸.

Огнестрельное оружие в рассматриваемое время не вытеснило еще старое и в массе еще встречающее оружие «большеею частью весьма древнее», порой с латинскими надписями, вензелями и гербами на клинках и ружейных стволах, небесспорно приурочиваемое А. Гакстгаузену ко времени господства генуэзцев на Черном море⁵⁹.

Но тенденция развития ремесла шла в сторону возобладания огнестрельного оружия, и если эта тенденция не победила и постепенно стала сокращаться, то это связано с последствиями присоединения Северной Осетии к России — с упрочением на Северном Кавказе межнационального мира и ощутимым сокращением межфеодальных усобиц. Именно в этих изменившихся политических и социально-экономических условиях происходит сокращение, хотя и незначительное, в Северной Осетии реме-

⁵⁴ Берзенов Н. Из записок об Осетии. — «Кавказ», 1852, № 68.

⁵⁵ О мерах улучшения положения наших горцев. — «Правда». Владикавказ, 1906, № 517.

⁵⁶ Берзенов Н. Из записок об Осетии. — «Кавказ», 1852, № 67.

⁵⁷ Рейнеггс Н. Общее историко-топографическое описание Кавказа. — В кн.: Осетины глазами ..., с. 91.

⁵⁸ Гакстгаузен А. Указ. соч., ч. II, с. 113.

⁵⁹ Ган К. Ф. По долинам Чорока, Уруха и Ардона. Тифлис, 1896.

сел, связанных с производством огнестрельного оружия. Но тем не менее, преемственно продолжавшаяся тенденция вытеснения видов ремесла, ориентировавшегося на изготовление отживших свое время видов вооружения, усиливалась, и теперь многие виды оружия становятся известны только по текстам нартиады (например, камнемет — «уарæхснæ», булава — «цæфкæбола», изогнутый, односторонне-острый кинжал — «кæлдуга» или «кæлдугъ», топорovidное оружие — «черхъ», железные перчатки с острыми «кæсмустæ»⁶⁰ и др.).

В некотором количестве исходные сырьевые товары, необходимые для производственных целей оружейников, добывались в горах самой Северной Осетии. Так, в 1743 году феодальные владельцы Кабарды и Кумыкии сообщили в Коллегию иностранных дел России, что горские народы, включая осетин, «сами делают серу горючую, порох, свинец и железо из руд, находящихся в тех же горах»⁶¹. В. Багратиони писал, что осетины «добывают из земли свинец, селитру, серу»⁶².

Между Дигорией и Балкарией у речки Хасриадон (очевидно, Хазнидон.— Ф. Т.) Ю. Клапрот упоминает гору Изди-хонх, то есть свинцовую, из коей жители Дигории доставляли много кусков породы со свинцом, которые переплавляли дома⁶³.

А. Яновский писал, что сел. Нузал и села Садонского ущелья «употребляют свинцовую руду единственно для литья пуль» и что по р. Ардону встречается «сера, готовая к приготовлению пороха без очистки»⁶⁴. О добыче свинца и о занятости осетин горным промыслом писал и А. Гакстгаузен⁶⁵.

Необработанное железо и сталь ввозились в Северную Осетию, и здесь возрастало первенствующее значение России. Доставлявшееся в Северную Осетию железорудное сырье обрабатывалось местными мастерами⁶⁶. Вопрос об источниках до-

⁶⁰ Названия видов оружия со слов сказителей Кертибия Кертибиева и Базза Калоева записал народный учитель М. К. Гарданов.— Архив СОНИИ, фольклор, № 14—3, папка 51, лл. 100—106.

⁶¹ Сообщение кабардинских феодалов М. Атажукина и А. Гиляксанова, кумыкского феодала Хамзипа в Коллегию иностранных дел об общественном строе северо-кавказских горцев... в 1743 году.— Материалы по истории Осетии, т. I. Орджоникидзе, 1934, с. 33.

⁶² Багратиони В. Указ. соч., с. 143.

⁶³ Клапрот Ю. Указ. соч., с. 115.

⁶⁴ Яновский А. Осетия.— В кн.: Обзорение российских владений за Кавказом, ч. II, Спб., с. 178—179.

⁶⁵ Гакстгаузен А. Указ. соч., ч. II, с. 113.

⁶⁶ Возможно, что загадочное появление якоря с древнего морского корабля, весом около 5 пудов, у Кануковых в сел. Кобань следует связывать с намерением его владельцев переплавить якорь на металл. (Московская научная экспедиция в горах Осетии.—«Власть труда», 1926, № 169).

ставки железа в Северную Осетию требует еще доисследования⁶⁷.

Осетины владели многими способами приготовления пороха, получение которого в Северной Осетии, как и на всем Северном Кавказе, было относительно молодым видом домашней промышленности и ремесла. О. Евецкий находил, что осетины выделяли «изрядное количество пороха»⁶⁸. Порох причислялся к самым дорогостоящим товарам. Важнейшим компонентом для приготовления пороха у осетин служила крапива. Получали мелкозернистый порох⁶⁹.

Пули также изготовляли разные. Например, О. Евецкий сообщает, что осетины делают пули из частей железа и кизилового дерева, которые заключались в свинец⁷⁰.

Для варки пива, «алутона», или мяса осетинские ремесленники готовили по заказу отдельных лиц, сельских общин, а иногда и на продажу разновеликие конусообразные котлы («цачинаг» или «цæджджинаг»), которые изготавливали из медных листов, сшитых медными гвоздями⁷¹.

Отдельные экземпляры котлов имели вес до 25 пудов⁷². Информаторы выделяют два распространенных вида котлов: 1) «духосуг», который от широкой горловины сужался вниз и имел емкость до 10 пудов зерна и 2) «тапанбун», у которого основание было шире горловины, с емкостью 3—4—8 пудов зерна. Стоили такие котлы до 2 быков⁷³. Такие котлы были обычно при святилищах, которые располагали одним-двумя или более котлами в зависимости от числа поклонявшихся (например, несколько котлов имел дзуар Дзивгиса)⁷⁴. Производство котлов по заказу сельских общин, отдельных патронимий и больших семей было, очевидно, распространенным явлением в горах Осетии, и отчасти это было обусловлено тем, что часть горцев-осе-

⁶⁷ Бутаев А. В горах Осетии.— «Казбек», 1902, № 1408.

⁶⁸ Евецкий О. Статистическое описание Закавказского края. Спб., 1835, с. 68.

⁶⁹ Со слов Едзиевой Сона Махматовны, 84 года, записал 17.8.1965 года в сел. Ходыхъау Цибилов Г. И.

⁷⁰ Евецкий О. Указ. соч., с. 68.

⁷¹ Кануков Инал. В осетинском ауле.— ССКГ, вып. VIII. Тифлис, 1875, с. 38.

⁷² Московская научная экспедиция в горах Осетии, «Власть труда», 1926, № 169.

⁷³ Записано нами 21 июля 1975 г. в с. Науагхъау (Дигорское ущелье) со слов Гацולהва Майрана Темуруковича, 1902 года рождения и 22 июля 1975 г. в с. Стур Дигора со слов Туриева Петра Дафаевича, 1906 г. рождения.

⁷⁴ Священник Симон Маркозов. Дзивгисская часовня.— «Владикавказские епархиальные ведомости», 1898, № 3.

тин, например в Дигории, платила кабардинским феодалам дань медными чанами (котлами)⁷⁵.

От размеров котлов зависело время, необходимое для их изготовления. Так, Гассиев Тасолтан сделал котел-цаджджинаг за три недели, но было и так, что времени затрачивалось больше⁷⁶. Иногда медные котлы отдельные семьи изготавливали для себя сами. Умение изготовить медный котел относилось к высшим добродетелям мужчины и ценилось высоко (об этом поется и в песне о прекрасной Дзандзираке) Б. А. Калоев указывает, что медные котлы осетины покупали в Грузии⁷⁷, но жители Дигории, например, как сообщали информаторы, пользовались услугами пришлых ремесленников из Дагестана — кумыков и лезгин⁷⁸.

Укажем еще, что по показаниям одного из информаторов в с. Куссу были оригинальные котлы с 4-мя ручками («цуппархосон чъиуанта»), происхождение которых забыто⁷⁹.

Распространенными бытовыми предметами в Северной Осетии, особенно у мусульман, были медные тазы и кувшины для омовения — кумганы («хъуывгъан»). Однако по источникам не прослеживается, были ли эти предметы, во многом связанные с мусульманским культом, изделиями местных мастеров-лудильщиков или покупными, сведений о завозе меди в Северную Осетию источники не сообщают, а В. Багратиони неопределенно писал, что у осетин меди мало (как и золота и серебра)⁸⁰. Отметим, что, как писал З. Чичинадзе, в XIX веке исчезли и «осетинские мусульманские чаши»⁸¹.

Кузнецы («куырдагъ») продолжая давние традиции, делали из своего или из материала заказчика, лемехи для пашенных орудий («дзывыр»), осетинские косы («цæвджытæ»), котлы («агтæ»), железные цепи для очагов («къона рæхыс») и хозяйственных нужд («рæхыс»), очажные основания («дæлтур»), тавра, топоры, ножи, осетинские серпы⁸², вертела, кандалы («хъадамантæ») для невольников, подковы для коней и быков,

⁷⁵ Вертепов Г. А. В горах Кавказа. Владикавказ, 1903, с. 55.

⁷⁶ Со слов Черчесова Джеорджи записала в сел. Цамаде Баракова Е.— Архив СОНИИ, ф. 4, оп. 1, д. 39-а, л. 8.

⁷⁷ Калоев Б. А. Осетины. М., 1971, с. 98.

⁷⁸ Из сообщения Гуриева П. Д., записанного нами 22.7.1975 г. в Стур-Дигоре.

⁷⁹ Из сообщения Чегоева М. М., записанного нами 22.7.1975 г. в с. Куссу.

⁸⁰ Багратиони В. Указ. соч., с. 142.

⁸¹ Чичинадзе З. История Осетии.— Архив СОНИИ, ф. 1, оп. 1, д. 24-а, л. 201.

⁸² Архив СОНИИ, ф. 4, оп. 1, д. 39-а, л. 8, л. 73.

железные коновязи и железные стойла для скота⁸³, удила, ножицы для стрижки овец и др.

Возможно, что делать совершенные иглы осетины не умели, и это использовали заезжие купцы.

Некоторое развитие получило и ювелирное дело, мастеров которого звали «зæрингуырдаæ». Ремесло это существовало как отдельное, специализированное, так и в органическом единстве с ремеслом кузнеца. Так, Аккалаев Гиссо из с. Верхний Унал изготавливал как кузнец косы, котлы и т. п., как мастер-ювелир — газыри — «бæрцытæ» (ирон)⁸⁴, а при изготовлении покрытых серебром кинжалов («хъаматæ æвзистæй астæрдæй»)⁸⁵ он совмещал профессии кузнеца и ювелира, эти профессии совмещал и Кужелти Берди из с. Дзинага⁸⁶ и другие.

Кузнецов и ювелиров, занятых обработкой металлов, называли еще «æвсæнгуыстгæнджытæ».

Ювелиры выделывали нагрудные застёжки («æгънæджытæ»), женские пояса из серебра с позолотой, браслеты («цæнгдарæн»), кольца, серьги, серебряные рюмки, медные или бронзовые наперстки («æнгуырстуан»), медные тазы («æрхуы тас»), медные сосуды («гогон»), для воды⁸⁷, медные котлы («æрхуы аг») для варки пива⁸⁸.

Мастерство кузнецов и ювелиров ценилось высоко и бережно передавалось из поколения в поколение, при этом все более намечалась тенденция передачи профессиональных знаний, включая и эмпирически добытые ценные сведения и навыки, преимущественно в рамках определенных «фамилий» и семей. Так в с. Цамада мастерами обработки металлов длительное время были представители Караевых, в с. Джима — Амбаловы⁸⁹.

Одновременно пробивала себе дорогу и росла тенденция увеличения числа лиц, причастных к освоению профессии кузнецов, некоторые из них все чаще брали себе учеников («курдон»), которых бесплатно обучали 1—2 года⁹⁰. Оплата

⁸³ Железные коновязи и ясли для скота были, например, у Есе Канукова в с. Донифарс. См. архив СОНИИ, фольклор, № 110, папка 88, л. 4.

⁸⁴ По-дигорски назывались и иначе — «халдир». (По тексту песни о Дабалати Габие, записанном Цагаевой А. Д.) — Архив СОНИИ, фольклор, № 304, папка 117, л. 1.

⁸⁵ Со слов Черчесова Джеорджи из с. Цамада (Алагирское ущелье): записала в 1938 г. Баракова Е. Е. Архив СОНИИ, ф. 4, оп. 1, д. 39-а, л. 7.

⁸⁶ Со слов Елоева Н. Б., 1900 года рождения, записано нами в с. Дзинага 17 июля 1875 года.

⁸⁷ Отдел фондов Музея краеведения СО АССР, № 4553.

⁸⁸ Там же, № 4677.

⁸⁹ Со слов Черчесова Джеорджи из с. Цамада записала в 1938 г. Баракова Е. Е. — Архив СОНИИ, ф. 4, оп. 1, д. 39-а, л. 8.

⁹⁰ Гардапти М. К. Социально-экономические очерки. (Современная Осетия). Владикавказ, 1907, с. 38.

труда кузнеца не разнилась существенно в различных аулах и о ней можно судить по тому, что, например, в горной Дигории аул. (к сожалению, размеры аула не сообщены) нанимал кузнеца за два «барана» (мера сыпучих тел, равная русской четверти) ячменя с каждого дыма, за что в течение года готовил по требованию жителей топоры, чинил косы, пахотные орудия («дзывыр»), и другие земледельческие орудия⁹¹. В с. Галиат в конце XVIII в. кузнецом был Гусаов Дзидци, обучившийся в с. Мизуре у Хацата. Он делал косы, ремонтные работы для всего села, за что жители пахали его участок, косили, собирали урожай⁹².

Кузнецы давали более высокий процент мигрантов, т. к. по характеру своей специальности они нередко меняли место работы, а иногда и жительства. Так, Дауровы были кузнецами в с. Унал, но затем по приглашению переехали в с. Ламардон⁹³. Это еще более касалось ювелиров. Так, И. З. Калыгаты (Калагов) в 50—60-е годы XIX в. работал ювелиром во Владикавказе, затем в Батакюрте, Гизели, Каккадуре, Даргавсе⁹⁴.

Сельские общины порознь или сообща возводили и ремонтировали молельни — дзуары. Это делали и отдельные фамилии. Молельни возводили как силами общин, так и по заказу. С языческими дзуарами связаны и заказы на изделия ремесленников разных специальностей. При них обычно хранились надочажная цепь, медные котлы, деревянные ложки и чашки различных размеров, половники. Выполненные умельцами по заказу, эти предметы считались неприкосновенной собственностью святилищ.

К ремеслам относились и деревообрабатывающие промыслы, получившие широкое распространение. Этому способствовало изобилие лесов и в горах и на равнине. Деревообделочники делали многие необходимые в домашнем хозяйстве, производстве и быту средства транспорта — повозки-арбы, сани, орудия труда — бороны, мотыги, вилы, грабли, горские пахотные орудия («дзывыр»), ирон. «дзубур» (дигор.), выселенцы на равнину стали изготавливать относительно новое пашенное орудие — плуг различных конструктивных видов («гутон»), утварь — деревянные кадки («цыхтахсан тъяпәнаг») из буковых клепок для приготовления сыра и др.⁹⁵

Из дерева изготавливали также лук («æрдын»), стрелы к.

⁹¹ Гардапти М. К. Социально-экономические очерки, с. 38.

⁹² Со слов Гусаова Харитона Васильевича, 1897 г., рождения, записано нами 29.7.1975 г. в с. Галиат.

⁹³ Со слов Даурова Хусина Калауовича 28 июля 1959 г. записала Цагаева А. Д.— Архив СОНИИ, фольклор, № 117, папка 250, л. 49.

⁹⁴ Со слов Калыгаты Иналдыко Знауровича, 82 года, 31.3.1921 г. записал в г. Владикавказ Алборов Б. А.— Архив СОНИИ, фольклор, № 145, папка 94, л. 9.

⁹⁵ Отдел фондов Музея краеведения СО АССР, № 416.

нему, копье («мудзур»), деревянные замки («хъадын гуыдыр»)⁹⁶.

Большого искусства достигли осетинские умельцы в изготовлении деревянной мебели и домашней утвари. Из предметов мебели выделялись кровати с богатой внешней художественной отделкой, обычно принадлежавшие феодальной знати или состоятельным крестьянам так называемые «гъолгун урундухъ» (дигор.)⁹⁷, скамьи, кресла, стулья с резбой («гъолгун сире къелата», дигор.)⁹⁸, сундуки, ящики («кæндонæ», дигор.), стул-трепожник («фæхс бандон», «æртæкъахыг бандон» — ирон.), осетинский, точнее общегорский, трехножный стол («ирон фынг или «дигорон финга»)⁹⁹. Из кухонных предметов умели делать тарелки, вилки¹⁰⁰, деревянные корыта для мяса, теста («арын», ирон. «аранга» дигор.) большие деревянные молоты («мысалгъ»)¹⁰¹, топоры, деревянные ковши («куыси») для зачерпывания пива из чана¹⁰², выдолбленные, емкостью до 5 литров чаши — бокалы для питья пива («калац» — дигор.), которыми пользовались во время общесельских, «фамильных» и семейных торжеств¹⁰³, выдолбленные деревянные ведра «къарта» (дигор.).

Не было семьи — крестьянской и других сословий, в которой не было бы небольших деревянных кроваток, люлек для детей («авдæн»)¹⁰⁴.

При обработке дерева умельцы прибегали к технике выдалбливания или технике вытачивания на осетинском токарном

⁹⁶ Со слов Бацова Тембола Айдарыхъоевича, 62 года, в 1938 году Е. Е. Баракова записала, что в башне Икаевых использовали деревянный замок — «хъадын гуыдыр», похищенный Икаевыми в Дигории (см. архив СОНИИ, ф. 4, оп. 1, д. 39-а, л. 73). В июле 1940 г. И. Д. Караев в с. Цимити Куртатиского ущелья видел деревянный замок и деревянную косу, но последняя имела, очевидно, декоративное или votivное назначение, но не производственное (архив СОНИИ, фольклор, № 113, папка 90, л. 6).

⁹⁷ Такая кровать хранится в архиве Музея краеведения СО АССР под № 982.

⁹⁸ Хранится там же под № 26, см. также: Гарданов М. К. Осетия накануне пролетарской революции. — Архив СОНИИ, ф. 34, оп. 1, д. 1, л. 12.

⁹⁹ Отдел фондов Музея краеведения СО АССР, № 4676; Ковалевский М. М. Современный обычай и древний закон. Обычное право у осетин в историко-сравнительном освещении. М., 1886, т. 1, с. 75.

¹⁰⁰ Гакстгаузен А. Указ. соч., ч. II, с. 126.

¹⁰¹ Полевой материал, собранный в июле 1960 г. в Алагирском ущелье Цагаевой А. Д. — Архив СОНИИ, фольклор, № 286, папка 117, л. 113.

¹⁰² Отдел фондов музея краеведения СО АССР, № 4473.

¹⁰³ Записи Темираева Д., архив СОНИИ, фольклор № 345/4, папка 133, л. 319; отдел фондов Музея краеведения СО АССР, № 4451. Такие же бокалы делались из меди.

¹⁰⁴ Отдел фондов Музея краеведения СО АССР, № 2551.

станке — «зырн». Для обтесывания или долбления дерева использовали и большое тесло («талдзин»), маленькое тесло («пъанæз»), долото («сарт») и др.¹⁰⁵

Обработка дерева была преимущественно домашним промыслом. «Искусство точить и резать дерево в Осетии, — писал этнограф Савва Кокиев, — весьма древнее и сильно развито повсеместно, а потому осетин в своем домашнем обиходе пользуется почти исключительно деревянной посудой, вытачиваемой или вырезываемой»¹⁰⁶.

С развитой песенно-танцевальной культурой осетин было связано изготовление высокого совершенства музыкальных инструментов — 12-ти струнной арфы («дыуадæстæнон») ¹⁰⁷, горской скрипки («хъысын фæндыр»), свирели («уадындз»), «стæли» («стили») ¹⁰⁸ и др., для изготовления которых использовали деревья особых пород, а также тростник.

Все деревянные предметы украшались резным орнаментом, покрывались инкрустацией. Для орнаментации прибегали и к способу выжигания. Многие предметы украшались фигурками или головками людей, животных птиц, поэтому и заметил Е. Зичи, что осетины — «искусные скульпторы по дереву»¹⁰⁹.

Таковы основные показатели развития домашней промышленности и ремесла у осетин. Многие еще не ясно здесь. Так, в Рекоме находились животные фигуры, выделенные из глины: олени, коровы, овцы, утки¹¹⁰, серьги, ларцы¹¹¹. Кто был их изготовителем? По чьему заказу они делались — сведений об этом нет.

В рассматриваемое время основная часть изделий крестьянской домашней промышленности и ремесла поглощается внутри Осетии. Отрасли ремесла и домашних промыслов осетин мед-

¹⁰⁵ Кулов Б. С. Основные занятия населения Северной Осетии в XIX и начале XX вв. — «Известия СОНИИ», т. XXV, история. Орджоникидзе, с. 309.

¹⁰⁶ Кокиев С. Записки о быте осетин. — Сборник по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее. М., 1885, вып. 1, с. 82.

¹⁰⁷ К концу XIX — началу XX века таких арф в Северной Осетии осталось считанные единицы.

¹⁰⁸ Информатор Елоев Н. Б., 1900 года рождения, с. Дзинага, сообщил, что на «стæли» хорошо музицировал известный народный герой Хамиц Добалати (Хамицаев). Записано нами в с. Дзинага (Дигорское ущелье) 15 июля 1975 года.

¹⁰⁹ Зичи Е. Путешествие по Кавказу и Центральной Азии. Будапешт, 1897.

¹¹⁰ Россиков К. Н. Экскурсии по Кавказским ледникам. — «Естествознание и география», 1898, № 9, с. 9.

¹¹¹ Ткешелашвили Н. С. Указ. соч., с. 26.

ленно превращаются в мелкое товарное производство. Толчком к этому послужило выселение осетин на равнину.

Как указывал В. И. Ленин, производство крестьянами изделий промышленности на рынок «кладет первое основание» отделению промышленности от сельского хозяйства, хотя промышленник на этой стадии развития в большинстве случаев еще не отделяется от земледельца. Развитие мелкого товарного производства и крестьянских промыслов идет параллельно с расширением рынка для их изделий.

В развитии домашних промыслов и ремесла в Осетии можно отметить такие характерные особенности: 1) высокое развитие строительного искусства, 2) активное участие в домашних промыслах женщин, 3) расширение производимой продукции по мере выселения на равнину, 4) распространение огнестрельных ремесел, характерных для развитого феодализма, распространение изделий ингушского ремесла в восточной Осетии. Домашним промыслом становится шелководство. В новых социально-политических условиях идет свертывание дофеодального ремесла (сокращение производства щитов, луков стрел и т. п.).

Невская Т. А.

СЕМЬЯ И СЕМЕЙНЫЙ БЫТ РУССКОГО КРЕСТЬЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СТАВРОПОЛЬЯ В XIX—НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Крестьянская семья XIX — начала XX в. представляла собой важнейший элемент хозяйственной и общественной организации дореволюционной России, в которой крестьянство составляло подавляющую часть населения. Отсюда очевидна важность изучения истории крестьянства нашей страны, которое невозможно без конкретно-исторического исследования крестьянской семьи, ее форм, состава, хозяйственных и общественных функций, так как семья для крестьян была «важнейшим, решающим общественным отношением»¹.

Изучение дореволюционной крестьянской семьи важно и для правильной оценки социальной дифференциации крестьян, так как В. И. Ленин указывал, что для этого недостаточно знать средние показатели о хозяйстве крестьян, в том числе на душу населения, так как дворы с различным составом семей были экономически неравны².

Следует при этом отметить, что изучение семейного строя и

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. 5. М., 1974, с. 508.

² Ленин В. И. ПСС, т. 3, М., 1975, с. 127.

быта ставропольских крестьян представляет особый интерес, так как Ставрополье являлось во второй половине XIX — начале XX вв. одной из наиболее передовых в экономическом отношении областей с интенсивным развитием капиталистических отношений, сочетавшихся с обильными пережитками феодально-патриархальных отношений у местных народов, рядом с которыми поселились с XVIII века русские крестьяне. Между тем этот вопрос никем из исследователей не изучен, хотя семейный строй у местных народов Северного Кавказа явился предметом тщательного исследования в ряде работ как дореволюционных, так и советских авторов.

Источником для написания данной статьи послужили документы, выявленные в Государственном архиве Ставропольского края (ГАСК), и полевой этнографический материал, собранный летом 1979 года в ряде сел. Ставрополья. Из архивных документов особенно важны ревизские сказки и посемейные списки, которые не только позволяют выяснить численный и поколенный состав семьи, но и дают возможность проследить эволюцию семьи между переписями. Для характеристики семей переселенцев использовались материалы Ставропольской казенной палаты о перечислении государственных крестьян.

Важнейшие особенности семейного строя (организация семейной жизни, бытовой уклад) были одинаковы и у русских, и у украинских переселенцев (хотя свадебный обряд отличался довольно сильно). Это можно объяснить тем, что они складывались под влиянием сходных социальных и экономических условий.

* * *

Массовая крестьянская колонизация Ставрополья началась с конца XVIII — начала XIX вв. Первыми поселенцами были, в основном, отставные солдаты, беглые, казаки. С конца XVIII века начинается заселение предкавказских степей государственными крестьянами из центральных черноземных губерний, которые селились здесь уже со своими семьями. На структурно-поколенный состав крестьянских семей влияли как колонизационные процессы, так формы и методы хозяйствования. Ряд факторов экономического порядка способствовал бытованию здесь больших семей. Это, прежде всего, необходимость освоения свободных целинных земель, требовавшая значительных усилий большого коллектива людей. До середины XIX века во многих селах Ставрополья имелись еще такие земельные просторы, что размер крестьянской запашки ограничивался лишь возможностями семьи; наличием у нее скота и рабочих рук.

По своему составу среди крестьянских семей Ставрополья можно выделить несколько основных типов: одинокие, пожилые супруги без детей, молодых супругов без детей практически не было, несколько таких семей — явление временное, поэтому они

были включены в тип двухпоколенных отцовских семей); родители и дети; родители, дети и внуки; родители, дети, внуки и правнуки; женатые братья с детьми и, возможно, племянниками; женатые братья с детьми (племянниками) и внуками; женатый брат с детьми и холостые братья и сестры.

Предложенная группировка несколько упрощена, так как были семьи другого или более сложного состава, например, дед с внуками, дядя с племянниками, семьи с зятьями и другие. Брала зятя в дом в тех случаях, когда в семье не было сыновей, или девушке-сироте принадлежало отдельное домохозяйство. Положение зятя в доме жены считалось унижительным, поэтому переходили в дом жены лишь парни из бедных, многодетных семей, пасынки. Однако число таких типов семей было незначительно, и их выделение в особые группы в данной статье нецелесообразно, так как не дает ничего нового для понимания закономерностей развития форм крестьянской семьи.

В изученных нами 854 семьях сел Новоселицкой волости соотношения различных типов семей в середине XIX века выглядят так:

1) одинокие	— 69 семей	8,07%,
2) пожилые супруги без детей	— 10	1,17%,
3) двухпоколенные отцовские семьи	— 388	45,43%,
4) трехпоколенные отцовские семьи	— 176	20,63%,
5) четырехпоколенные отцовские семьи	— 11	1,28%,
6) двухпоколенные братские семьи	— 152	17,80%,
7) трехпоколенные братские семьи	— 14	1,64%,
8) двухпоколенные братские семьи, состоящие из женатого и холостых братьев	— 34	3,98%.

Подсчет произведен на основании ревизских сказок 9-й народной переписи³.

Если считать большой семьей семью, состоящую более чем из одной брачной пары, способной самостоятельно вести хозяйство, то 1—3 типы семьи можно отнести к малым, а 4—7 тип к большим. 8 тип — брат с детьми и холостые братья — является переходным, образовавшимся, видимо, после смерти отца. Он, как правило, развивается в тип семьи, состоящей из женатых братьев с детьми и племянниками, либо в случае раздела братьев после женитьбы холостых (это бывало значительно реже) — в тип семьи, состоящей из родителей и детей.

Большой процент братских семей (23,42%) говорит о том, что семьи на Ставрополье в середине XIX века не делились даже после смерти отца, следовательно, большие семьи здесь держались не на отцовской власти и авторитете, а из-за экономической необходимости 6,5% двухпоколенных братских семей

³ ГАСК, ф. 459, оп. 1, д. 49, сч 2—323.

состояли из двоюродных братьев, что также подтверждает сделанный вывод.

Таким образом, малые семьи, включая одиноких, преобладали (54,67%), тогда как 4—7 типы составляли в совокупности 41,35%. Но если учесть, что одинокие не составляли по существу нормальной семьи и не могли вести самостоятельное хозяйство, а восьмой тип семьи ближе по своему составу к большой семье, чем к малой, то в процентном отношении больших семей было чуть меньше малых: 45,33% (4—8 типы) против 46,6% (2—3 типы семей).

Следует отметить, что хозяйственные преимущества больших семей, имевших, как правило, значительное число работников, были в XIX веке настолько очевидны для крестьян Ставрополя, что с ними могли конкурировать лишь такие малые семьи, в составе которых было много взрослых детей, способных трудиться в сельском хозяйстве. Не случайно, как это видно из приведенной нами таблицы, малые семьи без детей (второй тип) составляли всего лишь 1,17%. Характерно, что многие семьи, попавшие в таблице в тип малых, были в прошлом, видимо, большими. Так например, 4,10% семей третьего типа включали не только родителей и детей, но и племянников, часто даже двоюродных, следовательно, ранее, до смерти братьев, это были братские семьи.

Некоторые большие семьи разрастались до нескольких десятков человек, включая в себя различные боковые ветви. Например, семья Дружининых из с. Китаевского состояла в 1850 году из 16 человек, включая двоюродных братьев с детьми и их двоюродного племянника с семьей⁴. Семья Аденисовых состояла из троюродных братьев с детьми и внуками⁵, семья Паршиных включала в себя братьев с детьми и племянниками от умерших братьев, их внуков и правнуков — всего 32 человека⁶. Семья Плотниковых из села Новоселицкого состояла из 28 человек — матери, сына с женой, детьми и внуками, дочери с детьми и внуками, невестки и внуков от второго умершего сына и правнуков от умершего внука⁷.

За 15 лет, прошедших между 8-й и 9-й переписями (1835—1850 г.), соотношение типов семей, данных в таблице, не изменилось. Если проследить эволюцию отдельных семей за это время, то видно, что они в общем имели тенденцию к разрастанию. Многие семьи из двухпоколенных отцовских стали трехпоколенными или братскими⁸, братские семьи из двухпоколенных

⁴ ГАСК, ф. 459, оп. 1, д. 49, с. 76—77.

⁵ Там же, с. 63—64.

⁶ Там же, с. 43—45.

⁷ Там же, с. 105—107.

⁸ Там же, сс. 75—76, 76—77, 45—48.

стали трехпоколенными⁹. Однако немало было и таких семей, которые претерпевали обратные изменения: в них уменьшалось число членов, и они из трехпоколенных становились двухпоколенными. Такие изменения происходили, в большинстве случаев, не вследствие разделов, а из-за высокой смертности в семье. Это показывает, что тенденция к увеличению численности семьи при нормальных, благоприятных условиях преобладала.

Следует также отметить, что относительно высокий процент одиночек не означал, что в действительности в более чем 8% дворов хозяйство самостоятельно вел один человек. Часто в ревизских сказках под отдельным номером домохозяйства был записан мальчик 2—12 лет. Как свидетельствует собранный нами полевой материал, дом такого «хозяина» стоял заколоченным до его свадьбы, а сирота жил у каких-либо родственников¹⁰.

Согласно нашим источникам, развитие семьи в Ставрополье в изучаемое время обычно шло по такому кругу: семьи, состоящие из отца, сыновей и внуков, со смертью отца превращались в семьи, состоящие из братьев с детьми; если умирал один из братьев, то оставался брат или братья с детьми и племянниками; со временем дети женились, и семья становилась состоящей из отца с детьми и внуками, либо из братьев с детьми и внуками. При благоприятных условиях семьи разрастались до четырех поколений, однако редко глава семьи доживал до появления правнуков. Характерно, что подавляющее большинство семей, где главе семьи было больше 60-ти лет, были четырехпоколенные отцовские или братские¹¹.

Высокий процент малых семей объясняется, в частности, и тем, что в села Ставрополья постоянно шел приток переселенцев из центральной России. Семьи переселенцев были преимущественно малыми, так как переезд большой семьи был сопряжен с рядом значительных трудностей. Данные о семьях переселенцев относятся к несколько более позднему времени, к 1870 г., но все же позволяют судить, хотя бы приблизительно, об их составе и в 50-е годы. Среди переселенцев

одинокие и супруги без детей составляли	— 7,56%,
двухпоколенные отцовские семьи	— 61,9%,
трехпоколенные отцовские семьи	— 15,24%,
двухпоколенные братские семьи	— 12,38%,
трехпоколенные братские семьи	— 1,9% ¹² .

⁹ Там же, сс. 73—77, 63—64.

¹⁰ Полевой материал 1979 года, с. Красногвардейское, информатор Тратникова М. Г., (1899 г.).

¹¹ ГАСК, ф. 459, оп. 1, д. 49, сс. 43—45, 39—40, 105—107.

¹² Подсчет произведен на основании переписок и материалов по перечислению крестьян, ф. 459, оп. 1, дд. 1470, 1476, 1477, 1480, 1473, 1492, 1493, 2002, 2027, 2059, 2118, 2120, 3522.

Таким образом, примерно 70% семей переселенцев были ма-
лыми.

Полевой материал свидетельствует о существовании значи-
тельного числа больших семей на Ставрополье даже в конце
XIX—начале XX веков, а главное — он отражает стремление
крестьян к созданию больших семей, которые в их представ-
лении были более зажиточными¹³. «Семьи были большие, от
10 до 30 душ, наша семья была: три женатых брата, у стар-
шего 8 детей, у второго, трое — все 19 душ. Такие семьи были
тогда в большинстве крепкими», — вспоминает И. Ф. Пустова-
лов, бывший крестьянин с. Преградного Медвежинского уезда¹⁴.

Это вполне согласуется с замечанием В. И. Ленина, данным
в работе «Развитие капитализма в России» — «состоятельные
дворы отличаются более высоким семейным составом, имеют
больше своих, семейных работников, чем дворы неимущие»¹⁵.

Часто большие семьи имели по два дома на одном дворе,
как, например, семья Горчаковых из с. Красногвардейского, сос-
тоявшая в начале XX века из матери, двух сыновей с женами
и детьми, дочери, деда с бабкой и их невестками¹⁶, или семья
Величко из с. Дмитриевского, насчитывавшая в 1911 г. 34 ду-
ши, которая состояла из родителей, шести сыновей с женами,
детьми и женных внуков¹⁷.

Сопоставляя данные о составе семей переселенцев и семей
крестьян-старожилов, можно сделать вывод, что в Ставрополье
шел процесс вторичного формирования больших семей вплоть
до начала XX века. Как указывалось ранее, социально-экономи-
ческие условия и специфический уклад жизни были здесь та-
ковы, что способствовали образованию большесемейных кол-
лективов из первоначально малых семей переселенцев. Боль-
шая семья как экономическая ячейка на вновь осваиваемых
землях оправдывала себя больше, чем малая.

Однако, несмотря на желания крестьян иметь большие се-
мьи, развитие капитализма разрушало старый семейный быт и
патриархальные устои. К концу XIX — началу XX вв. больших
семей на Ставрополье становится меньше, учащаются разделы
семей. Характерно, что кулацкие семьи и в это время продолжа-
ют оставаться большими. Например, семья кулака В. Обухова

¹³ Полевой материал 1979 г., с. Красногвардейское, М. И. Горяйнова (1894 г.), Е. Г. Коноплева (1898 г.), с. Преградное, А. Д. Пчелинцева (1905 г.).

¹⁴ Воспоминания И. Ф. Пустовалова. Рукопись, (музей с. Преградного), с. 68.

¹⁵ Ленин В. И. ПСС, т. 17, с. 107.

¹⁶ Полевой материал 1979 г., с. Красногвардейское, М. И. Горчакова (1896 г.).

¹⁷ Полевой материал 1979 г., с. Дмитриевское, П. А. Величко (1895 г.).

(с. Преградное) имела 15 душ, семья Амелянова—20 душ, Кунакова — 25 душ¹⁸.

Разделы семей в конце XIX—начале XX вв. происходили как в связи с более быстрым разрастанием семей (вследствие уменьшения смертности), так и вследствие проникновения в крестьянскую семью частнособственнических тенденций. Сыновей выделяли тогда, когда у них уже появлялись свои дети или даже внуки, так что часто выделившаяся семья уже была трехпоколенной и включала в себя несколько брачных пар. Раздел имущества происходил по числу старших мужчин в семье (а не внуков), если это не было специально оговорено в завещании (в случае раздела после смерти отца)¹⁹.

Особенно часты стали семейные разделы во время столыпинской реформы, когда многие большие зажиточные семьи, выходя на хутора, одновременно выделяли женатых сыновей. «В 1909 г.,—вспоминает П. А. Величко,—дед вышел на хутор, пять домов рядом поставил для сынов»²⁰. Выделившиеся сыновья часто продолжали вместе производить полевые и некоторые другие работы. Поэтому в землеустроительные комиссии Ставропольской губернии часто поступали прошения от выделяющихся братьев: «ввиду их хозяйственных целей нарезать участки смежно друг с другом»²¹.

Разделы больших семей проводили обычно осенью или зимой, после окончания полевых работ. К разделу тщательно готовились, заранее ставили или покупали дома, огораживали усадьбы для выделяющихся сыновей. При дележе одного сына оставляли в старом доме, с ним жили родители и он наследовал этот дом. Вот как описывает раздел своей семьи, ставшей к 1908 году уже четырехпоколенной, И. Ф. Пустовалов: «В нашем хозяйстве тоже назрел план раздела семьи, семьи скопилось 25 душ... Отец и мать твердо решили разделить всех сынов пока живы, и отец подал заявление на общество, чтобы дали две усадьбы для двух сынов, которых он будет отделять... До лета мы сложили две хаты, заготовили лес и черепицу, плотники поставили верхи и накрыли черепицей. Выделку делали зимой... Весной 1908 года мы доделали хаты, сделали по одному половнику, по конюшне с кладовками, а уборку посевов разделили по надельным душам на каждого брата. Убрали совместно..., рабочий скот тоже разделили, и каждый брат со своей семьей переселились в свою хату... Весь дележ проходил под руководством отца и матери. Мать играла большую роль. Дележ про-

¹⁸ Воспоминания И. Ф. Пустовалова, с. 65.

¹⁹ ГАСК, ф. 459, оп. 1, ед. хр. 4923.

²⁰ Полевой материал, 1979 г., с. Дмитриевское, П. А. Величко.

²¹ ГАСК, ф. 127, оп. 1, ед. хр. 13, с. 55.

шел без скандала, и мы с братом рядом жили, как одна семья»²².

Пример сравнительно недавно разделившейся семьи дает равизская сказка 1850 г. с. Новоселицкого. По номерам домохозяйств видно, что рядом живут три родных брата Плотниковых (Никифор Лазаревич, Елизар Лазаревич и Антон Лазаревич), в свое время выделившиеся из одной семьи. Семья Никифора Лазаревича состоит из 3-х поколений: отца, трех сыновей (один из них женат и имеет детей), дочери с зятем и их детей — всего 13 человек. Семья Елизара Лазаревича тоже трехпоколенная и состоит из 6 человек, у Антона Лазаревича в семье 4 человека — он, сын с женой и ребенком. Рядом с домохозяйствами братьев еще находятся три хозяйства Плотниковых, возможно, это двоюродные братья первых, жившие с ними когда-то в одной семье. Хотя нам точно не известно, когда произошел раздел этой большой семьи Плотниковых, но очевидно, что семья разделилась вследствие того, что разрослась до слишком больших размеров²³.

Как мы видим, после раздела члены большой семьи старались сохранить в какой-то мере свое прежнее единство. Разделившиеся братья ставили свои дома рядом, помогали друг другу в трудоемких хозяйственных работах. Иногда после раздела выделившиеся семьи питались из одного погреба и подвала еще целый год²⁴. Родители оставались жить с одним из сыновей по своему выбору, чаще всего с младшим²⁵. Споров при разделе имущества с отцом не возникало: «кому что отец дал, то считалось законом»²⁶. При выделе кроме дома старались дать каждому корову, инвентарь, между женщинами делили шерсть, коноплю; однако если в доме незадолго до раздела появлялась молодая невестка, на ее долю «прядева не давали, она его еще не заработала»²⁷.

Изредка бывало, что вследствие ссор и неполадок в семье отец решал выделить одного из сыновей. Считалось, что такой выдел — позор для молодых, особенно, если выделяли младшего.

Крестьянская семья представляла собой прежде всего хозяйственную единицу, поэтому особенно важным вопросом для ее характеристики является рассмотрение организации труда в семье. В малочисленных семьях не было ярко выраженного поло-возрастного разделения труда, как в больших семьях,

²² Воспоминания И. Ф. Пустовалова, с. 99—100.

²³ ГАСК, ф. 459, оп. 1, д. 49, с. 104—108.

²⁴ Полевой материал 1979 г., с. Преградное, М. А. Неделькина (1897 г.).

²⁵ Полевой материал 1979 г., с. Преградное, Н. М. Сидорова (1897), А. Д. Пчелинцева (1905 г.).

²⁶ Полевой материал 1979 г., с. Красногвардейское, М. И. Варко (1902 г.).

²⁷ Полевой материал 1979 г., с. Преградное, А. Д. Пчелинцева.

здесь на долю взрослого мужчины выпадали все мужские, на долю женщины — женские работы. В больших семьях, где было много женатых сыновей, отец и мать брали на себя руководящие функции, в частности, свекровь, как правило, не работала по дому, а только распоряжалась работой невесток. «Как сына женили, то уже не работали, а работали невестки»²⁸. Особенно много приходилось работать молодым невесткам, даже пойти в церковь у них часто не было ни времени, ни сил.

Существовавшее поло-возрастное разделение труда определяло и положение женщины в крестьянской семье. В сельском хозяйстве мужской труд имел в целом большее экономическое значение, чем женский. Обременительный труд женщин в домашнем хозяйстве не ценился и считался лишь придатком к основным занятиям — хлебопашеству и скотоводству, которые обеспечивали, главным образом, состоятельность семьи. Роль женского труда в сельском хозяйстве была вспомогательной, если в доме имелось достаточное количество мужчин, в обязанности которых входило производить пахоту, сев, косьбу, перевозку хлебов с полей домой и на железнодорожную станцию для продажи, молотьбу, а также уход за крупным рогатым скотом и овцами, построение и ремонт жилищ, если имелся фруктовый сад, то и уход за ним.

Женщины ухаживали за скотом и птицей, обрабатывали огород, жали хлеб и выполняли все домашние работы — пряли, ткали, отбеливали холсты, убирали во дворе и дома, носили воду, шили одежду, готовили пищу. В работах, считавшихся женскими, муж помогал очень редко, однако роженицам, если в доме не было других женщин, муж помогал ставить в печь чугуны и вынимать их, носил воду²⁹.

Приниженное положение женщины в крестьянской семье сказывалось и в порядке наследования, при смерти мужа жена не наследовала в большинстве случаев ни движимого, ни недвижимого имущества, наследниками считались дети, как мужского, так и женского пола, а мать просто назначалась сельским обществом опекуном своих детей до совершеннолетия. Причем, в качестве опекуна она была обязана периодически отчитываться перед обществом о произведенных в хозяйстве расходах³⁰.

В больших крестьянских семьях положение замужних женщин было часто более бесправным, чем в малых семьях, где жена была самостоятельной хозяйкой в домашних делах. С

²⁸ Полевой материал 1979 г., с. Красногвардейское, М. С. Пожидаева (1896 г.).

²⁹ Полевой материал 1979 г., с. Преградное, М. А. Неделькина, Н. М. Сидорова.

³⁰ ГАСК, ф. 10, оп. 1, дд. 1—3, 7, 8, 31. Ф. 293, оп. 1, ед. хр. 8—16, 25, 30, 32, 33.

точки зрения тяжести домашней работы положение женщины в большой семье было менее обременительным; так как здесь выполнение различных женских работ делилось между несколькими невестками, а в малой семье они сваливались на плечи одной женщины.

В большой семье обычно одна невестка готовила пищу, другая пекла хлеб, третья — кормила свиней и домашнюю птицу. Через неделю невестки менялись своими обязанностями. Свекровь им лишь изредко помогала, а чаще сидела на лавке и прjala. Стирала каждая сноха для своего мужа и детей каждую субботу, и снохи по очереди для свекра и свекрови. Топили печь женщины, солому для топки носила самая младшая невестка или девушки, а если их не было, то парни. Топить баню было обязанностью парней.

В свободное от других работ время невестки и девушки пряли (кроме пятниц, суббот и воскресений). В первый год жизни в новой семье молодой невестке «прядева» не давали, так как она его еще не заработала. Женщины и девушки ткали настольники, рушники, отбеливали холсты, шили одежду, вышивали, делали мережку на своих изделиях. Часто в небогатых семьях девушки нанимались к кулакам или лавочникам, чтобы заработать себе приданное. В начале XX века девушки ходили полоть подсолнечник, за 20 копеек в день, вязать снопы за 1 рубль в день³¹. М. И. Горайнова, жившая в семье, где было много дочерей, за 25 копеек в день убирала и готовила еду у лавочника, за два года она скопила себе деньги на хорошее приданое.

Часто бедные многодетные семьи вынуждены были с ранних лет отдавать своих детей в работники практически только за еду. «Самыми несчастными в селе считались те семьи, где было много девчат. Земли на женщин не давали и такие семьи жили бедно, в вечной нужде. Девчата с малых лет были работницами, няньками, кухарками...»³². Особенно часто, как отмечают информаторы, девочки-подростки 12—13 лет нанимались няньками в богатые семьи. В 1910 году такой няньке платили 3 рубля в месяц и кормили, но одежда была своя. Гости хозяев часто давали ей «чаевые», которые девочка также отдавала родителям³³. В пахоту и уборку труд девушек был нужен в своей семье, и тогда их забирали домой.

Мальчиков отдавали в «погонуши» на пашню или в подпаски.

Особенно много приходилось работать детям в семьях пере-
седенцев, которые не имели земли и жили в селах на поло-

³¹ Полевой материал 1979 г., с. Красногвардейское, А. М. Сиолянко (1902 г.).

³² Воспоминания И. Ф. Пустовалова, с. 66.

³³ Полевой материал 1979 г., с. Преградное, Н. М. Сидорова (1897 г.).

жении иногородних. А. А. Михайлев из с. Преградного с восьми лет жил в работниках у хозяина, он таскал воду из колодца, носил с поля арбузы, ездил с хозяином на озеро за солью, пас лошадей в поле, вечером приводил их домой (идти с поля он вынужден был пешком, так как был мал и не мог сам сесть на лошадь, утром его подсаживал хозяин, а вечером в поле было некому). С 9—10 лет в пахоту он уже ходил за плугом, работал в «жнивну», погонял лошадей на косилке. Все эти работы он выполнял за то, что хозяин его кормил, одевал в старье и давал его родителям сажень соломы в год³⁴.

«Детей отдавали в люди, они пололи, вязали на жнивах, за это не платили, а давали отработки — молотили, возили на лошадях», — вспоминает М. А. Неделькина. Иногда неимущие семьи посылали своих детей для заработков даже в другие села. Например, крестьянин Н. И. Василянский, живущий с семьей в селе Белая Глина, «сына своего Степана отдал в работники по найму на год государственному крестьянину села Павловского Ф. Нарыжному», у которого мальчик ухаживал за скотом на кощевке³⁵.

Внутренние взаимоотношения в крестьянской семье складывались под влиянием норм патриархального быта, основывались на подчинении младших старшим. Однако власть главы семьи носила деспотический характер, не меньшую, а порой даже и большую роль в решении основных семейных вопросов играла мать. У нее находились денежные средства семьи, которыми она распоряжалась вместе с отцом. В важных семейных делах обычно советовались со старшим сыном, прислушивались к мнению старшей невестки.

На Ставрополье резче, чем в центральной России проявлялась имущественная дифференциация среди крестьян, больше было зажиточных семей, что также накладывало отпечаток на права, а также ряд факторов экономического порядка обусловили больший, по сравнению с центральной Россией, демократизм семейного быта. В Ставропольских селах положение женщины в семье было довольно самостоятельным, это обуславливалось большей ролью женщины в ведении хозяйства, чем в России.

С конца XVIII до 30-х гг. XIX вв. многие села Ставрополья на некоторое время превращались в казачьи станицы (до 70-х гг.), мужское население часто отвлекалось на военные действия, поэтому хозяйство зачастую ложилось на плечи женщин. С 50-х гг. XIX в. в связи с развитием в Предкавказье товарного производства зерна, здесь, благодаря наличию большого количества скота, широко распространился извозный промысел, мужчины подолгу отсутствовали дома, передав хозяйство

³⁴ Полевой материал 1979 г., с. Преградное, А. А. Михайлев (1895 г.).

³⁵ Ставропольские губернские ведомости, 1886, № 35, с. 204.

в руки женщин. Это также укрепляло позиции женщин в семье.

Взаимоотношения в большой семье часто зависели от доброты и такта свекра и свекрови, от характера и поведения молодых невесток, но все информаторы отмечают, что в больших семьях жили, как правило, дружно, без ссор. «Наша семья жила дружно, любезно, без скандалов. Мать как-то умела улаживать всякие конфликты мирным путем, хотя жизнь еще была тяжелая: рубахи пеньковые, онучи, зипуны шерстяные, поршни — все это делали сами», — вспоминает И. Ф. Пустовалов³⁶.

Свекровь, как уже указывалось, распоряжалась всем домашним бытом, невестки обязательно спрашивали ее, что приготовить к завтраку или обеду, можно ли взять что-либо из продуктов, можно ли заняться тем или иным делом в свободное от постоянных обязанностей по дому время. Называли свекровь на Ставрополье «мамушка», почти все женщины-информаторы отмечают, что со свекровью жили дружно, «мамушка» была хорошая, не обижала, жалела. Если молодая невестка была застенчивая, стеснительная, свекровь старалась ее особенно ободрить, угощала сладостями, помогая ей быстрее включиться в новую семью.

Называли родителей и своих, и мужа обязательно на «вы», эта традиция пошла, видно, от украинских переселенцев. Молодые во всем слушались старших, не перечили им, «против свекрови не обзовешься», — говорили снохи³⁷. Если же невестка попадалась «зубатая», то свекор ее нередко за непокорность бил, муж за неуважение к родителям — тоже³⁸. Свекровь учила молодую невестку ведению хозяйства, этике взаимоотношений со старшими, с мужем, а также раскрывала ей правила интимной жизни с мужем (спать надо ложиться обязательно в платке; в посты, в пятницу, среду и воскресенье нельзя вступать в интимные отношения с мужем, и т. п.). Этому учила девушку иногда и мать, но чаще свекровь, при этом она «закрывала лицо платком или отворачивалась от девки от стыда»³⁹.

Старшая невестка пользовалась большим уважением в семье, она помогала свекрови ухаживать за ее младшими детьми, и те ее, как правило, очень любили. Младшие братья и сестры называли жену старшего брата «няня», «нянька», во всем ее слушались и часто сохраняли к ней привязанность и ходили к ней за советом до конца жизни⁴⁰.

При свекре невестки не ходили с непокрытой головой, не мыли при нем голову. Если случалось, что свекр заходил в

³⁶ Воспоминания И. Ф. Пустовалова, с. 69.

³⁷ Полсвой материал 1979 г., с. Преградное, Н. Н. Зацепина (1909 г.).

³⁸ Полевой материал 1979 г., с. Красногвардейское, М. С. Пожидаева.

³⁹ Полевой материал 1979 г., с. Преградное, Н. М. Сидорова.

⁴⁰ Полевой материал 1979 г., с. Дмитриевское, П. А. Величко, с. Ново-хайловское, Т. Гусарова.

комнату, когда невестка мыла волосы, то он тут же выходил. При муже женщины тоже старались не мыть голову. Уважение к старшим проявлялось во всех сферах общественного и, особенно, домашнего быта. Сельским старшиной и старостой общество всегда избирало стариков; встретив на улице старика или старуху, молодые обязательно останавливались и кланялись, даже если этот человек был им незнаком. Когда во дворе топили баню, то мылись в первую очередь свекор и свекровь, потом взрослые мужчины, за ними ребята, а самые последние — невестки и девушки. За столом также сначала начинали есть старшие, затем молодые и дети, лучшие куски, например, гузку, давали старикам.

В ставропольских селах нередко встречалось спохачество; в больших семьях случалось, что невестки жили и с деверями, даже имели от них детей⁴¹. Если об этом узнавал муж, то нередко происходили драки братьев или отца с сыном, бил муж за это и жену. Однако сожителство такого рода старались скрывать от односельчан, даже если домашним все становилось известно⁴². «Что в семье робиться, на улицу не выносят,— учила в таких случаях свекровь сноху,— люди не пособляют в семье, а только разврат делают»⁴³. Были случаи, что из-за несговорчивости свекор начинал ее преследовать, иногда даже выделял своего сына, ее мужа, из семьи на крайне невыгодных имущественных условиях. Конечно, и свекровь, в свою очередь, преследовала невестку, если она пользовалась особым вниманием свекра.

Перейдя в новую семью, невестки, как правило, не забывали и своих родных, часто навещали их, помогали, если было нужно. В воскресенье женщина обычно брала своих детей и шла в гости к своим родителям. «Если маму неделю не видеть, то это умереть можно было»,— говорили женщины⁴⁴.

Взаимоотношения в семье между супругами во многом зависели от их склонности и привязанности друг к другу. В конце XIX века во многих семьях браки заключались лишь по решению родителей, молодые находились в полной зависимости от старших в семье. Родители часто смотрели на брак как на чисто экономическую акцию, необходимую для успешного ведения хозяйства и производства потомства, не считаясь при этом со склонностями своих детей. Однако в это время все более настойчиво проявляется стремление молодых заключать браки по своему выбору. И. Ф. Пустовалов вспоминает случаи «убегов невест», относящиеся к 1890 г., когда их хотели выдать замуж за нелюбимого. Парни все чаще стали тайно увозить полюбив-

⁴¹ Полевой материал, 1979 г., с. Преградное, А. Д. Пчелинцева.

⁴² Полевой материал 1979 г., с. Преградное, А. Д. Пчелинцева.

⁴³ Полевой материал 1979 г., с. Дмитриевское, Т. С. Коваленко (1895 г.).

⁴⁴ Полевой материал 1979 г., с. Преградное, А. Д. Пчелинцева.

шихся им девушек, если против желания их хотели выдать замуж за богача⁴⁵. В таких случаях родители невесты в конце концов примирялись с новым зятем. Информаторы вспоминают случаи, когда девушки, насильно выданные замуж, кончали жизнь самоубийством⁴⁶, когда муж задушил жену, на которой его заставили жениться⁴⁷. Конфликт между представлениями о браке старшего поколения и молодых нашел свое отражение в популярной на Ставрополье песне:

Как задумал сын жениться, дозволенья стал просить,
Дозволь, папенька, жениться, дозволь взять, кого люблю.
Отец сыну не поверил, что на свете есть любовь,
На свете все люди равны, можно каждого любить,
Можно с каждым говорить.

Естественно, что обвенчанные не по своему желанию молодые не всегда жили мирно и дружно, в таком случае родители «присуху делали кнутом; если молодые не ладно жили, то тоже этот метод кнута применяли, и случаев развода не было, эти присухи помогали»⁴⁸. Если жена хотела уйти от мужа и обращалась за поддержкой к своим родителям, то те, обычно, старались ее уговорить, «образумить», заставляли вернуться к мужу. «Ты иди, да поклонись в ноги, да попроси прощения», — учила мать такую дочь⁴⁹. Но иногда все же были такие случаи, когда жена уходила от мужа к родителям или даже сходилась с другим. Юридические разводы среди крестьян Ставрополья практически не были известны, поэтому раздоры супругов иногда кончались весьма трагически. Так например, в селе Дербентовском муж, посхав с женой на ярмарку, по дороге убил ее в степи и сжег, так как «они жили несогласно» из-за разницы в возрасте, ему было 60, а ей 42 года⁵⁰.

Большей частью молодые старались скрыть свои ссоры от родителей. «Бывало, мужик гулял, грызлись с женой, но чтоб батько с матей не знали»⁵¹. Однако как ни старались супруги скрыть свои неурядицы, часто о них узнавали родственники и соседи, которые активно вмешивались в семейные дела, вставая на сторону обиженного. Например, в Кавказскую палату уголовного и гражданского суда поступило дело об экономиче-

⁴⁵ Воспоминания И. Ф. Пустовалова, с. 101—102; ГАСК, ф. 49, оп. 1, д. 2343.

⁴⁶ Воспоминания И. Ф. Пустовалова, с. 101.

⁴⁷ Полевой материал 1979 г., с. Красногвардейское, Г. М. Никулина (1899 г.).

⁴⁸ Воспоминания И. Ф. Пустовалова, с. 46.

⁴⁹ Полевой материал 1979 г., с. Красногвардейское, Е. Г. Коноплева (1898 г.).

⁵⁰ Ставропольские губернские ведомости, 1880 г., № 43, с. 3.

⁵¹ Полевой материал 1979 г., с. Дмитриевское, Т. С. Коваленко.

ском крестьянине Иване Реулове. Он потребовал у своей жены «для пропою 10 копеек», она ему их дала, и, «рассердившись, пошла со двора», за что муж ее стал непристойно ругать, но тут сестра жены Домна, стоявшая на улице, «подошедши к нему, схватила его за бороду и начала рвать и вырвала несколько волос». Муж Домны также заступился за женщин и стал укорять Ивана⁵².

В тогдашних условиях страдающей стороной в семейных ссорах были, большей частью, женщины — «побой жен были в моде»⁵³, пьяные мужья избивали жен, даже когда были взрослые дети, хотя взрослые сыновья нередко вступались за мать. Не все жены молча и покорно терпели побои. В делах Кавказской палаты уголовного и гражданского суда встречаются дела исследуемого периода, когда жена в ответ на издевательства и побои мужа утопила его в реке, ударила топором и т. п.⁵⁴

Однако неверно будет представлять отношения между супругами в дореволюционной крестьянской семье Ставрополя как сплошные ссоры и конфликты. Было много и дружных, сплоченных семей, где «муж советовался с женой, хотел, чтобы жена лучше нарядилась, не бил. Что купить, все советовался с женой»⁵⁵.

Образ жизни и стиль поведения тех или иных членов крестьянской семьи передавался из поколения в поколение. Вставали в селе рано, женщины растапливали печь и начинали готовить еду, мужчины давали корм скоту. За стол вся семья садилась вместе. Даже если большая семья жила в двух домах на одном дворе, ели все равно все вместе в том доме, где жили старики. В этом доме и готовили, пищу приготавливали на завтрак и на обед, на ужин доедали то, что осталось от обеда. Подавали на стол невестки, обычно старшие, если их не было в семье, то подавала мать, иногда старшая сестра. Ела семья из одной большой чашки или деревянного блюда (в зависимости от рода пищи. Первую ложку съедал глава семьи, за ним приступали к еде остальные — сначала взрослые, потом дети. Вилоч не было, мясо, вареники брали руками; руки обтирали о волосы или тряпки. После последнего блюда выходили из-за стола поодиночке.

Спала вся семья зачастую в одной комнате. Если в хате было две комнаты, то в одной спали старики и дети, а в другой супружеские пары с грудными детьми. Старики и дети спали зимой на печи, остальные спали на так называемом «полу» — деревянном настиле, шедшем от печи вдоль стены, подстелив подстилки и подушки и накрывшись суконными домотканными

⁵² ГАСК, ф. 49, оп. 1, д. 2304, с. 47.

⁵³ Воспоминания И. Ф. Пустовалова, с. 43.

⁵⁴ ГАСК, ф. 49, оп. 1, д. 237.

⁵⁵ Полевой материал 1979 г., с. Преградное, А. Д. Пчелинцева.

ложниками и шубами. В конце XIX—начале XX веков в богатых семьях появляются деревянные кровати с простынями и одеялами, однако и на кровать чаще стелили подстилки и ложники, а бельем с кружевами и вышивкой убирали кровати лишь в праздники. Над кроватью или над «полом» к железному кольцу в потолке подвешивали люльку.

Летом, в жару, часто спали на земляном полу (в хате) или во дворе, подстелив солому. Девушки, если в семье были взрослые парни или мужчины, спали летом во дворе в «пуньке» или «хижке» — небольшом неотопливаемом домике. Там часто спали подростки и молодые супруги, у которых еще не было детей. Иногда в «пуньке» спали и зимой, предварительно нагрев ложники и подушки на печи дома.

Дореволюционные крестьянские семьи были многодетными. «Многодетные семьи тогда были в почете, были рады, что семья прибавилась», — вспоминает И. Ф. Пустовалов⁵⁶. Бездетность считалась большим несчастьем, если своих детей в семье не было, то часто усыновляли сирот, преимущественно мальчиков. При этом усыновляли иногда не только супруги, но и одинокие мужчины, как свидетельствуют документы. В архиве сохранилось множество дел «о причислении крестьянских сыновей за усыновлением их в семью»⁵⁷.

Воспитание детей происходило в процессе трудовой деятельности семьи. В семье дети усваивали основные черты крестьянского мировоззрения — любовь и уважение к труду, бережливость, преданность своей семье. С ранних лет детям прививалось уважение к старшим, почтение к старикам, проявляющееся во всех сферах семейных взаимоотношений. Учили детей также правилам поведения на улице, в церкви, за столом. Кормили детей обычно за общим столом, но если детей в семье было много, то они ели отдельно, на «полу». Детей учили относиться к еде серьезно, беречь ее, не баловаться и не разговаривать во время еды. «Глядите не кидайтесь, — наставляли детей взрослые, — сперва жижекку, потом с краю берите себе кусочек»⁵⁸. С гостями дети не сидели, их кормили раньше и они уходили из-за стола.

Наказывали детей мало и редко, лишь в исключительных случаях били веревкой. В 1894 г. газета «Северный Кавказ» писала об избиении крестьянином за непослушание своего сына как о случае возмутительном и из ряда вон выходящим⁵⁹, это говорит о том, что на Ставрополье физические наказания детей не были нормой.

⁵⁶ Воспоминания И. Ф. Пустовалова, с. 107.

⁵⁷ ГАСК, ф. 459, оп. 1, д. 4433, 2628.

⁵⁸ Полевой материал, 1979 г., с. Преградное, А. Д. Пчелинцева.

⁵⁹ «Северный Кавказ», 1894 г., № 24, с. 4—5.

Мальчики с девяти-десяти лет обычно ходили в школу два-три года, однако, если почему-либо ребенок не хотел учиться, его и не принуждали. Девочки в школу в подавляющем большинстве не ходили и оставались на всю жизнь неграмотными.

С ранних лет детей приучали к работе, они выметали двор, собирали и выносили кизяки, собирали, особенно лстом, траву и бурьян для топки. Дети работали в огороде, убирали там овощи, пололи, копали. Совсем еще маленькие дети пасли гусей. Во время покоса утром «гоняли на колос гусей», днем пригоняли их на речку, а вечером опять «на колос»⁶⁰. «Были еще такие гусиные пастухи, как я,— вспоминает И. Ф. Пустовалов,— и мы каждый свой гурток гоняли на попас, на убранные поля. Пасли с восходом солнца до жары, до припека, а потом гнали в эти заливы до тех пор, пока не заходит, опять гнали их на попас и пасли до захода солнца, а потом гнали домой, по пути дав им покупаться и попить воды в заливе, и так ежедневно»⁶¹. Девочки с матерью «гоняли на колос» свиней.

С 10—12 лет девочки начинали прясть, помогали матери ткать, отбеливать холсты, вышивали, вязали чулки, кружева к рушникам и настольникам. 10—12 лет были переходным возрастом у девочек, до этого времени они ходили в рубашках, а 12 лет (в бедных семьях и позже) их уже одевали в юбки и кофты, как девушек, и начинали готовить к замужеству, учили женским работам, понемногу готовили приданое. Обязанностью девочек в доме было поддержание в чистоте земляного пола в хате. Каждую субботу и к праздникам девочки «стирали зем» — подметали и подмазывали глиной полы. Летом девочки помогали в поле, пололи, «жнива вязали».

Мальчики в 10 лет помогали взрослым в основных сельскохозяйственных работах — работали на косилках, пасли лошадей, крупный рогатый скот. Ребятам было приятно чувствовать себя настоящими работниками в семье. И. Ф. Пустовалов вспоминает, как в этом возрасте он со своим ровесником — крестником отца — помогал взрослым в пахоте. «На посевной мы уже с ним самостоятельно управляли плугом, отец только сеял, да ночь за быками глядел, а днем мы пахали... Тимоха на борозду, а быки уже приучены, из борозды их не выбеешь. плуг на ходу выкидывал и закидывал, я только выведу быков. Пашня у нас получалась ровная, красивая, отец нас хвалил, и нам было это лестно, что мы уже работаем, работа нас не угнетала, а нам было весело ее выполнять»⁶². В 14 лет ребят учили уже косить, до этого времени им давали понемногу работать с косой, но со взрослыми они еще не косили. «Так

⁶⁰ Полевой материал 1979 г., с. Красногвардейское, М. М. Горчакова (1898 г.), А. А. Катунина (1898 г.).

⁶¹ Воспоминания И. Ф. Пустовалова, с. 29.

⁶² Воспоминания И. Ф. Пустовалова, с. 42.

навихляешься за день, что и во сне дергаешься, как будто косишь сенокос»⁶³.

С 16—17 лет девушки и парни уже выполняли все работы по хозяйству наравне со взрослыми.

Таким образом, мы видим, что на Ставропье в XIX—начале XX вв., в процессе колонизации и экономического освоения целинных земель сложился определенный тип социально-экономических отношений, который отразился в специфике семьи и семейного быта крестьян этого края. Наличие свободного земельного фонда, а позднее и низкие арендные цены на землю обусловили возникновение и длительное существование здесь больших семей. С другой стороны, быстрое развитие на Северном Кавказе капиталистических отношений и интенсивное проникновение их в крестьянское хозяйство Ставрополья подрывало изнутри большие семьи, способствуя распаду и разделу их на малые семьи. Особенно этот процесс усилился во время столыпинской реформы.

Итак, рассматривая семейный быт русского и украинского населения Ставрополья, можно сделать вывод, что в общих чертах он повторяет семейный строй крестьянства России, однако, вследствие определенных исторических условий и типа хозяйства на Ставрополье, крестьянская семья приобрела здесь специфические, характерные для этого региона черты.

Зверева Ю. И.

К ИСТОРИИ ПОСЕЛЕНИЯ АБАЗИН-ШКАРАУА (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА)

Проблемам возникновения, существования и развития поселений посвящены труды ученых различных специальностей — историков, географов, этнографов.

Немало научных исследований посвящено изучению развития поселений отдельных народов. Вопрос же истории абазинских поселений до сих пор не затрагивался в науке, хотя в последнее время публикуется все больше исследований, отражающих историю и этнографию абазинского народа. В трудах Л. И. Лаврова, Е. Н. Даниловой в той или иной степени затронут круг проблем по истории, хозяйству, расселению, семейному и общественному быту, материальной культуре абазин, которые непосредственно связаны с формированием и развитием поселений.

⁶³ Воспоминания И. Ф. Пустовалова, с. 61.

Этнографы придают большое значение изучению поселений как одного из первых по достоверности источников, охватывающих все основные стороны культуры и быта народа, его социальную историю¹.

К сожалению, у абазин этот источник периода до 60-х гг. XIX века утрачен, так как поселения были уничтожены в результате военных действий на Кавказе в первой половине XIX в.

Данная статья ставит своей целью дать характеристику поселений абазин-шкарауа в первой половине XIX века, учитывая особенности их исторического развития. Исследователи неоднократно отмечали трудности, с которыми связано изучение истории этого народа. Архивные материалы скупы и отрывочны, а зачастую противоречивы, поэтому в статье использованы работы советских историков, этнографов, мемуарная литература.

Абазины делились на две большие группы: северокавказские (тапанта и шкарауа)² и южные (прибрежные садзы или джигеты, горные медовеевцы). Исторические судьбы тапанта и шкарауа таковы, что тапантовцы, переселившиеся в предгорья Северного Кавказа еще в XIII—XIV веках, вошли сразу же в контакт с кабардинцами и черкесами; известия же о шкарауа на Северном Кавказе в документах прослеживается не далее, чем в середине XVII в. Поселившись высоко в горах, шкарауавцы продолжали поддерживать тесные связи с южными абазинами, особенно с медовеевцами, а также с цебельдинскими абхазами. Особенности исторического развития, природных условий не могли не оказать влияния на социально-экономическое развитие двух групп одного народа.

В самом начале XIX в. шкарауавцы жили в верховьях р. Большой Зеленчук, Уруп, Фарс, Ходзь, Гупс³. Поселения эти были достаточно стабильными, при всех последующих переселениях их жители, как правило, возвращались на прежние места. Причины переселений различны — эпидемия чумы, военные действия на Кавказе. Первая половина XIX в. характерна наиболее частыми переселениями абазинских аулов. Расселение абазин-шкарауа в первой половине XIX века было следующим:⁴ башибаевцы в тридцатые годы XIX века жили в верховьях

¹ Робаклидзе А. И. Поселение как источник изучения общественного быта. М., 1964, с. 2.

² В составе тапанта были следующие подразделения: дудуруковцы, лововцы, бибердовцы, джантемировцы, клычевцы, кячевцы, трамовцы; в составе шкарауа: башилбаевцы, баракаевцы, баговцы, кызылбековцы, шагиреевцы, тамовцы.

³ Лавров Л. И. Абазины. — «Кавказский этнографический сборник». 1955., № 1, с. 28—30.
XVIII—начале XX вв. М., 1974, с. 73—74; ЦГВИА, ф. 414, лл. 92—99;

⁴ Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 18511, лл. 1—7.

р. Уруп, в местах, которые они занимали с середины XVII в. 50-е годы они переселились на р. Фарс и Псефир, ближе к Кубани, образовав селения Кюсан-Камардун, Токам-Блянау и Егибоковское. В середине 50-х годов в верховьях Большой и Малой Лабы образовали еще несколько селений: Сидова, Худакирова, Исламова, Жеткерова, численностью 250—320 дворов. Тамовские селения в это же время находились в верховьях Большой Лабы. В 50-е годы известны два селения на правом берегу Большой Лабы — Малый Там и на левом берегу Большой Лабы — Большой Там общей численностью 150 дворов.

Кызылбековцы заселяли верховья реки Андрюк. По описанию Засса поселения состояли из одного аула и нескольких хуторов. Известен в это время кызылбековский аул Мистерской⁵.

Шахгиреевцы занимали места по крутым и обрывистым берегам р. Малая Лаба, в самых верховьях ее, у подножья Главного Кавказского хребта. В то время существовали четыре селения — Мухамеда Кубатова, Эфенди Шаторова, Кельмуризева и Цикисова.

По сведениям Ф. Торнау, баговцы жили в трех селениях над р. Ходзь у горы Ашбог. Известно, что на левом берегу р. Ходзь находилось селение Багушева, состоявшее из 60—65 дворов.

В 30-е годы три селения баракаевцев находились у «подошвы» главного хребта Кавказских гор» на утесистых берегах р. Гупс. В 40-е—60-е годы известны: селение Бзекезова (низовья р. Гупс — 25 дворов), в верхнем течении этой же реки — два селения Барака Дахова, насчитывавшие 35 и 40 дворов.

Для поселений абазин был характерен приречный тип заселения. Горные селения располагались в труднодоступных местах, в верховьях больших рек и ручьев.

Аулы состояли из нескольких хуторов-квей. Можно предположить, что каждый такой хутор представлял собой в прошлом небольшое патронимическое селение. Один из старейших жителей а. Апсуа (бывшее Шахгиреевское) М. Тлисов рассказывал: «На нынешнее место приехал мой отец с двумя братьями. Там, где раньше жили, весь аул был нашей фамилии Цишба (абхазское звучание фамилии Тлисовых. — Ю. З.), а когда сюда переехали, поселились все вместе и из других фамилий не разрешали селиться рядом»⁶. Хуторскому характеру горных селений, который был присущ убыхским, абадзехским, натухайским, шапсугским аулам, способствовала форма землевладения. В абазинской сельской общине-кыт, которая, как правило, представляло одно селение, действовало захватное (заимочное) право на землю, которое было начальной формой землевладения у всех народов.

Естественный прирост населения требовал расширения

⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 6652, л. 4-об.

усадыбы за счет определенного запаса земли. В стабильно существовавшем на одном месте поселении подобного типа такие хутора постепенно превращались в патронимические кварталы. Этот процесс можно проследить на примере старинных кабардинских и балкарских селений⁷.

Ф. Торнау, бывший на Северном Кавказе в 30-е годы XIX века, дает такое описание горного абазинского аула: «Несколько сот бедных мазанок, составлявших аул, были разбросаны на довольно большом расстоянии, прислонясь тылом к дремучему лесу, доставлявшему жителям верное убежище»⁸.

На три версты были растянуты аулы башилтаевцев, располагавшиеся в труднодоступных верховьях р. Уруп⁹.

Горные селения в большинстве случаев были малодворными. О небольших селениях баракаевцев писал в 1803 г. Потемкин¹⁰. В середине XIX века в Баговском ауле Бзекезова было 25 дворов, баракаевском ауле Барока Лахова на р. Гупс — 35 дворов. Но были и многодворные селения — в двух тамовских аулах Селимана и Джантемира Заурумовых было 250 дворов, в башилтаевском ауле Сидова — 130 дворов¹¹.

Кроме разбросанных на большом пространстве аулов, были и более компактные. Так, известно, что кызылбековский аул Мистерской был расположен в местности, окруженной лесом, перерезанной оврагами, сильно укреплен плетнями и завалами, имел одни выездные ворота. Так укрепить можно было аул с большой плотностью расположения усадеб¹².

Аулы располагались одиночно, гнездами, агломерациями. Известны группы селений баговцев на р. Ходзь, баракаевцев на р. Гупс, агломерации поселений башилтаевцев на р. Уруп¹³.

Большую роль в развитии поселений играет хозяйственная деятельность населения. Традиционно сложилось мнение, что ведущим в хозяйстве всех абазин было отгонное скотоводство, в то время как земледелию отводилась подсобная роль. На том основании, что земли распахнулось мало, пашенное земледелие в горах сочеталось с мотыжным, его называли примитив-

⁶ Полевые материалы СКЭЭ МГУ, 1965 г. Информатору М. К. Тлисову было в это время более 90 лет.

⁷ Асанов Ю. Н. Поселения, жилища и хозяйственные постройки балкарцев. Нальчик, 1976, с. 21; Кобычев В. П. Города, селения, жилища. — В сб.: Культура и быт народов Северного Кавказа. М., 1968, с. 94.

⁸ Торнау Ф. Воспоминания кавказского офицера, кн. II. М., 1864, с. 21.

⁹ ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 18511, л. 95.

¹⁰ Там же, с. 98.

¹¹ Данилова Е. Н. Сельская община у абазин в 40—90-е годы XIX в. Канд. дисс. М., 1974, с. 111; Лавров Л. И. Указ. соч., с. 30.

¹² ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 6652, лл. 4-об-5.

¹³ ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 18511, лл. 5-об-6; ф. 414, д. 434, л. 95.

ным. С этим нельзя согласиться. Все абазины большое значение придавали земледелию, особенно шкарауа. В. К. Гарданов прав, поставив вопрос о соотношении земледелия и скотоводства у разных этнических групп одного народа на примере адыгов¹⁴.

Абазины-шкарауа так же, как и часть адыгов, жили в горах, в то время как тапантовцы заселяли предгорья. Это уже само по себе не могло поставить в равные условия их хозяйственную деятельность. М. Венюков, сам побывавший в конце 1861 г., на Лабе, Ходзе, Гупсе, Фарсе, Белой (т. е. в местах, где раньше жили абазины и абадзехи), во вновь созданных в нагорной полосе станицах, нашел там превосходные земельные угодья, отличный климат, обилие воды, довольно широкие дороги, соединявшие уничтоженные горские аулы. Казалось бы, станицы в таких благодатных местах должны были быстро разбогатеть, но этого не случилось. М. Венюков объясняет это грабительской по отношению к казакам политикой царской администрации¹⁵. Л. В. Македонов видит иные причины жалкого положения станиц Нагорной полосы. Давая описание местности в районах станиц Нагорной полосы майкопского отдела, в частности, Баракаевской (бывшее место поселений баракаевцев), он отметил, что «тысячелетний опыт горской культуры для новых людей (казаков.— Ю. З.), пришедших сюда с традициями степного равнинного хозяйства, пропал бесследно, сенокосные поляны заросли, бесчисленные сады пропали»¹⁶. Ф. Торнау отмечал, что баракаевцы богаче кызылбековцев, тамовцев, баговцев¹⁷. Поляк Т. Лапинский, проживший на Северо-Западном Кавказе почти 4 года, описывая непокорные народы западного берега Черного моря до верховьев р. Кубань (таким образом, включая земли, занятые абазинами-шкарауа), называл их общим именем — абазы. В своих высказываниях о хозяйственной деятельности он категорично утверждает, что земледелие — главное их занятие. Т. Лапинский отмечает, что «скот на равнине — сильнее и многочисленнее, чем в горах»¹⁸.

Малоземелье действительно ограничивало развитие земледелия вширь, но в то же время способствовало проведению селекционной работы. Свидетельством тому служит письмо правителя Таврической области В. В. Коховского для доклада Г. А. Потемкину от 19 октября 1785 г., в котором говорилось: «По получении письма Вашего, включенных в оное семян, по разве-

¹⁴ Гарданов В. К. Земледелие у адыгов в XVIII—первой половине XIX в.—«Советская этнография», 1965, № 4.

¹⁵ Венюков М. Кавказские воспоминания.—«Русский архив». 1880, № 1, с. 133.

¹⁶ Македонов Л. В. В горах Кавказа. Воронеж, 1908, с. 203.

¹⁷ ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 18511, л. 5—5-об.

¹⁸ Записки РГО, кн. 1, (критика и библиография). Спб., 1863, с. 5—6.

дыванием об них в Симферополе пришел было я в отчаяние, но из разысканных по разным местам, господин коллежский ассесор Караценов нашел их у татарина, живущего при источнике р. Кабарты, оные при сем к Вам препровождаю. Помянутый татарин называл их «абаза конакай», поелику сей продукт есть абазинский, и, делая из них употребление, как из обыкновенного проса, варил кашу и максыму или пьяную бузу. Другой род семян называется «мумай», оба сеялись татаринами вместе»¹⁹.

Отсутствие весенне-осенних пастбищ в предгорьях, необходимость платить за пользование ими дань бесленеевским князьям сдерживало развитие отгонного скотоводства. Экономически более сильными среди шкарауа были башилбаевцы. Еще в XVII веке Э. Челеби называл их сильным народом²⁰. Нет определенных сведений и о зависимости башилбаевцев от черкесских князей и, в связи с этим, выплаты дани за пользование пастбищами. К. Ф. Сталь о них писал, что башилбаевцы мало занимаются земледелием, а скотоводство — их важнейшее занятие²¹. Скотоводство в данных природных условиях приносило большую выгоду²². В целом для абазин-шкарауа было характерно такое сочетание земледелия и скотоводства, которое, в равной степени обеспечивало поддержание их жизнедеятельности. Пахотные земли, сенокосные угодья располагались вблизи аулов. Рядом находились огороды и сады. В огородах росли фасоль, горох, чеснок, в садах — яблоки, груши, волошские орехи.

Определение типа поселений шкарауа затруднено тем, что развитие их общественных отношений изучено недостаточно. Л. И. Лавров подчеркнул, что в XIII—первой половине XIX вв. феодальные отношения у абазин не были достаточно развиты, хотя и существовало четкое классовое деление, которое сформировалось еще до переселения их на Северный Кавказ²³. Такой вывод верен для всех групп абазин. Однако, как в работе Л. И. Лаврова, так и в других публикациях, по абазинам не исследуются сколько-нибудь детально общественные отношения у абазин-шкарауа. Это неудивительно, так как нет материалов хотя бы частично равноценных тем, которые мы имеем по другим народам, например, близким к шкарауа горным адыгам. Несмотря на скудость источников, мы считаем, что нельзя упускать из виду это важное обстоятельство.

Адыгов еще с XIX века в науке принято делить на «аристо-

¹⁹ ЗООИД, т. X. 1877, Одесса, 1875, с. 246.

²⁰ ЗООИД, т. IX. Брун Ф. Путешествие турецкого туриста вдоль по восточному берегу Черного моря. Одесса, 1875, с. 180—181.

²¹ Сталь К. Ф. Этнографический очерк черкесского народа. Кавказский сборник, т. XXI. Спб., 1900, с. 81.

²² ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 18511, л. 5—5-об.

²³ Лавров Л. И. Указ. соч., с. 20—21.

кратические» и «демократические» племена, подчеркивая этим состояние по-разному протекавших и вылившихся в различные организационные формы внутренних противоречий в недрах тех и других»²⁴. Подобное явление ученые называют «ацентрической феодальной системой»²⁵. В отличие от тапантовцев, в течение нескольких веков поддерживавших близкие контакты с черкесами и кабардинцами, шкарауа были изолированы от народов, феодальное развитие которых находилось на более высокой ступени. Близкие отношения шкарауа поддерживали с южной группой абазин, жившими на побережье джигетами и, особенно, с горными медовевцами. О джигетах в одном из документов говорится, что у них «княжеские и дворянские роды утратили свою власть, средние сословия уравнены с ними, и общественное устройство приняло тот же вид, как и у черкесов, за исключением сохранения некоторых прав дворянства»²⁶. Это было отражением общественного переворота, совершенного в конце XVIII века абадзегами, шапсугами, натухайцами, приведшего к замене господства феодальной знати выборным управлением народных старшин и оказавшего влияние на общественное развитие других народов.

С медовевцами шкарауа связывали родственные отношения. Л. Я. Люлье прямо называет баговцев и шахгиреевцев отделившимися от медовеевцев, то же самое Потемкин говорил о кызылбековцах; о связях тамовцев с медовевцами писали Новицкий и Клапрот²⁷. М. Венюков писал о медовевцах, что они «не имеют князей и наслаждаются самою дикою вольностью»²⁸. В связи с этим, неслучайным нам кажется, что при перечислении шкарауавских тапантовских поколений в архивном документе начала XIX в. указывается, что буракаевцы (баракаевцы.— Ю. З.) управляются первостепенными старшинами Гуншико и Лахур; баг — старшинами из фамилии Цикишир; кызылбековцы — старшинами Кызылбековыми, тамовцы — первостепенными старшинами из фамилии Заурум, башилбаевцы — старшинами Измалыко и Егибоко. В том же документе перечисляются князья абазин-тапанта — Лоовы, Дударуковы, Каповы, Бибердовы²⁹. Но и среди шкарауа в разных подразделениях общественное развитие было неодинаковым. Неслучайно башил-

²⁴ Лашук Л. П. Введение в историческую социологию. М., 1977, вып. II.

²⁵ Там же, с. 120.

²⁶ ГАКК, ф. 260, оп. 1, ед. хр. 1209, л. 13.

²⁷ Волкова Н. Г. Указ. соч., с. 74; Люлье Л. Я. Общий взгляд на страны, занимаемые горскими народами: черкесами, абхазами и другими, смежными с ними.— «Записки РГО», кн. IV. Тифлис, 1857, с. 181.

²⁸ Венюков М. Очерк пространства между Кубанью и Белой.— «Зап. РГО», кн. 2. Спб., 1863, с. 50.

²⁹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6244, л. 103.

баевская фамилия Сидовых часто упоминается как княжеская³⁰, М. Венюков же причисляет их к узденям³¹.

Л. Я. Люлье обратил внимание на то, что «в отношении разделения тех племен на черкесских Адиге и абхазских Азеге следует заметить, что кабардинцы и другие адыгские племена, сохранившие феодальное управление, называют абадзехов, шапсугов и натухайцев общим именем абадзе-чиль, что значит абазинские народы; всех же закубанцев, включая бесленеевцев — княх, то есть низовые жители. Абадзехи же, шапсуги и натухайцы называют все племена, сохранившие феодальное управление, включая в то число и кабардинцев — Адиге-чиль, то есть адыгские народы»³². Подтверждение этому есть и у Хан-Гирея³³. Т. Лапинский не видит разницы в политическом устройстве описываемых им горцев Северо-Западного Кавказа... Мы считаем возможным дать его описание структуры горских обществ, считая, что оно в известной степени относится и к абазинам-шкарауа. Он пишет, что каждое колено горцев делится на роды, которые в свою очередь, делятся на семьи, но и «колена, и роды, и семьи одного племени живут смешанно, и в каждом округе представлены все колена и роды. Административное деление: сотня дворов или семей представляют деревню, разбросанную на целую квадратную милю. Эти сотни составляют как бы отдельную республику под управлением своих старейшин — тамита, а вся земля составляет федерацию таких республик; союз между ними крепок, так как они родственны друг другу и свято чтут это родство. Внутри каждая сотня делится на десятки дворов, и десять представителей вместе с иманом составляют совет и суд сотни»³⁴.

Абазины, подобно адыгским братствам, помогали друг другу в ходе Кавказской войны, принимали в свою среду представителей других народов. Так, кызылбековский аул Мистерской принял часть бесленеевских, бежавших в горы во время принесения покорности бесленеевского народа³⁵. В результате княжеских усобиц часть тапантовцев переселилась к башилбаевцам³⁶.

Вместе с тем известно, что у абазин были свободные и зависимые сословия. Это, однако, не противоречит вышесказанному. В науке достаточно освещена внутриполитическая ситуация, сложившаяся в конце XVII — начале XIX вв. у горных

³⁰ Сталь К. Ф. Указ. соч., с. 80; Сакович П. М.: Статья памяти Г. В. Новицкого. — «Русская старина», № VI, Спб., 1878.

³¹ Венюков М. Очерк пространства ..., с. 67.

³² Люлье Л. Я. Указ. соч., с. 183.

³³ Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик. 1978, с. 229.

³⁴ Записки РГО, кн. 1. Спб., 1863, с. 16.

³⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 6652, л. 4-об.

³⁶ Лавров Л. И. Указ. соч., с. 10.

адыгов. Было отмечено, что, несмотря на некоторую демократизацию политического строя, уже существовавшие основы феодального общества остались непоколебленными³⁷. Это и способствовало быстрому возвышению старшинской верхушки, социально-экономической базой которой было равное право всех свободных сословий на землю и зависимых крестьян. Неслучайно поэтому по одним сведениям башилбаевцы управлялись старшинами, узденями Сидовыми, а в других Сидовых называют князьями.

Возвышение старшин в первой половине XIX в. сыграло определенную роль в столь длительном сопротивлении переселенческой политике русского самодержавия, а также в том, что большая часть шкарауа переселилась в Турцию. Это обстоятельство было отмечено на одном из совещаний³⁸. Так же, как и адыгов, новая прослойка неродовитого абазинского дворянства боялась переселения на плоскость, связывая это с потерей своих прав на зависимых крестьян, а более всего того, что не сможет рассчитывать на привилегии, даваемые русским правительством родовитым княжеским фамилиям. Право на привилегии нужно еще было доказать, чего, конечно, старшинская верхушка не смогла бы сделать.

Список сокращений

ЦГА СО АССР	— Центральный государственный архив Северо-Осетинской АССР.
ЦГВИА	— Центральный государственный военно-исторический архив.
ГАКК	— Государственный архив Краснодарского края.
ЗООИД	— Записки Одесского общества истории древностей.
РГО	— Русское географическое общество.
СКЭЭ	— Северо-Кавказская этнографическая экспедиция.

Аталиков В. Т.

ВАЙНАХИ В XVIII ВЕКЕ ПО ИЗВЕСТИЯМ ЕВРОПЕЙСКИХ АВТОРОВ

Известия иностранных авторов являются одним из важнейших источников при изучении истории любого народа. Особое значение имеют сведения иностранных писателей для тех периодов истории народа, когда у него не было еще своей пись-

³⁷ Гарданов В. К. Общественный строй адыгских народов. М., 1967, с. 249—250.

³⁸ ЦГА СО АССР. ф. 262, оп. 1, д. 51, лл. 3—об-4.

менности и своих письменных источников. Вайнахи принадлежат как раз к числу народов, которые на протяжении длительного периода своей истории оставались бесписьменными, и потому известия иностранных авторов служат подчас единственным источником для восстановления их истории.

Однако сочинения иностранных писателей являются обычно малодоступными не только для массы читателей, но и для специалистов-историков, так как, во-первых, эти сочинения опубликованы много лет назад и очень незначительными тиражами, вследствие чего их трудно выявить, и, во-вторых, они написаны на самых различных языках, которыми в большинстве своем читатели не владеют. Поэтому даже известные источники, не переведенные на русский язык, опять-таки остаются недоступными для читателя. Данная статья имеет целью представить несколько таких источников.

Кавказ известен европейцам с древнейших времен, однако многие кавказские племена и народы оставались неизвестными для них вплоть до XVIII в., поскольку до этого времени они не проникали в глубинные районы Кавказа. К числу таких народов относятся и вайнахи, первое достоверное упоминание о которых в западно-европейской литературе относится к рубежу XVII—XVIII вв. и принадлежит голландцу Н. Витсену (1641-1717), собравшему некоторые сведения о Кавказе во время его пребывания в Москве в 1664 г. в составе голландского посольства.

В 1705 г. Н. Витсен опубликовал в Амстердаме книгу в двух томах «Северная и восточная Татария» (на голландском языке), в которой он не описывает вайнахов, а только упоминает их в числе племен и населенных пунктов Дагестана: Хайдак, Карабутак, Шакати, Чечек, Фексай, Мичкиз, Акоцин, Вар, Шубут, Мерешы, Андин, Чебутли, Гуна, Аркац¹, и это все, что сообщает Витсен о вайнахах.

Немного подробнее сведения другого иностранца — И. Г. Гербера, который посвятил несколько строк описанию чеченцев.

И. Г. Гербер, по происхождению немец, поступил на русскую военную службу в 1710 г., в 1722 г. с армией Петра I пришел в Дербент и в течение последующих пяти лет занимался составлением карты Кавказа. Его «Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекой Курой народах и землях, и о их состоянии в 1728 году»² являются приложением к составленной им карте и содержат описание некоторых народов Кавказа.

¹ Витсен Н. Северная и восточная Татария, т. 2. Амстердам, 1705, с. 559. По-видимому, Витсен не мог отличить названия населенных пунктов от названий племен.

² Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. Спб., 1760.

Гербер сообщает, что раньше территория чеченцев простиралась от деревни Ендери до Каспийского моря, но казаки оттеснили их в горы. В 1722 году чеченцы перешли в подданство России, а до этого времени зависели от дагестанского шамхала. Далее Гербер пишет, что чеченцы управляются старшинами, занимаются земледелием и скотоводством, говорят по-татарски и исповедуют ислам суннитского толка. Этим и исчерпываются сведения Гербера о вайнахах.

Других сведений о вайнахах в европейской литературе первой половины XVIII в. не обнаружено. Значительно подробнее вайнахи изучены и описаны в последней трети XVIII в., после того, как Петербургская Академия Наук организовала несколько научных экспедиций на Кавказ. Руководителями экспедиций были члены АН, в основном немцы по происхождению, приглашенные в Россию для научной работы: И. А. Гюльденштедт, П. С. Паллас, И. Г. Георги и другие.

Помимо академиков, некоторые сведения о вайнахских племенах собрали поляк Ян Потоцкий, историк-любитель, и немец Якоб Рейнеггс, который совершил пять экспедиций по Кавказу по распоряжению русского правительства.

В XVIII в. на Кавказе побывали и знали о вайнахах еще многие другие европейцы, но по разным причинам не оставили записей об этом народе. Из числа имеющихся в нашем распоряжении в данной статье представлены наиболее содержательные сочинения, которые принадлежат четырем авторам: Гюльденштедту, Георги, Потоцкому, и Рейнеггсу, причем Потоцкий пишет о вайнахах в двух книгах, посвященных Кавказу.

Следует отметить, что наблюдения указанных авторов весьма поверхностны и их сведения очень незначительны по объему; как правило, в их сочинениях нет четкой системы и упорядоченности в изложении, вследствие чего довольно трудно сделать какие-либо заключения по отдельным историческим вопросам и проблемам. В статье, для систематизации сведений, отобраны известия названных авторов по следующим вопросам: этническая карта, этногенез, общественные отношения, религия и общественные праздники.

Этническая карта. Согласно нашим источникам, кистины (так названы все вайнахские племена в источниках) занимают значительную часть Кавказского хребта вдоль течения р. Сунжи и граничат с Кабардой, Лезгистаном и Грузией³.

³ Гюльденштедт И. А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. Спб., 1809, с. 77; Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, ч. 2. Спб., 1799, с. 58; Рейнеггс Я. Всеобщее, историческое и топографическое описание Кавказа, т. 1. Лондон, 1807, с. 38—39.

Гюльденштедт пишет, что кистинами этот народ называют грузины; андийцы называют их мицдшегис бутурул (народ мицдшегский), а татары и черкесы зовут их мицдшегами⁴.

Согласно Потоцкому, чеченцы, ингуши и карабулаки — это ветви одного народа, который сам себя называет мисджег⁵.

По сведениям Гюльденштедта и Георги, племя чечен населяет только один округ вдоль рек Аргун и Терек и может выставить до 5000 конных воинов; ингуши живут на границе с Малой Кабардой по р. Камбалее и также могут выставить 5000 конников; карабулаки живут в верховьях Суши и на шести ее притоках, их численность невелика. Все эти племена, по Гюльденштедту, населяют 22 округа: Эндре, Якай, Ахингурт, Ардахли, Вапи, Осет, Макал, Ангушт, Шалка, Чечен, Кулга, Галга, Дшанти, Чабрилло, Шабет, Чисхркакер, Атаги (здесь живут атакузы), Карабулак, Меести, Мередши, Галашка и Дубан. Как видно из этого списка, названия некоторых округов совпадают с племенными названиями.

Рейнегс, в отличие от Гюльденштедта, называет не округа, а племенные названия; он приводит 14 таких названий: Билити, Алти, Басти, Киг, великий Аттага, малый Аттага, Баргун, Чу, Хафшаул, Шали, Сагунт, Гиги, Чагкерре и Герметшир.

Кистины, по Гюльденштедту и Георги, живут небольшими деревнями, насчитывающими около 20 дворов. Гюльденштедт насчитывает около сотни таких деревень, возможно, речь идет о родовых общинах. Этими данными и ограничиваются сведения наших авторов в отношении расселения вайнахских племен.

Этногенез. По данной проблеме некоторые предположения высказывают Потоцкий и Рейнегс. Из бесед с ингушами, которые живут на правом берегу Терека, Рейнегс узнал, что ингуши ведут свое происхождение от маджар; «больше они ничего не знают о своем происхождении».

В отношении кистин, которые живут севернее ингушей, Рейнегс предполагает, что это тот самый народ, который назван Плинием гисты, а Моисеем Хоренским — хусты; Рейнегс считает их древнейшими обитателями Кавказа. Он считает также, что кисты, ингуши и карабулаки не одного происхождения, так как кисты не понимают ингушей и карабулаков. Более вероятным ему кажется, что кисты являются предками билитлей и чеченцев, так как чеченцы понимают кистов. Для подтверждения этих слов Рейнегс помещает небольшой кистинско-чеченский словарь.

Потоцкий, который специально занимался изучением древ-

⁴ Потоцкий Я. Путешествие в Астраханские степи и по Кавказу, т. 1. Париж, 1829, с. 123.

⁵ Георги И. Г. Указ. соч., с. 59—61; Гюльденштедт И. А. Указ. соч., сс. 79, 83, 87. Георги дает такие названия племен: чеченги, югуши, мильчег, карабулаки (аршты).

ней истории народов Кавказа, отмечает, что Страбону мишеги (мичкизы) неизвестны, поскольку, как предполагает Потоцкий, мишеги во времена Страбона еще не жили на Кавказе. В то время местом их обитания Потоцкий называет Гелы, или Гилан, «нынешний Талишан»⁶.

Далее Потоцкий пишет, что по его изысканиям во времена Менандра и Агафия (раннее средневековье) мишеги уже жили между Каспийскими воротами и страной апсилиев, нынешних шапсугов; Агафий называет их мишегами, Менандр — миндимианами.

Потоцкий предполагает, что до появления на Кавказе мишеги жили в горах Тавриды. При этом он ссылается на анонимный перипл, опубликованный Воссием на алано-таврическом языке, в котором есть слово «Ардауда», означающее «7 богов»; у чеченцев это слово звучит как «Ардаад» и имеет то же значение. Затем Потоцкий говорит, что если допустить это сходство, то необходимо рассматривать мишегов как выходцев с Тавра.

Общественные отношения. Сведения наших авторов по данной теме очень поверхностны и малочисленны, Потоцкий же совсем не затрагивает ее. Гюльденштедт, Георги и Рейнеггс пишут, что из кистинских племен князей имеют только чеченцы, а другие племена не имеют ни князей, ни дворян. По Гюльденштедту, племена, которые не имеют князей, выбирают в старшины наиболее богатых людей, имеющих много родственников. Наиболее знатными родами у ингушей он называет Мацеки, Боза, Чев и Пшанув, из которых ингуши и выбирают старшину и судью, который управляет делами от имени всей общины. У чеченцев, по его словам, правящая княжеская фамилия называется Туркан, она состоит в родстве с Авар-ханом.

Георги ограничивается коротким сообщением о том, что чеченги имеют у себя князей и дворянство, и в 1773 г. они якобы истребили своих владетельных князей.

По известиям Рейнеггса можно предположить, что старшин и судей выбирают на общем собрании: он пишет, что таких людей племя выбирает «по общему согласию». Общинники мало подчиняются избранным ими же старшинам и судьям, но, хотя эти должности и не приносят никакой выгоды, все же некоторые фамилии стремятся сделать их наследственными для себя.

О религии имеется несколько больше известий. Гюльденштедт и Георги считают, что у кистин следы христианства более заметны, чем у других кавказских народов, хотя от христианства у них осталось только почитание воскресных дней. Гюльденштедт заявляет, что они веруют только в единого бо-

⁶ Потоцкий Я. Ранняя история народов России. СПб., 1802, с. 16.

га; которого они называют Декла, и не знают других богов. Но тут же он сообщает, что у кистин есть следы христианства и мусульманства, и говорит, что кистины имеют многих жен, как мусульмане, но, вопреки исламу, едят свинину.

Потоцкий считает мусульманами только чеченцев. остальных — язычниками⁷, Рейнеггс разделяет кистин на мусульман и язычников⁸.

В отношении христианства Рейнеггс сообщает, что кистов и ингушей обратила в христианство грузинская или армянская царица Тамара, которая «построила церкви и осуществила много других добрых дел в этих горах». Но в течение ряда столетий христианство пришло здесь в упадок, особенно после того, как Папа отменил ежегодную посылку денег для обращения горцев в христианство.

Гюльденштедт и Рейнеггс говорят, что все кистины почитают одного отшельника, который живет в горах. По Гюльденштедту, его зовут Цани-Сатг (чистый муж), и живет он возле одной древней церкви в горах. Согласно Рейнеггсу, этот святой муж жил некогда в пещере возле деревни Вапила. Имя этого мужа неизвестно, но он часто показывается людям, вызывая у них великое изумление.

По наблюдениям Потоцкого, основной религией кистов является фетишизм. По его словам, они называют бога не Аллах, но Даал или Даа. Ингуши также называют бога Даал, но не признают его, а поклоняются своим скалам, которые называются у них Иерда, и небольшим фетишам из серебра, не имеющим какой-либо определенной формы. Эти фетиши называются Тсум и к ним обращаются с просьбой о дожде, о том, чтобы иметь детей и т. д.

Общественные праздники. В наших источниках имеется лишь одно описание общественного праздника у кистин, оно принадлежит Я. Рейнеггсу.

Рейнеггс не сообщает, с чем связан описываемый им праздник, он просто рассказывает о том, что происходит на этом празднике. По его словам, когда все жители деревни соберутся вместе, они садятся в большой круг, поют и вызывают молодых танцоров звуками гобоев, волюнок и флейт, чтобы они показали свою ловкость в честь этого дня. Танцы сопровождаются атлетическими упражнениями — «они один за другим совершают различные опасные прыжки и бросают друг друга». Потом танцоры подают друг другу руки, поют и танцуют в длинных рядах. Они часто ловко развертывают круг, открывают, закрывают его и заканчивают плясать теми же прыжками, какими начинали танцы. Женщины и девушки не могут присутствовать на этом празднестве, но они отыскивают слепого музыканта и

⁷ Потоцкий Я. Путешествие в Астраханские степи и по Кавказу.

⁸ Потоцкий Я. Указ. соч., с. 124.

развлекаются сами под его музыку, держась в отдаленном от мужчин месте.

Во время этих праздников родители заняты и более существенным делом, чем танцы, а именно, подготавливают брак своих детей. О браке предварительно сговариваются матери, потом отцы молодых договариваются о цене или о количестве лошадей, овец, быков, которых отец жениха должен отдать отцу невесты. После того, как договор заключен, невесту передают родственницам жениха, в сопровождении которых она входит в дом будущего мужа.

Уважение кистин к этим праздникам столь велико, говорит в заключение Рейнеггс, что даже горячайшие враги, встретившись на этом празднике, откладывают мщение, или, если это не кровная месть, примиряются.

Таковы сведения указанных европейских авторов XVIII в., касающиеся вайнахов. Их известия хотя и содержат спорные положения, тем не менее вносят ценный вклад в изучение истории вайнахского народа, многие периоды жизни которого остались не освещенными литературными источниками.

Магометов А. Х.

ПОСВЯТИВШИЕ ЖИЗНЬ ИЗУЧЕНИЮ ДРЕВНИХ КУЛЬТУР. ЭТЮДЫ ОБ УЧЕНЫХ

Патриарх кавказской этнографии академик Г. С. Читая

В конце 1981 года академику Георгию Спиридоновичу Читая исполнилось 90 лет. Вся научная общественность страны отмечала славный юбилей, а Советское правительство в признание его заслуг в советской этнографической науке наградило его орденом Дружбы народов.

С именем Г. С. Читая связано рождение кавказской школы этнографии. Получив классическое образование в Петербургском университете под руководством выдающихся кавказоведов Н. Я. Марра, И. А. Орбели и И. А. Джавахишвили, Георгий Спиридонович вернулся в 1917 году в Тбилиси и включился в активную научно-педагогическую деятельность. Талант исследователя с особой силой раскрылся в нем после установления в Грузии Советской власти. Блестящее образование, полученное им на восточном факультете Петербургского университета, дало ему возможность успешно заниматься этнографией не только Грузии, но и всего Кавказа, а также археологией и эпиграфикой.

Наряду с исследовательской работой, Георгий Спиридонович Читая ведет активную преподавательскую деятельность. Став во главе этнографических исследований в родной Грузии,

Г. С. Читая развернул деятельность по коренной перестройке работы в этой области на новых началах. Общеизвестен вклад в советскую этнографическую науку грузинской школы этнографов, создателем и руководителем которой является академик Г. С. Читая.

Большой интерес представляют работы Читая по теории и методике этнографии. В основу их положено комплексно-интенсивное изучение явлений, связанных с предметом исследований, благодаря которому в комплекс включаются базисные и надстроечные явления в их исторической последовательности, а с другой — каждый предмет описывается «как сумма человеческого труда» (К. Маркс), т. е. по материалу, технике и т. п. Применяя этот комплексно-интенсивный метод, основанный на марксистско-ленинском мировоззрении, коллектив этнографов, возглавляемый Г. С. Читая, накопил большой и ценный материал, характеризующий самобытные черты материальной и духовной культуры грузинского и других народов Кавказа. Этническая история народа (не только грузинского, но и любого другого) является отправным пунктом и началом для изучения всей культуры (материальной, духовной и социальной) каждого данного народа. Этой проблемой академик Читая занимается на протяжении всей своей научной деятельности. Так, в своих работах он опроверг ошибочные и вредные теории о том, что аджарцы, мегрелы, сваны, кахетинцы, гурийцы, месхи и другие племена Грузии якобы являлись до недавнего времени самостоятельными этносами (народами). Одновременно наш юбиляр доказал общность происхождения и этнического развития различных грузинских племен, которые на протяжении трех тысячелетий создавали общий язык и общую культуру.

Вообще же, занимаясь проблемами истории грузинской культуры, он всегда связывал ее развитие с этнокультурными процессами и контактами с другими кавказскими народами. Привлекая сравнительный материал, он на конкретных фактах показал родство и тождество отдельных элементов культуры Грузии, Кавказа и Передней Азии.

Чрезвычайно важна позиция автора в оценке места и роли дрезнекавказской цивилизации, выросшей на самобытной основе, в системе мировых цивилизаций. Таково его исследование о колхидской культуре, многие элементы которой нашли свое отражение в письменных источниках древних Вавилонии, Ассирии, Греции и Рима.

Местную, самобытную основу имеют другие культуры Кавказа (горное земледелие, альпийское скотоводство и луговое, металлургия меди и железа и многое другое), что опять-таки ярко показано в трудах академика Читая.

В данной связи нельзя не отметить одно важное обстоятельство. На основе уже первых результатов научных исследований культуры и быта грузинского и других кавказских народов,

когда еще не было широких масштабов археологических и других научных исследований, Георгий Спиридонович решительно поднял голос против вредных теорий и ошибочных взглядов большой группы исследователей (Г. Браунгард, И. Карст, М. Камиток, Ж. Монтандон, К. Иностранцев и др.) будто бы Грузия и Кавказ были проходным коридором, по которому в незапамятные времена проходили волна за волной малые или большие народы, и что современные народы Кавказа являются потомками остатков этих проходивших здесь народов. Он разбил антинаучную теорию «культурной миграции», и «вынужденного одалживания» своих культурных достижений неспособным к самостоятельному культурному развитию кавказским народам¹.

Значителен вклад Г. С. Читая в изучение древнеколхидской культуры². Исследуя данную проблему, он рассматривает истоки колхидской цивилизации, убедительно доказывает древние связи Колхиды с греческим миром и Передней Азией. Нам представляется необходимым привести некоторые мысли ученого, связанные с данной проблемой: «Из четырех древних синхронных культурных областей, отображающих в целом единую кавказскую культуру (1-е тысячелетие до н. э.), значительное место занимает Колхская культура, приковывавшая к себе внимание многих исследователей с давних пор (аргонавты, Геродот, Страбон и др.).

Человеческий созидательный труд и благоприятная природная среда Западной Грузии (Колхиды) могли обусловить здесь зарождение и развитие с древнейших времен очага культуры с ярко выраженными самобытными чертами. Эти черты (западно-колхоской) культуры улавливаются не только в древнейших сказаниях, легендах и мифах (аргонавты, Прометей, Амирани, Абрскил, Сира-кузнец и др.), но они реально выражены в материальных вещах этнографических и археологических». На основе этих данных академик Г. С. Читая не только воссоздает картину материального производства и хозяйственного строя населения Западной Грузии, но и определяет ее (Колхиды) значение для окружающих стран. Богатейшие природные богатства, развитое хозяйство — земледелие и скотоводство, металлургия и металлопроизводство древней Колхиды привлекали к себе внимание правителей Греции, купечества, да и всего греческого общества, нуждавшегося во всем том, что производилось в Колхиде. Особо ценилась в Греции колхидская сталь, создались здесь и легенды о колхидском золоте. «В это время,—

¹ Брегадзе Н. А., Гегешидзе М. К. Георгий Спиридонович Читая. (К 70-летию со дня рождения). — «Советская этнография», 1961, № 6.

² Читая Г. С. О некоторых основных чертах древнеколхидской культуры. «Europa et Hungaria». Congrëssus ethnographicus in Hungaria. Budapest, 1965.

пишет Г. С. Читая, — в Греции ощущается сильный недостаток драгоценных металлов и в первую очередь золота. Имевшиеся в стране небольшие золотые месторождения быстро иссякли. Поэтому греческие купцы устремились в те страны, где этот металл имелся, не останавливаясь перед опасностями и труднопреодолимыми препятствиями. Это обстоятельство нашло свое отражение в легенде об аргонавтах.

Ученый указывает, что «даже поверхностный анализ легенды показывает, насколько ценные указания и данные в ней содержатся. Они относятся не только к металлу, в частности к золоту, но и хозяйству, материальной культуре, религии. Данные сказания находят подтверждения и поддержку в материалах археологии, этнографии, этнолингвистики, этноботаники, этнозоологии Колхиды»³. Далее академик Читая пишет: «Элементы земледельческой культуры древних колхов проглядывают сквозь легендарную дымку сказания об аргонавтах»⁴.

Мировую известность принесли ученому исследования по истории земледельческих систем и пахотных орудий, проводившиеся им на протяжении почти пятидесяти лет. Эти исследования показали, что крестьяне в области земледелия обладают прочными, передающимися из поколения в поколение эмпирическими знаниями. Трудом академика Читая установлено, что народная земледельческая культура представляет собою сложную, цельную систему, которая включает разнообразные производственные навыки, трудовой опыт. Все это указывает на древность и самобытность земледельческой культуры на Кавказе.

Международное признание заслуг советского ученого Читая в области истории земледелия нашло выражение в избрании его членом Международного комитета по изучению истории земледельческих орудий. Он является активным членом грузинского Общества дружбы и культурных связей с зарубежными странами и ведет плодотворную работу в деле популяризации достижений советской этнографической науки за рубежом⁵.

Академик Г. С. Читая является участником многих международных конгрессов, где выступал с докладами по проблемам кавказской этнографии. Г. С. Читая много сделал для расширения делового сотрудничества ученых в разработке этнографических проблем.

Академик Г. С. Читая проявляет большую заботу о расширении и усилении деловой координации и сотрудничества в разработке этнографических проблем с исследователями из других республик Кавказа. В настоящее время завершена ра-

³ Читая Г. С. Указ. соч., с. 379.

⁴ Читая Г. С. Указ. соч., с. 387.

⁵ Гегешидзе М. К. Георгий Читая — основоположник грузинской советской этнографии. Тбилиси, 1980.

бота по созданию региональных этнографических атласов республик Кавказа и общекавказского атласа.

Георгий Спиридонович является не только активным участником создания этих атласов, но инициатором и руководителем этих работ⁶.

Мы уже говорили, что Георгий Спиридонович Читая не мыслит изучение материальной и духовной культуры грузинского народа без знакомства с культурой соседних кавказских народов, без анализа культурных ценностей созданных этими народами на протяжении веков. И вот уже на склоне лет, никогда не бывая ранее в Северной Осетии, он совершил пятнадцать лет тому назад поездку в осетинское ущелье. Со своими сотрудниками — профессором Верой Варденовной Бардавелидзе, Гиви Джавахишвили и другими он специально поехал в Цейское ущелье, чтобы на месте осмотреть древнее святилище «Реком» и другие культовые памятники Алагирского ущелья. Дело в том, что культовые памятники являются не только источниками истории идеологии древнего населения Кавказа, но и источниками изучения историко-культурных связей грузинского и осетинского народов. Кроме того, известно, что святилище-монастырь «Реком» в средние века был центром христианской пропаганды и просвещения в Северной Осетии и теснейшим образом был связан с Грузией. Отсюда вышел знаменитый проповедник христианства на Ближнем Востоке Николай Двали (Туаллаг Микъала), казненный в Дамаске за свою деятельность в 1314 году⁷.

Велики заслуги Г. С. Читая в организации и развитии музейного дела в Грузии и на Кавказе. Еще в середине 20-х годов грузинский и другой кавказский этнографический материал был разбросан по всей Грузии в незначительных местных музеях. Усилиями Г. С. Читая весь этот материал был в 1926 году сконцентрирован в Государственном музее Грузии, фонды которого обогатились ценными кавказскими коллекциями из Абиссинии, Ирана, Индии и других стран Азии. Долгие годы академик Читая руководил научной работой Государственного музея, заведывая его этнографическим отделом. Неоценима заслуга Георгия Спиридоновича в подготовке научных и научно-педагогических кадров не только для Грузии, но и всех республик Кавказа. Долгие годы Г. С. Читая возглавлял кафедру этнографии в Тбилисском государственном университете. Под руководством Читая авторский коллектив кафедры написал и издал учебник этнографии Грузии для студентов университета.

⁶ Гегешидзе М. К. Указ, соч.

⁷ Магометов А. Х. Реком. — «Ученые записки Северо-Осетинского государственного университета», т. 28, вып. II. Орджоникидзе, 1968.

Профессор Карой Цегледи — исследователь древних связей народов нашей страны с народами западной Европы

В изучении древней, да и средневековой истории народов нашей страны огромную роль играют исторические источники и исследования по этногенезу, культуре и политической истории тюркских и финно-угорских народов, с которыми на протяжении длительного времени находились в теснейшей связи предки современных народов СССР и, в том числе, предки осетин — скифы, сарматы и аланы.

Каждая новая работа, раскрывающая в той или другой степени эту проблему, представляет несомненный интерес для науки, является большим вкладом в нее. В зарубежной историографии и литературе упомянутым выше вопросам отводится довольно большое место. Одним из крупнейших ученых Европы, изучающих историю юга нашей страны в древнее время, является венгерский ученый — профессор Карой Цегледи. Профессор Цегледи заведует кафедрой восточной филологии Будапештского университета, является президентом Всевенгерского Общества ориенталистов (востоковедов), членом многих зарубежных научных обществ. Профессор Цегледи проявляет большой интерес к истории Северного Кавказа, Дагестана и Грузии. Многие годы он занимался начальной историей венгров (мадьяр). Дело в том, что венгры на современную территорию (Паннонию) пришли только в конце IX века. Зарождение и формирование венгерских (угорских) племен происходило, согласно многочисленным исследованиям, в Западной Сибири (междуречье Оби и Иртыша) и в бассейне средней Волги и Камы. Высказывались также предположения о том, что прародиной венгров была район Саян или современная территория Башкирии. Проблема локализации прародины венгров занимала еще ученых средневековья. Так, римско-католический миссионер-доминиканец Юлиан совершил два путешествия (в 1235 и 1237 годах) в поисках «Великой Венгрии», как именовалась в венгерской традиции прародина венгров. Сохранились описания этих путешествий, из которых явствует, что Юлиан нашел «Великую Венгрию», населенную уграми, понимавшими венгерскую речь и сохранившими предания об уходе на запад части их народа, в бассейне одного из притоков средней Волги. Это подтверждается свидетельствами источника второй половины XVI — первой половины XVIII в. о наличии еще в то время угорского населения в нижнем течении притока Волги — Камы. Спустя некоторое время угры передвинулись отсюда на север. Кстати, ближайшими родичами венгров по языку являются ханты и манси, составляющие ныне основное население Ханты-Мансийского национального округа. Что же касается мадьяр, то они с бассейна нижней Камы, двинулись на запад и в V веке расселились по соседству с аланами в ареале Северного Кавказа

и Северного Причерноморья. У венгров (мадьяр) установились здесь активные контакты и тесное сотрудничество в различных областях (экономической, политической и этно-культурной) с аланами. Однако аланы и особенно их предки скифы и сарматы в таких связях с веграми (уграми) находились еще на прародине последних (в Волго-Камье). Здесь и началось взаимодействие и взаимопроникновение культур двух древних разноразличных народов — алан и венгров, длившееся на протяжении более чем двух тысячелетий. Как видим, исследования Кароя Цегледи по истории венгров, его выводы о древней их прародине представляют непосредственный интерес и для древней истории осетинского народа, тесно связанного веками с венграми (по этому поводу мы выступали с докладом на IV Международном конгрессе финно-угроведов в 1975 г. в Будапеште). Выше мы упоминали о венгерском путешественнике-исследователе Юлиане. Благодаря его путешествиям и оставленным им запискам осетинская историография располагает теперь ценнейшими свидетельствами наблюдательного современника и очевидца жизни северокавказских алан. В рассказе о путешествии на прародину венгров Юлиан повествует о своем пребывании в Алянии, о ее политической раздробленности (это уже первое свидетельство распада довольно могущественного еще XII веке аланского государственного объединения), о быте средневековых алан. Интересно сообщение Юлиана о сохранении у алан остатков христианской идеологии и обрядности.

Профессор Карой Цегледи, издавно интересующаяся аланами, пишет об аланском племенном союзе в первом веке нашей эры, при этом делая вывод, что аланское вторжение в Парфию в 72 г. н. э. уже предполагает возникновение нового крупного племенного союза.

Профессор Карой Цегледи в своих исследованиях большое внимание уделяет древним кочевникам — гуннам, тюркам-болгарам, аварам, оногурам. И здесь венгерский ученый соприкасается с историей и культурой алан, которые опять-таки продолжительное время находились в многообразных связях с этими кочевыми народами. Известно, что аланы неминуемо оказывались в орбите гуннского племенного объединения, Тюркского каганата, Великой Булгарии. А в эпоху Хазарского каганата аланы и венгры составляли активную политическую силу, не раз выступавшую против господства хазар. В сложной политической обстановке в Хазарии, судя по различным источникам, аланы и венгры выступали совместно и поддерживали между собой тесные экономические связи. Венгерская хроника и аланский фольклор указывают также на этнические контакты между венгерскими и аланскими племенами. В изучение всех этих проблем вносит серьезный вклад научная деятельность Кароя Цегледи. В сферу его научных интересов входят также история и язык тюркских народов, печенегов и половцев, исто-

рия степных кочевников, алтаистика и многое другое. Все это вызывает живейший интерес у советской исторической науки и лингвистики.

Профессор Цегледи в самом широком смысле ученый-интернационалист. Он прежде всего большой энтузиаст изучения истории нашей страны, ее культуры. Ученый активно помогает также в подготовке специалистов для молодых арабских государств, сам непосредственно руководя аспирантами, поддерживает творческие связи с коллегами из других стран.

Благодаря таким энтузиастам, как Карой Цегледи, с каждым годом крепнет научное сотрудничество между учеными стран социалистического сотрудничества.

ПАМЯТИ ВЫДАЮЩЕГОСЯ УЧЕНОГО-КАВКАЗОВЕДА

Советское кавказоведение понесло тяжелую утрату — 18 декабря 1979 года скоропостижно скончался видный ученый, член КПСС с 1939 года, заведующий кафедрой истории СССР Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова, заслуженный деятель науки Северо-Осетинской АССР, доктор исторических наук, профессор Михаил Сосланбекович Тотоев.

М. С. Тотоев родился 25 июня 1910 года в сел. Христиановском (ныне г. Дигора) Владикавказского округа в многодетной семье крестьянина-середняка. С раннего возраста он был вовлечен в трудовой процесс и до 1928 года работал землекопом, грузчиком, пилильщиком. С февраля по август 1929 г. он заведует клубом в с. Христиановском, с сентября 1929 г. по август 1930 г. учительствует в начальной школе в высокогорном сел. Стур-Дигора. С августа 1930 г. по март 1932 г. он — студент рабфака Тимирязевской академии, по путевке

ЦК комсомола участвует в строительстве Бобриковского химкомбината. С марта по август 1932 г. работает инструктором «Мостехпромсоюза», затем поступает на учебу в Высший педагогический институт системы «Центросоюза», но по болезни в 1934 г. возвращается домой, где после выздоровления работает в райвоенкомате, на Дигорском сельскохозяйственном рабфаке.

В августе 1936 г. М. С. Тотоев поступает на III курс исторического факультета Северо-Осетинского государственного педагогического института и оканчивает его с отличием в 1938 г. Направленный в сентябре 1938 г. в аспирантуру Северо-Осетинского научно-исследовательского института, он досрочно подготовил диссертацию «Переселение горцев Северного Кавказа», но в связи с началом Великой Отечественной войны защита диссертации состоялась только в ноябре 1943 г.

В годы Великой Отечественной войны М. С. Тотоев занимал должности заместителя заведующего отделом агитации и пропаганды Орджоникидзевского горкома партии, заведующего ГорОНО, в апреле 1942 г. он был мобилизован в Красную Армию, служил в резерве политсостава Главного ПУРККА в г. Иваново, преподавал в Ивановском военно-политическом училище, в действующей армии был агитатором политотдела 197 стрелковой Брянской Краснознаменной дивизии на Белорусском фронте. После увольнения в запас в августе 1946 года М. С. Тотоев стал работать доцентом кафедры истории СССР Северо-Осетинского государственного пединститута (затем университета). С 1951 года до последних дней жизни М. С. Тотоев был заведующим этой кафедрой, а с 1950 по 1958 год одновременно заведовал историческим отделением Северо-Осетинского научно-исследовательского института. В 1948—1950 гг. М. С. Тотоев состоял в докторантуре института истории СССР, подготовив и защитив в 1950 г. докторскую диссертацию «Развитие культуры и общественной мысли в Северной Осетии в пореформенный период».

Человек исключительной трудоспособности, ученый большой эрудиции, ученик профессоров Г. А. Кокиева и Б. В. Скитского, М. С. Тотоев был продолжателем их замечательных традиций. В 50—70-е годы М. С. Тотоев был одним из ведущих историков Северного Кавказа. Им написано более 300 научных работ, среди которых получившие широкое признание монографии: «Из истории дружбы осетинского народа с великим русским народом» (1-ое издание — 1954, 2-ое — 1963), «К истории дореформенной Северной Осетии» (1955), «Очерки истории культуры и общественной мысли в Северной Осетии в пореформенный период» (1957), «Очерки истории революционного движения в Северной Осетии 1917—1920 гг.» (1957), «Народное образование и педагогическая мысль в дореволюционной Северной Осетии» (1962), «Очерки истории культуры и общественной мысли в Се-

верной Осетии в начале XX века. 1903—1917 гг.» (1968), «Из истории русско-осетинских культурных связей» (1977). Он был соавтором многих крупных коллективных работ «История Северо-Осетинской АССР» (т. 1—2, ответственный редактор 2 тома), «Очерки истории Северо-Осетинской парторганизации», «История Кабардино-Балкарской АССР», «История БМК», «Очерки истории Чечено-Ингушской АССР» (ответ. редактор 2 тома) и др.

Много сил отдал М. С. Тотоев изучению творчества великого поэта К. Л. Хетагурова, которому он посвятил 19 работ. С именем М. С. Тотоева связано изучение основных вопросов истории Октябрьской революции и гражданской войны в Северной Осетии, он создал замечательную серию очерков о борцах за советскую власть в Северной Осетии, он создал замечательную серию очерков о борцах за советскую власть в Северной Осетии (о Ш. Абаеве, Д. Тогоеве, С. Такоеве, Г. Цаголове, Д. Гибизове, К. Кесаеве, А. Гостинове, Г. Арсагове, С. Кутарове, Н. Ботоеве, М. Гарданове и др.). Он был первым объективным исследователем истории партии «Кермен».

В 60—70-е годы проф. М. С. Тотоев выступает с работами по истории исторической науки («Часовой Октябрьской революции» и др.). Накануне безвременной кончины М. Т. Тотоев закончил редакторскую работу по подготовке к изданию большой монографии — «История г. Дигора».

Труды М. С. Тотоева внесли существенный вклад в историческую науку. Увлеченный и неутомимый исследователь, М. С. Тотоев принимал активное участие в работе многих научных конференций (в Тбилиси, Нальчике, Грозном, Махачкале, Ростове и др.). Им написано более 200 отзывов и рецензий на докторские, кандидатские диссертации и другие научные исследования.

М. С. Тотоев много сил отдавал подготовке научных кадров исторической науки — под его научным руководством подготовили и защитили докторские и кандидатские диссертации более 60-ти человек.

С 1968 по 1977 год М. С. Тотоев был членом Северо-Кавказского Совета по планированию и координации научно-исследовательских работ, членом объединенного Совета РГУ и КБГУ по защите диссертаций, возглавлял историческую секцию Северо-Осетинского совета по координации и планированию научно-исследовательских работ, многие годы был членом Ученого совета и конкурсной комиссии СОГПИ (затем СОГУ им. К. Л. Хетагурова).

М. С. Тотоев был лектором обкома и горкома КПСС, лектором общества «Знание», избирался членом пленума Ленинского (гор. Орджоникидзе) райкома КПСС, депутатом Верховного Совета Северо-Осетинской АССР (1971—1975 гг.). Он был награжден орденом «Знак Почета» и 12 медалями.

М. С. Тотоев был известен как человек большой простоты, исключительной обаятельности и благородства, неподдельного мужества в отстаивании научных принципов. Он питал большую неприязнь и отвращение ко всякого рода приживальщикам и крохоборам в науке.

Безвременная кончина профессора М. С. Тотоева — большая утрата для советской исторической науки. Светлую память об ученом-коммунисте, выдающемся кавказоведе, щедро одаренном неповторимыми человеческими качествами, всегда будут помнить и хранить его товарищи, ученики и коллеги.

Редколлегия.

Содержание

Лавров Л. И. (Ленинград) Культура и быт народов Северного Кавказа в XIII—XVI веках	3
Магометов А. Х. (Орджоникидзе) Взаимодействие культур иранских (скифов, сарматов и алан) и финно-угорских народов	25
Мамбетов Г. Х. (Нальчик) Некоторые пережитки в семейно-бытовых отношениях (кабардинцев и балкарцев и пути их преодоления	34
Виноградов В. Б., Магомадова Т. С. (Грозный) Две заметки о ранних русско-северокавказских связях	45
Магометова В. Д. (Орджоникидзе) Роль передовой русской интеллигенции в просвещении и развитии культуры среди горцев Северного Кавказа во второй половине XIX века	57
Тотоев Ф. В. (Орджоникидзе) Развитие домашних промыслов и ремесла в Северной Осетии во второй половине XVIII—первой половине XIX века	75
Невская Т. А. (Ставрополь) Семья и семейный быт русского крестьянского населения Ставрополя в XIX—начале XX века	94
Зверева Ю. И. (Москва) К истории поселения абазин-шкарауа (первая половина XIX в.)	111
Аталиков В. Т. (Москва) Вайнахи в XVIII в. по известиям европейских авторов	119
Магометов А. Х. (Орджоникидзе) Посвятившие жизнь изучению древних культур. Этюды об ученых	125
Памяти выдающегося ученого-кавказоведа	132

ИСТОРИЯ, ЭТНОГРАФИЯ И КУЛЬТУРА НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

(Межвузовский сборник статей)

Редактор А. У. Голиева.
Художник Т. Т. Цориев
Технический редактор В. В. Гаврилова.
Корректор О. В. Хугаева.

Темплан 1981 года. № 389.
Сдано в набор 25.05.81. Подписано в печать 25.12.81. ЕИ 02174. Формат бумаги 60х90¹/₁₆.
Бум. тип. № 3. Литературная гарнитура. Печать высокая. Усл. п. л. 8,25. Уч.-изд. л.: 8,89. Тираж 1000 экз. Заказ № 11090. Цена 1 р. 30 к.
Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова, 362040 г. Орджоникидзе, ул. Ватутина, 46. Книжная типография Госкомиздата СО АССР 362011, г. Орджоникидзе, ул. Тельмана, 16.

1 р. 30 к